

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**УНИВЕРСИТЕТЫ
КАЧЕСТВА**

Дело коммунистического воспитания, как и всю свою революционно-преобразующую деятельность, КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики. Он дает нам понимание исторической перспективы, помогает определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед, правильно ориентироваться в международных событиях. Сила марксизма - ленинизма — в постоянном творческом развитии. Этому учил Маркс. Этому учил Ленин. Их заветам наша партия всегда будет верна!

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС.

**...ВАШИМ,
ТОВАРИЩ,
СЕРДЦЕМ
И ИМЕНЕМ
ДУМАЕМ,
ДЫШИМ,
БОРЕМСЯ
И ЖИВЕМ!..**

Уроки жизни

**Герой
Социалистического Труда,
народный артист СССР,
лауреат международных
и государственных премий
кинорежиссер
Марк ДОНСКОЙ.**

**Актер ордена Ленина Академического
Малого театра,
заслуженный артист РСФСР
Юрий КАЮРОВ.**

М. ДОНСКОЙ. В 1920 году, выступая на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, А. М. Горький сказал: «Есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом... Таким человеком... для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич. Я думаю, сколько бы ни говорить о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества...»

Согласитесь, Юрий Иванович, трудно более точно определить и выразить словами роль Ленина в жизни каждого советского человека, в жизни прогрессивных людей планеты. И мы с вами можем быть счастливы, что в какой-то мере причастны к работе над образом самого гениального человека нашей эпохи.

Образ этот открыл нашему искусству целое направление, которое мы называем Ленинианой. Оценивая сегодня труд художников разных поколений, участвовавших в создании кинематографической, театральной, изобразительной, литературной Ленинианы, надо помнить слова Луначарского о том, что Ленин «не только первый социалист по подвигам, которые он совершил, это — первый образчик того, чем может быть человек, как он может быть обаятелен и очарователен».

Действительно, ведь людям всегда, во все

В. И. ЛЕНИН. РИСУНОК ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РСФСР Б. ЛЕБЕДЕВА.

времена и эпохи нужен был «образчик того, чем может быть человек». Именно Ленин был, есть и остается главным героем современности. К его образу обращены сегодня взоры миллионов, он стал неотъемлемой частью нашего бытия. Но я глубоко убежден: какие бы талантливые режиссеры, актеры, драматурги ни брались за создание образа Ленина, все равно никому не дано постичь до конца подлинного многообразия и глубины ленинской индивидуальности, настолько она неисчерпаема.

Ю. КАЮРОВ. Тем более трудно это сделать в каком-то одном фильме, спектакле или полотне. И все же были художники, которым удалось, на мой взгляд, наиболее глубоко и проникновенно воплотить в кино и театре дорогой образ. Я по-хорошему завидую этим художникам. Ошеломил меня Борис Щукин в фильме «Ленин в 1918 году». Смотрел и не видел артиста: верил, что это Ленин, что именно таким он и был. Поразил глубочайшим проникновением в характер великого человека и Максим Штраух, когда я увидел его в «Рассказах о Ленине», особенно в новелле «Последняя осень». Очень люблю смотреть Бориса Смирнова в «Третьей Патетической» во МХАТе. В созданном им образе я вижу масштаб личности вождя, вижу гений Ленина. За такие уроки—уроки-открытия, уроки-откровения—всегда бываешь благодарен людям, помогающим найти в Ильиче все новые

черты, новые грани его гениальности, человечности.

М. ДОНСКОЙ. Образы, созданные в театре и кино этими выдающимися мастерами, прочно вошли в сознание миллионов советских людей. А блистательные фильмы Михаила Ромма, Сергея Юткевича, Юлия Карасика! Они отмечены подлинным талантом этих режиссеров, и взять рубежи, воздвигнутые ими в Лениниане, сегодня непросто. Во всяком случае, художнику, решившему отдать свой ум, свой талант, свое сердце Лениниане, предстоит решать проблемы, требующие настоящего исследовательского подхода. И, конечно же, для человека, берущего на себя столь ответственную миссию, Лениниана должна стать делом всей жизни. В этом я убедился на собственном опыте.

Ю. КАЮРОВ. Было бы очень интересно узнать об истоках, которые привели вас к работе над образом Ленина.

М. ДОНСКОЙ. В 1938—1939 годах я, тогда еще совсем молодой режиссер, начал работать над кинотрилогией «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты». Естественно, собрал огромное количество материалов, посвященных жизни и деятельности великого писателя. Перечитал, и не по одному разу, все, что писал Алексей Максимович. Не могу забыть волнения, охватившего меня после

прочтения его очерка «В. И. Ленин». Думаю, что среди множества воспоминаний разных людей о вожде нет ни одного, которое бы могло по глубине и точности анализа, по силе эмоционального воздействия сравниться с этим очерком. Вот послушайте, как писал Горький о Ленине: «Писать его портрет трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им».

Героизм его почти совершенно лишен блеска, его героизм—это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей».

Какие точные, какие емкие слова! Только Горький мог так написать о Ленине—тут, мне кажется, открытия нет. Вот именно Алексей Максимович и его очерк дали мне своеобразный толчок к работе над ленинской темой.

Ю. КАЮРОВ. Вам приходилось встречаться с Горьким?

М. ДОНСКОЙ. Да, в 1935 году здесь, в Москве. Я тогда только начал собирать материалы к кинотрилогии, и меня занимало одно обстоятельство: в документальных кадрах, отснятых крупным планом, Горький часто

плачет. Я спросил его: «Когда, Алексей Максимович, вы приехали из Италии и вас встречали на вокзале тысячи людей, вы плакали... Плакали вы и когда были у беспризорников в коммуне Макаренко, и когда, стоя на Мавзолее, приветствовали нашу молодежь». Он чуть помедлил, закручивая ус, и промолвил: «Слезы разные бывают. Бывают слезы горести—плохие слезы... Но бывают слезы радости—хорошие слезы. Вот старше станете—поймете. Не бойтесь слез».

Ю. КАЮРОВ. Когда человек по-хорошему, по-человечески взволнован, ему нечего стесняться своих слез!

М. ДОНСКОЙ. А вот мы порой стыдимся проявления самых элементарных чувств. Иногда приходится видеть, что молодые как-то иронически, несколько снисходительно относятся к старшим. Мне тоже, признаюсь, казалось, что неудобно показывать на экране, как молодой революционер Володя Ульянов говорит «мамочка». А ведь Марию Александровну дети всю жизнь называли только так. Представьте, если бы все мы почаще говорили такие простые, ласковые слова, насколько бы это продлило жизнь нашим матерям!

Ю. КАЮРОВ. Владимир Ильич не раз говорил, что у него нет никого дороже на свете, чем его «маленькая мамочка».

НАША ОБЛОЖКА
В ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
НЕВИННОМЫССКОГО
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ «АЗОТ».

Фото
Владимира ЧЕИШВИЛИ.

УРОКИ ЖИЗНИ.

1 Диалог народного артиста СССР кинорежиссера Марка ДОНСКОГО и заслуженного артиста РСФСР Юрия КАЮРОВА.

ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.

4 «ХЛЕБ ДЛЯ ЗЕМЛИ»
Фотоочерк Анатолия БАРАНОВА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.

9 Стихи Адама ШОГЕНЦУКОВА.

10 КОММУНИСТ.
«ЕЛИЗАВЕТА ЕФИМОВНА».
Очерк Владислава БАХРЕВСКОГО.

12 Виктор АСТАФЬЕВ. «ТУРУХАНСКАЯ ЛИЛИЯ».

16 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «ТО-ТО БЫЛО СМЕХУ...».

18 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
Юрий ЕРЕМИН, доктор философских наук.
«ЕСЛИ ВАМ ХОЧЕТСЯ В РАЙ».

20 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ».

23 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Владимира ДОБИНА.

24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Поэт Андрей ДЕМЕНТЬЕВ о композиторе
Евгении МАРТЫНОВЕ.

25 Стихи Игоря ХАЛУПСКОГО.

26 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

28 Репортаж Олега СПАСКОГО с XII зимних Олимпийских игр.

31 Сказки Юрия ЯРМЫША.

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев
(ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчи-
ков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

М. ДОНСКОЙ. Так он называл мать до последних своих дней. Поверьте, за свою жизнь я много видел матерей с невыплаканными слезами. И в дни гражданской войны и позже, в годы войны с фашизмом. Мы преклоняем голову перед мужеством и стойкостью наших матерей, но в первую очередь мы должны сделать это перед матерью Владимира Ильича Ленина. У нее была нелегкая судьба. Рано умер муж. Через год был казнен Александр, еще через год умерла от брюшного тифа дочь Ольга. Потом последовали ссылки Анны, Володи, Дмитрия, Марии. У каждого из ее детей была трудная дорога, и с каждым она эту дорогу прошла. Диву даешься, откуда брались у нее силы! Почти всегда кто-то из ее детей был под наблюдением полиции или арестован, в тюрьме или в ссылке. И она помогала им, несла целительные слова утешения, никогда и ни в чем не упрекнув при этом. Она была их единомышленником, потому что понимала, во имя чего шли на смерть, в тюрьму и ссылки ее дети. Найдите мне еще образец такой матери! Ей и всем матерям мира я посвятил дилогию «Верность матери» и «Сердце матери».

Ю. КАЮРОВ. В этих фильмах вы очень удачно воплотили на экране тему формирования личности Володи Ульянова и его братьев и сестер...

М. ДОНСКОЙ. Мог ли я, делая фильм о матери Ильича, не показать в нем ее детей? Разумеется, не мог. Как они жили, в какой обстановке росли, воспитывались, что питало их мысли, поступки? Что означали для них такие прекрасные понятия, как Свобода, Любовь, Мечта, Романтика, Борьба... Пять лет ушло на упорную, кропотливую работу, прежде чем решился приступить к съемкам.

Помню, много времени потратили на поиски актера, который должен был играть Володю Ульянова. Из двух тысяч кандидатов выбрали двадцатилетнего выпускника ВГИКа Родиона Нахалетова. И вы знаете, даже после утверждения его на эту роль я продолжал беспокоиться: сможет ли он, актер практически без всякого опыта, справиться с такой наисложнейшей задачей? И рад, что не ошибся: за исполнение роли Ленина в этих фильмах Родион Нахалетов был отмечен премией Московского комсомола.

А после дилогии последовал фильм «Надежда», которому также предшествовало всестороннее изучение документов, воспоминаний, поездки по ленинским местам — в Ульяновск, Шушенское, Горки, Цюрих, Стокгольм... В шкафах моего кабинета столько материалов — дневников, фотографий, копий, набросков, зарисовок, заметок... что их хватило бы не на один фильм о разных периодах жизни Ильича. Есть издания на английском, французском, немецком... А встречи с людьми, знавшими или видевшими Ленина? Сколько их было! Не счесть...

Ю. КАЮРОВ. Да и люди-то какие: Горький, Ромен Роллан, Луначарский, Бонч-Бруевич...

М. ДОНСКОЙ. Незабываемые минуты, часы... Одна из таких встреч произошла в Швеции в 1966 году. На аэродроме меня встретили журналисты и познакомили с пожилым человеком с удивительно добрыми глазами. Он представился: «Гримлунд». Признаюсь, это имя тогда мне ничего не сказалось. И только потом мне напомнили, что Отто Гримлунд был одним из организаторов проезда Владимира Ильича через Германию и Швецию в Россию в апреле 1917 года. Много он поведал мне о встречах с Ильичем, рассказал о I конгрессе Коминтерна, на котором был единственным представителем левой социал-демократической партии Швеции. На прощание Гримлунд подарил мне портрет Ленина с дарственной надписью Ильича. Надпись, сделанная на немецком языке, гласит: «Дорогому другу, товарищу Отто Гримлунду. Ульянов-Ленин. 15 апреля 1920 года». Так я получил самый дорогой в моей жизни подарок. Этот портрет висит над моим рабочим столом. Смотрю на него, на легкий, стремительный разбег ленинского почерка и думаю о том, как мало еще успел сделать...

Ю. КАЮРОВ. 26 фильмов вы создали за 50 лет. Разве мало?

М. ДОНСКОЙ. Дело не в количестве фильмов. В другом. Соприкоснувшись с Ленининой, я не могу остановиться в поиске и постоянно ощущаю: не сказал всего, что хотел!

Ю. КАЮРОВ. Мне знакомо такое состояние. Особенно после выхода фильма на экраны... Я всегда оставался недоволен собой, смотрел и чувствовал: вот в этой сцене следовало бы изменить жест, а вот здесь, в момент разговора Ленина по телефону, неправдан взгляд — он не мог быть таким в ту минуту, следовало бы убрать прищур глаз... И вот таких «мелочей» набирается порядочно, а в целом после такого самоанализа возникает мысль: как жаль, что нет возможности переделать, переснять эту сцену. Так?

М. ДОНСКОЙ. Так, так... По-моему, все-таки это естественное явление в творчестве, тем более когда речь идет о воссоздании личности такого человека, как Ленин. Нам еще многое следует проверить в самих себе, еще многому научиться, но главное у нас есть — понимание ленинской жизни, понимание ленинской правды. И еще вот что: постоянное ощущение нашей общей причастности к жизни и делу Ленина.

Ю. КАЮРОВ. Вжиться в этот великий образ, всем сердцем приблизиться к поразительной личности Ленина — что может быть прекраснее для актера, для человека? Разве мог я, выходец из рабочей семьи, бывший токарь, матрос с Балтики, представить, что мне когда-то посчастливится воплощать образ великого Ленина на сцене театра и в кино?

М. ДОНСКОЙ. Извините, Юрий Иванович, я перебыл вас... Биография у вас не совсем обычная, и мне интересно проследить за вашим становлением, так сказать, за главными вехами жизни... Не возражаете?

Ю. КАЮРОВ. Нет, конечно. Только ничего необычного в моей биографии нет. Учился в ремесленном училище. Потом война... Когда убили отца, нас осталось трое: мама, я и младшая сестра. Работал токарем на ленинградском заводе «Вулкан», обтачивал мины для фронта. После войны — учеба в военноморском училище, служба на «Авроре». Легендарный крейсер сильно пострадал от бомбежек: было много пробоин, повреждена надстройка... Его мы и восстанавливали. В армии увлекся театром. Первые шаги делал под руководством В. В. Меркурьева. Он тогда руководил театральной студией во Дворце культуры имени Кирова на Васильевском острове. После службы поступил в театральный институт. Моими педагогами были выдающиеся деятели советского театра Елизавета Ивановна Тимме и Николай Евгеньевич Серебряков. Распределился в Саратов, в драматический театр имени Карла Маркса. Здесь и началась моя Лениниана. А вот в кино попал так. На «Мосфильме» решили снять фильм о молодом Ленине под названием «В начале века». Период в жизни Ильича весьма значительный: окончание ссылки в Шушенском, зарождение «Искры», осуществление плана создания первой в истории России пролетарской партии, выход в свет книги «Что делать?», встречи с Плехановым, поездка в Женеву... Ленину 30 лет.

Постановщик фильма А. М. Рыбаков приехал в Саратов в поисках артиста на роль Ленина. Просматривал в фойе театра фотографии актеров и затем пригласил меня на съемки. Конечно, я понимал, какую огромную, чрезвычайно ответственную работу мне предлагают. Долго размышлял, колебался, но в конце концов дал согласие.

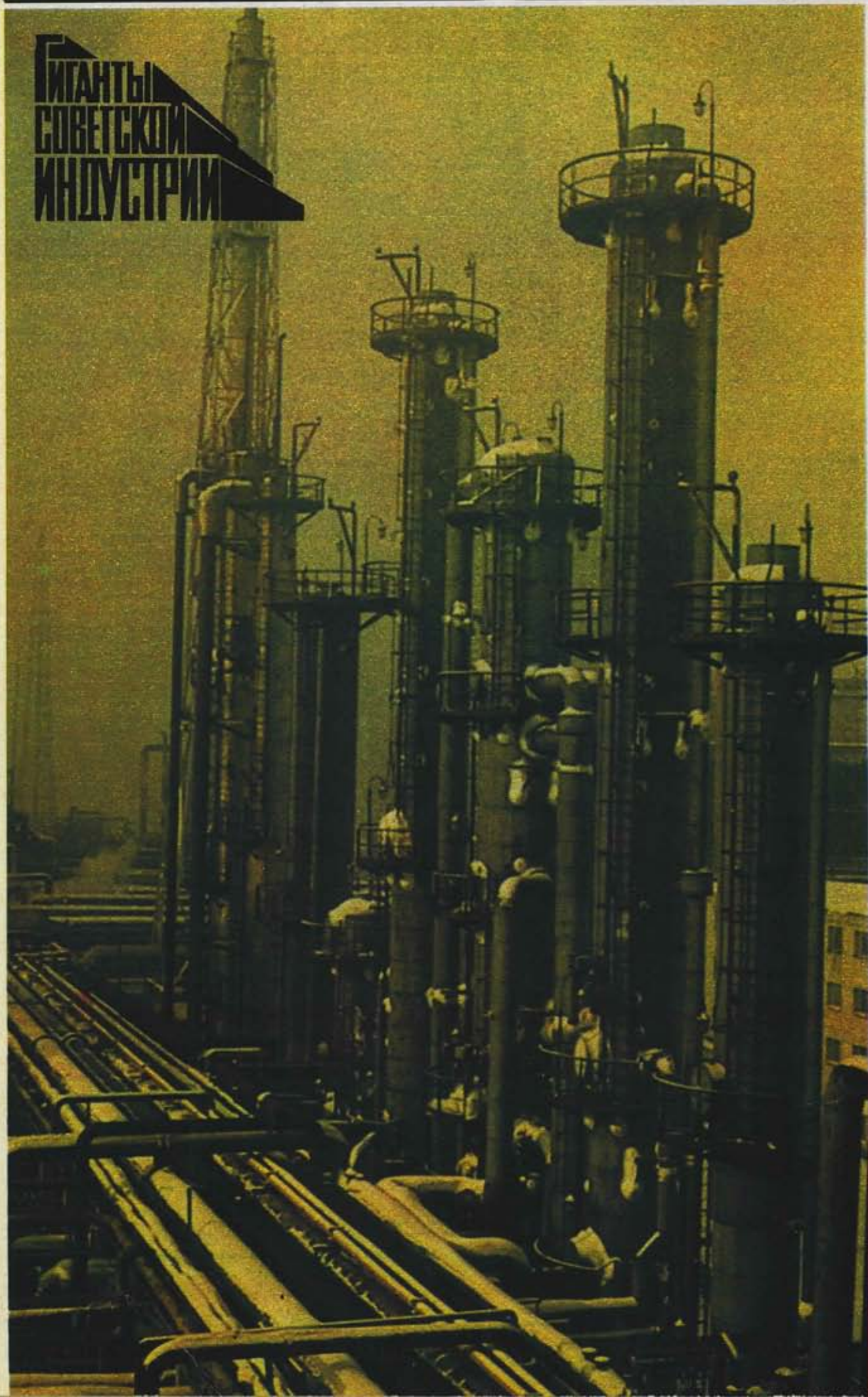
Начали с грима. Надо было прежде всего найти в моем лице какие-то черточки, сходные с чертами лица Ленина, и потом, путем усиления и выделения наиболее характерных черт, добиться максимального сходства с внешним обликом вождя. В результате нескольких попыток грим нашлся.

Но это было далеко не все. Ежедневно несчетное число раз я прослушивал записи выступлений Ленина, изучал особенности его речи. Обнаружил: Ленин говорил четко, не очень быстро, иногда короткой, рубленой фразой, иногда очень длинными периодами. Главные слова подчеркивал жестом и ударением. Когда сильно волновался, говорил шепотом. Начинать речь обычно тихо и постепен-

ХЛЕБ ДОЛ

ГИГАНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИИ

**РЕШЕНИЯ
XXV
СЪЕЗДА КПСС
ВЫПОЛНИМ!**

Смену принимали, как всегда, спокойно, без суеты. Проверили показания многочисленных приборов, занимающих три стены центрального пульта управления, заполнили первые строчки в журнале наблюдения. Все было нормально, и не удивительно: процесс давно отработан, аппараты и приборы «притерты», и сами аппаратики действовали четко и слаженно. Работали молча, но какое-то напряжение все же ощущалось.

— Вы случайно не филателист?— почему-то шепотом спросил Юра Сливко.— Недавно выпустили марку, посвященную нашему комбинату, и теперь все за ней гоняются. Правда, только два предприятия— мы и ЗИЛ— удостоились такой чести?

Я не знал и честно признался в этом.

— Марки меня тоже не интересуют, но эту я обязательно достану. Посмотрите, а комсорт-то наш волнуется.

СИЛУЭТЫ «БОЛЬШОЙ ХИМИИ».

ПРОДУКЦИЯ НЕВИННОМЫССКИХ ХИМИКОВ НИКОГДА НЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ НА СКЛАДЕ.

А ЗЕМЛИ

«В десятой пятилетке колхозы и совхозы получают 467 миллионов тонн удобрений вместо 307 миллионов в девятой».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС.

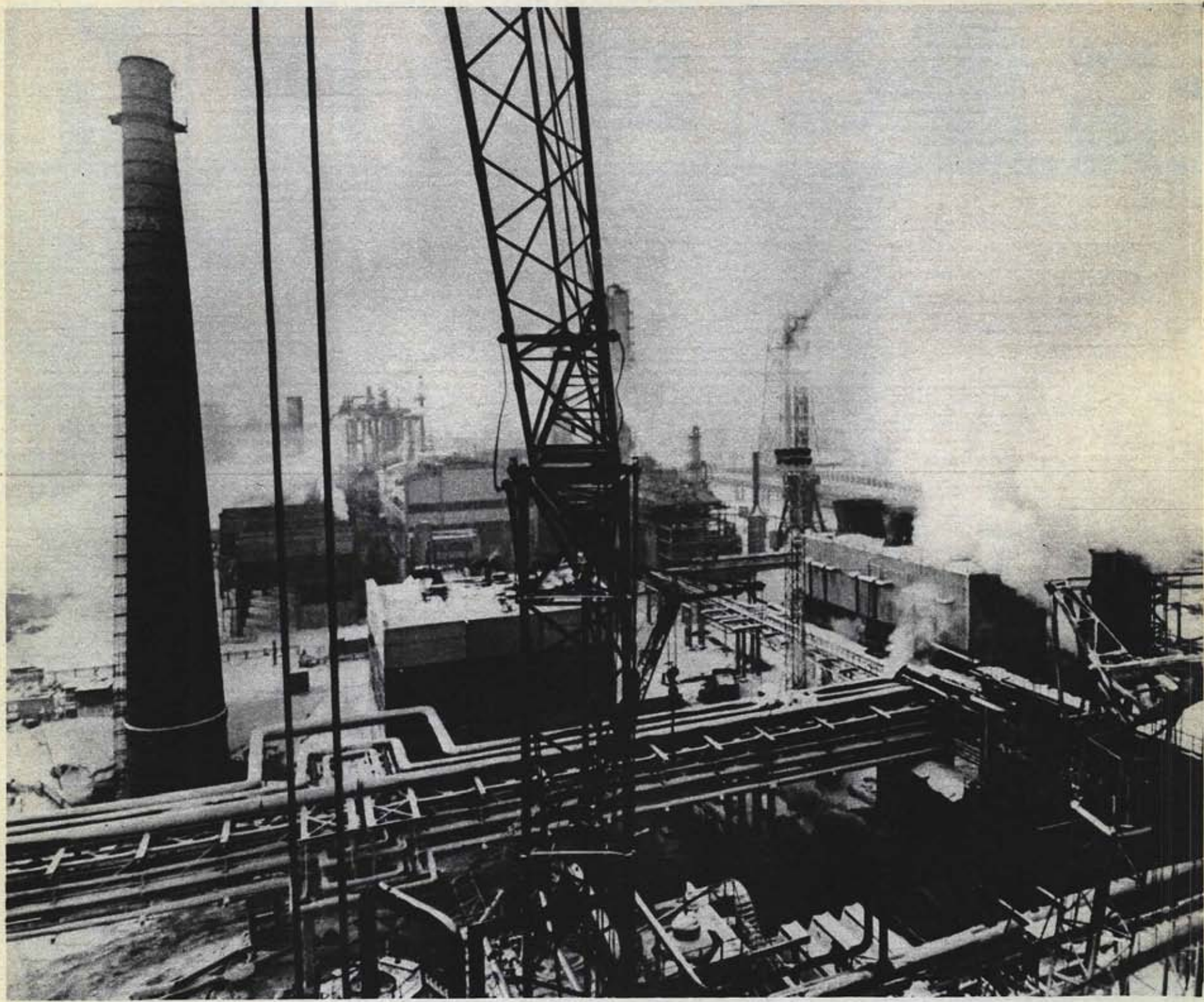
Станислав Сундиев крошил булку над аквариумом, но смотрел он не на золотистых рыбок. Кажется, не только он, но вся смена следила сейчас за колонной синтеза, где у пульта управления сидела Рита Анохина. И хотя все в цехе связано единой технологической цепочкой и работать на многих аппаратах значительно сложнее, колонна синтеза все же считается главным блоком. Здесь получают готовую продукцию — аммиак.

Старший аппаратчик Виктор Баронин принес полведра жидкого кислорода, аккуратно слил его в бак. Над баком за клубились охалки пара, и в центральном пульте управления сразу запахло весной. За окном стоял туман, и в нем едва просматривались переплетения трубопроводов, огромные шары и цилиндры газгольдеров, градирни, похожие на гигантские шахматные ладьи, гирлянды красных огней, усыпавшие ажурные переплетения высотных труб, как свечи праздничную елку. Факел, полыхавший над ближней трубой, отражался в оконных стеклах, расстилал по

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ КРУПНОТОННАЖНОЙ УСТАНОВКИ.

МАШИННЫЙ ЗАЛ АММИАЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

снегу огненные блики, и туман съедал разноцветный последний снег.

Начальник смены Виктор Перепечко перелистывал «бортовой» журнал и без конца поглядывал на часы, но стрелки, казалось, застыли на месте. А на пульте управления перемигивались красные и зеленые лампочки, вычерчивали круги и прямые линии самописцы, и стрелки приборов четко фиксировали перепады температур от минус 193 до плюс 996. Все в общем было обычным, если не считать этого февральского дня, обозначившего не только границу между отступающей зимой и первыми вздохами весны. В этот день, 24 февраля 1976 года, в Москве начал свою работу XXV съезд КПСС, а в Невинномысске комсомольско-молодежная смена имени XVII съезда ВЛКСМ, победитель предсезонского социалистического соревнования, работала на экономленном, или, как выразился Юра Сливики, «на собственном» сырье, электроэнергии и паре.

— Мальчики, поздравляю!—объявила наконец Рита.—Есть первые шестнадцать тонн. С двумя десятками.

Поздравление встретили радостно, хотя 16,2 тонны аммиака в час вовсе не были рекордом смены. Но, думаю, говорить сейчас об отдельных абсолютных достижениях не стоит. Наверное, важнее всего то, что пример-

но в этих пределах смена Виктора Перепечко работает постоянно. А чтобы понять важность этих цифр, назову еще одну: 12,3 тонны в час. Это проектная мощность установки. Значит, молодые химики почти на треть перекрыли проектную мощность, рассчитанную учеными и конструкторами. И сделали это они не однажды и не случайно. Но за счет чего же?

— За счет знаний,—говорит Перепечко.

— И опыта,—добавляет Виктор Баронин, недавно признанный в цехе лучшим по профессии.

— И, пожалуйста, не забудьте об интуиции,—просит Рита Анохина.—Без нее в нашем деле ничего не добьешься.

Рита жила и училась в старом городе. Так до сих пор именуют часть Невинномысска, ограниченную линией железной дороги и маленькой речушкой Невинкой, впадающей в Кубань. В старом городе узенькие улочки, кое-где еще мощенные круглым булыжником; маленькие дома, выбеленные известью, неизменные палисадники и водозаборные колонки. И еще в старом городе—первый памятник Ленину, и памятник великому земляку Кочубею, и живая память о славном прошлом станции Невинномысской, и реальные надежды на не менее прекрасное будущее, похожее на новый город, с его дворцами культуры и спорта, широкими проспектами и бульварами.

многоэтажными жилыми домами. Так или иначе все эти надежды связаны с Невинномысским комбинатом, совсем недавно получившим ранг производственного объединения «Азот».

Рита только постигала тайны азбуки и таблицы умножения, когда на дальнем пустыре, где невинномысцы испокон веков добывали песок и глину для своих глинобитных домов, началось строительство азотно-тукового завода. Конечно, начали его строить там не потому, что пустырь был бросовой землей, изрытой карьерами, в которых цвела зеленая вода и кишели лягушки. Выбор места определили прекрасные условия для развития химической промышленности: мощные газовые месторождения Ставрополя обеспечивали будущий завод отличным сырьем, а Кубань—водой; относительно мягкий климат давал возможность вести строительные работы «без зимних каникул» и располагать значительную часть оборудования на открытом воздухе, а железнодорожная и автомобильная магистрали надежно связывали производителей и потребителей минеральных удобрений.

Завод еще рос не вверх, а вниз (только закладывали фундаменты цехов), когда в проект уже внесли ряд прогрессивных изменений по выпуску ацетилена и его производ-

ных, и азотно-туковый превратился в химический комбинат, обещавший стать одним из ведущих в отрасли. Свои первоначальные обещания он не только выполнил. Те, кто начинал комбинат с «нуля», и предполагать не могли, во что превратится их детище. Впрочем, и нынешние работники невинномысского производственного объединения «Азот», которых никто не может упрекнуть ни в отсутствии здравого смысла, ни в недостатке фантазии, не могут назвать ни даты, ни границ, на которых прекратится рост этого гиганта химической промышленности.

— Есть сроки окончания строительства шестой очереди,—сказал мне главный инженер объединения Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС Вячеслав Михайлович Низяев.—Потом еще должны подняться три цеха сложных удобрений, потом...

В марте 1960 года ЦК ВЛКСМ объявил строительство Невинномысского химкомбината Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Большинство из прибывших по комсомольским путевкам не имело строительных специальностей, но недостаток знаний и навыков в какой-то степени компенсировался настойчивостью и упорством молодых строителей. Штаб стройки и комитет комсомола треста «Ставропольхимстрой» организовали

ХИМИЧЕСКИЙ ГИГАНТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОСТОЯННО РАСТЕТ. ИДЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ШЕСТОЙ ОЧЕРЕДИ

курсы повышения квалификации, школы передовых методов труда и даже университеты мастерства. Учились все строители. Многие из них ухитрялись одновременно постигать секреты строительного дела и волшебных превращений природного газа в минеральные удобрения, которые по праву называли хлебом для земли.

В школах Невинномысска химия неожиданно стала самым любимым предметом. Почти все Ритины одноклассники твердо решили пойти работать на комбинат и, на радость «химичке», старательно штудировали школьный учебник. Рите же больше нравился авторемонтный, где их класс один день в неделю изучал тему «Обработка металла резанием». Рита работала на фрезерном станке, и, говорят, выходило у нее неплохо, по крайней мере ей единственной из учеников доверили нарезать сложную шестерню. Вместе с аттестатом об окончании средней школы она получила удостоверение фрезеровщика и считала свою судьбу почти определенной. Но родители и слышать не хотели о заводе, они мечтали о том, чтобы дочь выучилась и нашла себе «чистую» работу. И Рита поступила в химико-механический техникум. Любую работу она привыкла делать основательно и толково, поэтому хотя и училась без особого желания, но старательно. А по-настоящему поняла и

полюбила (может быть, «полюбить» — это и значит «понять»?) химию только во время преддипломной практики. Тогда-то ее и заметил Виктор Перепечко, который, несмотря на собственную молодость, научился определять, где «химик милостью божьей», а где только прикрытый удостоверением или дипломом.

В начале девятой пятилетки старшего аппаратчика Перепечко, защитившего диплом по технологии неорганических веществ, назначили начальником смены. Впрочем, нынешней смены еще не существовало. Ее нужно было создать.

Руководство цеха обещало молодому мастеру помощь, пытались перевести к нему опытных рабочих, но те особого рвения не выказывали, тем более что по соседству с их цехом выросла единственная в стране (в то время) крупнотоннажная установка, где и зарплата была повыше, и квартиры обещали в первую очередь, и где опытных аппаратчиков принимали с распростертыми объятиями. Так что ничего не оставалось, как собирать смену из молодых и учить их и учиться вместе с ними.

Как-то у проходной комбината встретил Виктора Баронина. Был он в солдатской гимнастерке со следами только что снятых погон, но Перепечко узнал его сразу: два года

назад присутствовал в техникуме на защите Барониным диплома.

— Отслужил уже? Летит время! Куда собираешься?

— Хотелось бы в хороший цех. Говорят, вот на крупнотоннажной...

— Мало ли что говорят! Но все-то знают, что лучший цех — это наш.

Мне рассказывали историю о том, как сам Перепечко вот так же после службы в армии по комсомольской путевке приехал на комбинат. Только в отличие от своего тезки и нынешнего помощника Виктора Баронина диплома у него не было. И формулу аммиака NH_3 он прочел красиво и просто: «Наш». И будто бы тогдашний начальник цеха Валентин Николаевич Мухин не возмутился кощунством новообращенного химика, а радостно подтвердил: «Действительно, аммиак — это наш продукт. И ты, значит, станешь нашим человеком».

Случай этот был в действительности. Но с Перепечко ли? Он по крайней мере, рассказывая мне историю с «нашим» прочтением формулы аммиака, вспоминал другую фамилию. А в остальном все сходится. Чувствовал он себя на комбинате поначалу неуютно. Не сразу раскрывались секреты превращения воздуха и природного газа в минеральные удобрения. К тому же и однопольчане, соблазнившие его податься после службы в Невинномысске и по

дороге заехавшие «на недельку поведать родных», почему-то не объявлялись. Может быть, и Виктор бросил бы «волшебную науку», если бы не соседи по общежитию Виталий Таранушич и Володя Дульский. Это они помогли Виктору разобраться в сложных схемах, объясняли суть процессов, происходящих в глубине химических аппаратов, колонн и установок, помогли ему поступить в техникум... Они были его ровесниками, он их считает своими первыми учителями.

Как правило, аппаратчиками на химкомбинате работают люди с дипломами техникума. Есть, конечно, аппаратчики со средним образованием и с высшим. Но это все-таки исключение, а мы говорим о правилах. Есть еще одно, неписаное, но соблюдаемое весьма строго: на путь от аппаратчика до мастера смены уходит примерно десять лет.

Да, быстрее почти невозможно. Тут простая арифметика. Аппаратчик должен знать в совершенстве свое рабочее место и, как минимум, два соседних в своей цепочке: от кого получает продукт и кому передает. Старший аппаратчик, кроме рабочих мест своей зоны, должен знать и соседние. У мастера — целый цех, он должен уметь работать на установке конверсии и ректификации, в колоннах синтеза, знать работу машинистов компрессоров и парокотельной... В смене

РАЗБОР КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.

В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕЙЧАС РАЗРАБАТЫВАЕТСЯ АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ.

НИ ДНЕМ НИ НОЧЬЮ НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ РАБОТА В ЦЕХАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

ИТОГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ МЕЖДУ ЦЕХАМИ ПОДВОДЯТСЯ ЕЖЕДНЕВНО.

работает 21 человек. Мало знать работу каждого, это знание надо подтвердить специальным удостоверением. Но и сам по себе набор удостоверений еще не дает права занять главное рабочее место в цехе. Нужны знания, опыт и все та же интуиция, о которой химики говорят как о вещи вполне материальной, осязаемой.

Интуиция основывается на знаниях и опыте, опыт приходит с годами. «Да, десять лет как минимум,—подтвердил В. М. Низяев,—быстрее продвигаются только очень талантливые люди». Виктор Перепечко прошел этот путь за пять лет. Никаких талантов он в себе не замечал, искренне полагая, что любого новичка, полюбившего их дело, можно быстро сделать истинным мастером. И Виктор, несмотря на предупреждения опытных мастеров, обещающих ему «тяжкую жизнь в детском саду», смело брал молодых ребят.

Виктор Баронин привел в цех Сундиева. — Это наш человек,—отрекомендовал он мастеру своего друга.—Мы с ним вместе в общежитии жили.

Станислав Сундиев, в свою очередь, рекомендовал Петра Бабадеева и Владимира Ларского.

После нескольких лет работы с геологами в Заполярье решил сменить профессию Юра Сливко.

Получив диплом, пришла уже в «свою родную смену» Рита Анохина. Потом Нина Суходолина... И, наконец, «самая красивая девушка на комбинате, с самым красивым именем». Звали ее Таней. И она вскоре стала Татьяной Перепечко.

Казалось бы, собрались в смене разные люди, собрались случайно. Но уже вскоре они стали единым коллективом. Объединили их

общее дело и общая любовь к нему. И учеба. Учились все. Мастер, хотя и был порой похож на учителя, ведущего занятия в классе, определяющего задания на дом и экзаменующего ежедневно, учился вместе со всеми. Комсомольско-молодежная смена Виктора Перепечко одна из первых на комбинате разработала и внедрила комплексные личные планы. И в этих планах главное внимание уделялось учебе. Они учились считать затраты сырья и электроэнергии, учились искать резервы производства, учились работать на оптимальных режимах, что обещало значительное увеличение выпуска продукции. Что это такое, оптимальный режим? В технологии любого химического процесса определены жесткие границы, при которых происходит та или иная реакция. Границы по давлению, температуре и другим параметрам. Например, реакция синтеза аммиака, которой управляет Рита Анохина, происходит при максимальной температуре в зоне катализатора от 500 до 540 градусов. Если Рита будет постоянно удерживать температуру в этих пределах, никто к ней не сможет предъявить никаких претензий, никто не лишит ее премии за нарушение режима работы установки. Но Рита знает, что внутри температурных границ определенных технологическим регламентом, есть еще одна «вилка», в рамках которой реакция протекает наиболее интенсивно. Конечно же, знают об этой «вилке» и технологи, но они понимают, что удержать процесс в оптимальном режиме может только очень опытный рабочий. Поэтому все оборудование спроектировано в расчете на «обыкновенного» рабочего, оно допускает более-менее широкий интервал границ. Естественно, что и производительность установки рассчитывается из этих широких техно-

логических допусков. Нужно сказать, что и в режимах, определенных технологией, не так просто удерживать процесс, и только непосвященный, увидев аппаратчика за работой, может подумать, что он не управляет реакцией, а только следит за приборами. Работать же на оптимальных режимах вдвое-втрое сложнее и рискованней. Нужно обладать опытом, знанием и чутьем, как говорит Перепечко, чтобы суметь провести реакцию «по самому краешку». Рита может, и товарищи ее могут.

Не случайно уже через год после своего создания комсомольско-молодежный коллектив цеха I «а» был признан победителем социалистического соревнования и с тех пор постоянно находится среди лидеров соревнования. Это они, молодые рабочие, первыми подняли лозунг «Работать с превышением проектных мощностей». Их инициативу поддержали другие аппаратчики, а ЦК КПСС одобрил начин невинномысских химиков.

Сейчас в невинномыском производственном объединении «Азот» самый высокий в отрасли коэффициент использования мощности оборудования по выпуску азотных и фосфорных удобрений. Он уже давно перевалил за цифру, которую принято считать максимальной, то есть за единицу. Проектная мощность оборудования по выпуску азотных удобрений используется на 102,2 процента, фосфорных удобрений—на 103,2 процента, аммиака—вообще на 104,4 процента. В лаборатории экономического анализа объединения мне показали любопытные цифры. Так, например, средняя выработка аммиака на одного работающего в Невинномысске вдвое превышает среднеотраслевые показатели. А если брать только по крупнотоннажной установке,

этот показатель может вообще показаться фантастическим: выработка в этом цехе превышает среднеотраслевую в 7 (!) раз. Но у нас в стране еще, к сожалению, немало химических предприятий, которые и близко не приближаются к среднеотраслевым.

«Если бы они по производительности труда приблизились к нашему уровню,—сказал главный экономист объединения Александр Самойлович Визен,—это было бы равносильно вводу в действие еще одного гиганта химической промышленности».

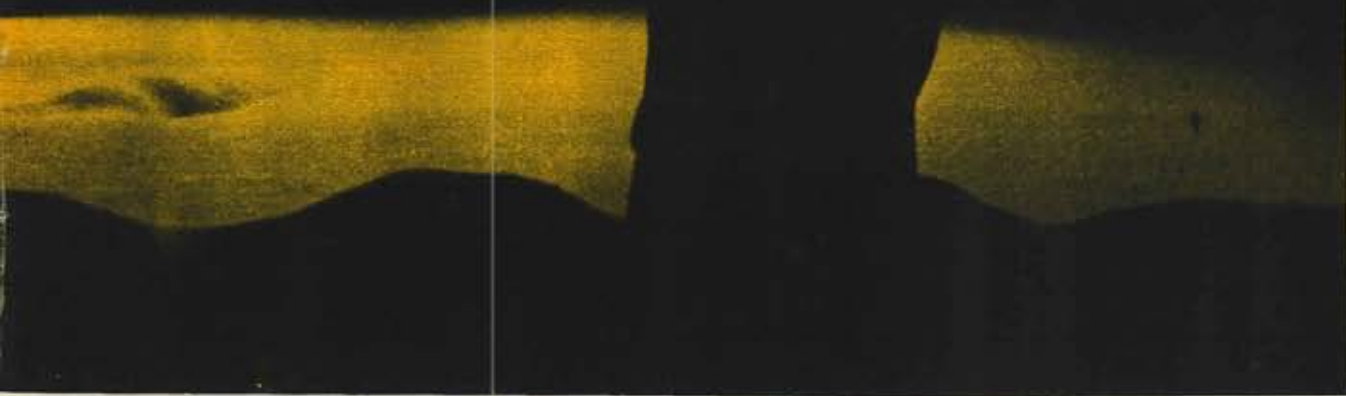
Естественно, что и себестоимость аммиака в Невинномысске самая низкая в стране.

Девятую пятилетку химики северокавказского гиганта завершили с честью. Сверх плана они выпустили свыше 220 тысяч тонн минеральных удобрений, а всего поставили народному хозяйству 13,5 миллиона тонн высококонцентрированных и сложных удобрений. Можно, наверное, подсчитать, какую прибавку к урожаю зерновых дал стране невинномысский хлеб для земли. По данным агронауки, одна тонна аммиачной селитры, внесенной в почву, дает прибавку урожая в пять центнеров, а применение карбамида и сложных удобрений делает прибавку еще более весомой.

Итак, химики Невинномысска в девятой пятилетке вышли на первое место в стране по выпуску минеральных удобрений, у них самая высокая производительность труда и самая низкая себестоимость продукции. Может быть, эти радужные показатели добыты за счет качества? Ни в коем случае. И по этому показателю они в первых рядах. Только в прошлом пятилетии государственный Знак качества присвоен выпускаемому здесь уксусной кислоте и уксусному ангидриду, углекис-

ИМЕНЕ ПЛАНА	1973	1974
ЦЕХ 7	1023	1030
	1073	1070
	1125	1085
	1121	1024
	1167	878
	1698	961
	...	...
ПРОДУКТ 1	...	...
	...	1171
	1107	1029
	1107	1018
	...	828

ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА	1973	1974
ЦЕХ 7	1735	1328
	1082	1059
ЦЕХ 9 ПРОДУКТ 1	1085	1025
ПРОДУКТ 2	1034	995
	848	1279
ПРОДУКТ 2	1141	1023
ПРОДУКТ	1042	1215
ВАРОВА		
РЕАКТА		
ВАРА		

лоте жидкой пищевой и углекислоте жидкой сварочной, меланжу кислотному, сухому льду пищевому, бутиловому спирту. В наступившем пятилетии решено аттестовать на высший Знак качества аммиачную селитру и карбамид, винилацетат и нитроаммофос, себациловую кислоту и ряд других химических продуктов. Многие из них практически уже подготовлены к аттестации. Так, например, уже несколько лет требования, которые предъявляет местный ОТК к карбамиду, превышают требования ГОСТа. Путешествуя по огромной территории Невинномысского химического гиганта, занимающего свыше 400 гектаров, переходя из цеха в цех, встречаясь с самыми разными людьми, я почти всем задавал один и тот же вопрос: «За счет чего вы вышли в передовики?» И начальники цехов, отделений, смен, аппаратчики и машинисты отвечали, как правило, одинаково: «За счет учебы, передачи опыта, постоянного поиска резервов».

Только экономический эффект от внедрения предложений рационализаторов и изобретателей комбината составил в девятой пятилетке около миллиона рублей... Школы передовых методов труда созданы во всех цехах. Кстати, один из рабочих комсомольско-молодежной смены цеха I «а» машинист Федор Романенко возглавил школу передового опыта всего аммиачного производства. А учатся здесь буквально все.

— Наша установка первая в стране, — рассказывал начальник крупнотоннажной установки Владимир Иванович Струтинский. — Мы вывели ее на проектную мощность на год раньше, чем планировалось. И казалось бы, учиться нам не у кого, но мы все же поехали по родственным предприятиям и только за

счет вот таких «экскурсий» рассчитываем поднять у себя производительность труда еще на две-три десятых процента.

Побывал на одном из родственных предприятий в Поволжье и Виктор Баронин. Комсомольско-молодежная смена волжан предложила невинномысцам заключить договор о социалистическом соревновании.

— Боюсь, что при нынешних методах выявления победителей мы проиграем, — грустно признался Виктор. — Если учесть, что у них коэффициент использования мощностей где-то около восьмидесяти процентов, то волжанам легче повысить производительность труда на десять процентов, чем нам на одну десятую.

Методика подсчета роста производительности труда от предыдущих достижений мешавает не только подведению итогов среди соревнующихся. К сожалению, до сих пор уровень фондов экономического стимулирования одинаков как для предприятий, значительно увеличивающих объем производства, производительности труда, рентабельности, так и для предприятий, не имеющих никакого увеличения этих показателей.

К составлению личных планов на десятую пятилетку комсомольско-молодежная смена Виктора Перепечко подходила особенно старательно, даже за помощью к экономистам обратились. И решили в первом году десятой пятилетки повысить производительность труда еще на два процента. Цифра на первый взгляд скромная, но комитет комсомола объединения оценил ее по достоинству. На расширенном заседании комитета комсомола все тот же вопрос «За счет чего?» уже задавали коллеги Виктора Перепечко и Станислава Сундиева.

Станислав подробно рассказал о сути почтенного молодых химиков: «На каждом агрегате каждую минуту оптимальный режим, максимальный съем продукции отличного качества».

Виктор рисовал схему новой расстановки рабочих смены, говорил о резервах и взаимозаменяемости, о совмещении профессий. Тот же Федор Романенко, например, взялся один работать там, где еще недавно было два машиниста.

Кстати, химики Невинномысска одни из первых в стране применили у себя щекинский метод. Только за счет совмещения профессий высвобождено около 1200 рабочих основных профессий. Все они заняли рабочие места в новых цехах объединения. Интересно, что за годы девятой пятилетки химический гигант на Северном Кавказе вдвое увеличил выпуск продукции, а численность работающих выросла всего на пять процентов.

Первый аммиак в Невинномысске получен в августе 1962 года. За годы восьмой пятилетки мощность комбината удвоилась. Такой же прирост мощностей был и в девятой пятилетке и будет, по предварительным расчетам, и в десятой.

За активное участие в строительстве химического комбината городская комсомольская организация награждена орденом «Знак Почета». Пятнадцать лет Невинномысский химкомбинат был в числе Всесоюзных ударных строек. И только в этом году перешел в разряд краевых и областных. Нет, это вовсе не понижение в ранге. Это — признание того, что первенец большой химии на Северном Кавказе крепко стал на ноги, превратился в мощное предприятие, способное в дальнейшем наращивать свои мощности самостоятельно.

Адам ШОГЕНЦУКОВ

Под ветром горным ветки сада
лицом к лицу с землей сошлись.
В горах держаться крепче надо,
иначе — вниз.
Иначе — вниз...
Вот, скажем, дуб:
ни клен, ни ива
с ним не сравнятся —
грянет вихрь,
пребудет дуб нетронут, ибо
покрепче их.
Покрепче их!
С чего бы я про дуб?..
С того ли,
что пела пуля у виска?..
С того ли,
что святая воля
была близка,
была близка?..
Я все о том —
откуда сила
берется в дереве крутом?
С чего его не подкосило
бураном лет?..
Я все о том —
когда рыдают ветки сосен
и скорбно плачут тополя,
когда на небе стынет осень
и стоном полнится земля, —
дуб твердо верует: лазури
за окном не убежать!
Его закон: навстречу буре
победно голову держать!

ДЛЯ ЖИВЫХ!

Опять встает над Машуком светило,
как если бы гвоздика расцвела.
А помню я, здесь поле битвы было,
земля войной изранена была.
Но —
словно бы забылся порох боя...
Мы шли в атаки.
Помню эти дни.
Теперь здесь парк.
Мир тихого покоя
взрачен руками шустрой ребятни.
Им, пионерам, ведомо:
здесь бились,
дрались за каждый камень их отцы.
За то, что им из детства возлюбилось,
под пули шли и падали бойцы.
Звучит набатом совести призывно,
стучась в сердца потомков,
как девиз:
«Да будет наша память неизбывна
о них, отцах, что в бронзе вознеслись!»

О молодость!
Живи в друзьях-джигитах!
О комсомолыя!
Тебе — мой скромный стих!
Отцы здесь пали
в битвах знаменитых
во имя счастья жизни —
для живых!

Перевел с кабардинского
Борис ПЧЕЛИНЦЕВ.
Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

— Елизавета Ефимовна, как вы встретили известие, что вам присвоено звание Героя?
— Плакала.
— Плакали?
— Плакала. И я, и в бригаде. Собрались и заплакали. Ну, а потом был митинг, я сказала, что выполняю пятилетку не за три года и шесть месяцев, а на месяц раньше.

— А как бригада отнеслась к награждению?
— Да ведь плакали... Хорошо отнеслись. Самой было неспокойно. У нас в бригаде женщины есть—по тридцать лет работают, а у меня весь мой стаж—двенадцать лет.

— Я знаю, вы были на фронте.
— Была. После войны год всего работала. У нас в деревне ткацкая фабрика, ну, не фабрика—филиал, ручное производство. Теперь закрыли. Там и руками и ногами приходилось... Челнок, погонялка... Муж после войны в техникуме доучивался, на Смоленщине, а я под Волоколамском у отца жила... Потом—домохозяйка, детей растила. Ваня в совхозе отделением заведовал, потом—директором. Каждому мужу хочется, чтоб с работы ждали, чтоб и помыться, и обед горячий... Ну, а как переехали в Орехово-Зуево, ребята у меня подросли, я и пошла на работу.

...Сюю с соседкой, радио слушаю. А по радио говорят: на заводе «Карболит» требуются пресовщицы. Я и не знала, где это—«Карболит». Говорю соседке: поехали, покажи... Ваня в командировке был. Он тогда завотделом в горкоме партии работал. Вернулся, а я ему говорю: мне на смену... Когда поступала, меня почти отговаривали. Мол, текучка у нас, работа тяжелая, жарко. А я им в ответ: летом только под деревом лежать не жарко. В июне как раз оформилась...

— Елизавета Ефимовна, с чего же все-таки начинается повесть вашей жизни? С войны, материнства, работы?..

— С войны, конечно.
Конечно, с войны. Для каждого человека, пережившего войну, жизнь делится на две, а то и на три части. До войны, во время войны и после. Мы разговариваем с Елизаветой Ефимовной в ее квартире на пятом этаже. Вдали, по горизонту, словно океанские корабли,—дома новых кварталов. Это причаливает в нашем Орехово-Зуеве новое время... Всю зиму за железной дорогой ломали зажившиеся морозовские казармы с их вечным сумраком коридоров. Сломали два-три дома на главной улице. И сразу она как-то сгорбилась. Всем понятно: стоять ей такой недолго. И немножко жалко эти полукаменные, с деревянным верхом двухэтажные дома, выдвигавшие на своем веку и Савву Морозова, и похороны революционера Черепнина, героя пятого года, и демонстрацию голодных ликующих...

— Елизавета Ефимовна, вы ведь депутат горсовета?
— Третий раз избирают... Мой участок на поселке, там в основном дома деревянные, с огородами.
— Хлопот, наверное?..
— Когда польза от таких хлопот—усталости не знаешь. Устаешь, когда бьешься—и впусло.

...По Слободской улице песок возили—всю дорогу выбили. Трубы нужны для стока. Колодцы ремонтировали: старые, погнувшие крышки сняли, новые поставили. Крайний дом в дожди заливает. Контейнеры для мусора нужно достать.
Дорогу починили. Трубы достала, правда, диаметр не тот, но это уже проще, обменяют. Крышки на колодцы поставили. Тротуар возле дома в низинке подняли, спасли от будущих наводнений. А вот контейнеров нет. Ходила к заводским сварщикам, взялись из отходов сварить...

Мелочи?
Коли говорим: людей беречь надо,—так надо беречь. Не терзать волокитой из-за труб, песка или какой-нибудь непрорыхающей лужи... А как я рада, что Клавдия Симягини квартиру дали! Домашко у них старый, две семьи. А она уже на пенсию вышла... Тридцать лет на заводе, а квартиры, выходит, не заработала. Хуже человека и обидеть-то

нельзя. Я к самому председателю горсовета ходила. Трехкомнатную дали. И мне радость, ну, а Клавде—само собой.

Листаю альбом с фотографиями. Обычный семейный альбом. Курортные пейзажи, чинные группы курортников. Внука. Маленькие дети, дети подростки, сын с женой...

А вот война... Два брата мужа, Николай и Василий. Оба в орденах. Молодые-молодые. К Берлину всю войну шли, в Берлине и встретились.

Сам Курчокин. Глаза горячие, лицо строгое, боевой, выдавший виды офицер.

— Сколько ему было, когда вы поженились?

— Двадцать два. Он был командир саперной роты. А потом ранило сильно. У нас в полку он был начальником четвертого отдела... У Курчокиных все воевали и все остались живы, отец и три брата.

Опять мы памятью уходим туда, в сорок первый.

— У нас перед тем как немцам прийти, прямо за селом бой случился... Я возле коровы сидела, чтоб не металась, не билась. Хлев-то у нее тайником стал, тесно, а тележка ждала. Как пошла стрельба, отец мне и говорит: «Иди, Елизавета, посиди с коровой. Ей с человеком спокойнее будет». Кончился бой: ни наших, ни немцев.

Собрались женщины возле нашего дома, подумали-подумали и пошли раненых искать. Всей деревней, без детишек, конечно. И

— Никого?

— Никого.

— Лизка, а ведь мы под немцем живем!—ткнулась Полинка лицом в лицо подруги, зарыдала, закусила губы, а у Лизы у самой в глазах чернота.

Два дня назад они ходили в Волоколамск искать среди пленных своих. Попали в облаву. Пригнали всех на площадь смотреть казнь. Семерых комсомольцев повесили.

— И Алешу... так же... Алексева... В лесу.
— Молчи!—шепчет Елизавета.

Не надо про Алешу. Он учился в одном с ними классе, а теперь как Сусанин. Говорили, завел немцев в лесную чащу, и они его... Только вот сами не спинули, вышли.

В деревне никого. Полинка бежит к себе—взять из тайника мяса и картошки. Елизавета через хитрый лаз пробирается к замурованной в хлеву корове, дать ей сена, убрать навоз... Она обнимает корову за шею и плачет. Алешу жалко, комсомольцев, убитых солдат, себя, всех людей.

— Потерпи, Ласка. Наши придут...

Отцу совсем плохо, воздух в землянке болотный, со стен течет. Решили вернуться в деревню. В доме только на кухне стекла, а там уже расположились господин офицер с господином писарем...

Два дня жили бок о бок с врагами. На третий—запылало по всему горизонту, загоротало. Немцы собрали вещи и уехали.

Утром Ефим Антонович с Елизаветой вы-

шли по воду. Смотрят, конники. Спрятались за сруб колодца. А конники все же заметили их, коней повернули.

— Папа, а ведь это наши!—закричала Елизавета.

Прибежали женщины, ребята, окружили кавалеристов, целовали, звали на угощение.

— Мать,—шумел Ефим Антонович,—тащи на стол.

— А что тащить-то!—ахала Мария Федоровна.—Все закопано. Одна картошка. Раскопаем сейчас.

— Некогда, мамаша. Давай картошку. Мы и картошке рады,—уверяли конники.—Улепечивают фрицы. Мы за ними во всю прыть, кухни не поспеваем.

Так вот и вернулась Советская власть в деревню Шишкино.

Когда, чуть позже, разбирали немецкой архив, нашли документ. Из него яствовало, что за преданность Советам семья Беляевых, отец, мать и дочери, подлежала казни через повешение.

На первом же собрании Елизавету выбрали бригадиром.

— А как сложилась судьба вашей подруги? — Сложилась... Не успела сложиться. Полина от ран умерла. Мы за своих-то девочек переживали. Спросишь у раненых: «Как там такая-то, ползает?» «Ползает». Ползает—значит, перевязывает, жива, значит. И вот я так же о Полине спрашиваю однажды: «Ползает?» А мне говорят: «Ранили твою Полину». Прибежала я в санбат, да уж поздно. Не узнала меня.

— Елизавета Ефимовна, вот хочется спросить: как вы смотрите на современную молодежь?

— У меня у самой полон дом молодежи. Со стороны поэтому сказать ничего не могу: человек заинтересованный. Объявили БАМ, молодежь тотчас и построилась в отряды, поехала свою молодость утверждать, за своими песнями... А в парк городской придеешь, смотришь: один пьяный, другой, третий. Так что вот так. Молодежь разная. Один водку пьет, а другой не хуже нас, добровольцев Отечественной, на самое трудное дело идет.

— Сложно, наверное, было перестраиваться после войны на мирный лад?

— Какая же сложность? Мир—это мир... Нет, к миру привыкать не надо, а к войне привыкнуть нельзя.

Коммунист

ЕЛИЗАВЕТА

теперь помню, как женщины в лица-то глядели. Повернут и глядят... А все там были неживые...

У Елизаветы Ефимовны глаза глубокие, темные, много печального и страшного увидели эти глаза, но в них не погасли золотые искорки радости, злая сила не одолела.

II

Вот уже целую неделю деревня Шишкино живет в лесу, землянки копаны наспех, но что делать? У Беляевых возле дома блиндаж крепкий, бревна в два наката: постоянцы-разведчики помогли. Здесь можно и бомбежку и артобстрел пережить, а вот как уберечь девочек, обе красавицы... Беляевы ушли в лес первыми. За Ефимом Антоновичем и вся деревня потянулась.

В Шишкино теперь ночью ходят. С опаской. Каратели уже в Волоколамске, а до Волоколамска десять километров.

— Эй, можно к вам?
Полинка Павлова в землянку будто въехала на густом белом облаке. Мороз.

— Большая, а маленькая,—с укоризной говорит Ефим Антонович.

— А чего?

— В лесу снег под ногой скрипнет—за десять верст слышать... Этак и гостей накличете.

Полинка виновато помалкивает. И в лесу-то слова вслух сказать нельзя.

— Я мигом.—Елизавета набрасывает протыно поперх шубы, повязывает белый платок.—Пошли.

За последними елочками Елизавета и Полинка юнгулись в снег и поползли. Деревня за оврагом неживая. Дома черны и безмолвны. В овраге отдышались, насторожили уши.

III

У Елизаветы Ефимовны лицо чуть утомленное: час назад пришла с работы. «Карболит» работает в три смены.

Утром я был в цеху, и она сама назвала это время.

— Может, попозже зайти?

— Я не уморилась. Сегодня у меня один пресс на ремонте стоял.

— Елизавета Ефимовна, сложно пресовщице выполнить норму?

— Наверное, хотите спросить, все ли мы

— Беляева! Старший сержант! — Елизавета торопливо добинтовывала раненого. — Беляева, слышишь?

— Ну, вот, родимый, теперь хорошо, лежи! Подскочила к начальнику:
— Здесь я, товарищ капитан.
— Не докричишься. Полчаса зову.
— Перевязку заканчивала.

— Командир зовет — все дела делай. — Уж больно что-то шумит Нагимов, и глаза какimoto у него несердитые. — Пойдешь на КП, командир полка звонил. Санитара у них убило. Ты ведь проворная, а там работы много. — Ей было страшно уйти. — Что стоишь? — услышала она чуть приглушенный голос Нагимова.

— В какую сторону идти?
Нагимов, видно, обрадовался вопросу и торопливо стал объяснять:

— По проводу. Бери провод. Вот этот самый провод. И ступай. Он тебя приведет. Командир полка по нему звонил.

— Спасибо.
Она сказала капитану это штатское слово и пошла. И он беспомощно глядел ей вслед, потому что ничем уже не мог помочь.

Старший сержант Беляева шла лесом, и было ей не одиноко. Навстречу несли раненых, другие шли сами. И она всех узнавала в лицо. Она ведь их кормила чуть не полгода, а потом взвешивала, выдавала им лекарства, проверяла чистоту.

Комбат показал Беляевой баньку под обрывом у самой воды.

— Там раненые. И в баньке и в траншеях. Перевяжи и посиди с ними до ночи. Ночью всех заберем.

Старший сержант козырнула, в глазах у комбата выскочила из траншеи и клубарем покатила по ледяной горке вниз.

— Куда ты? — крикнули ей вдогонку. Она поняла, что опять совершила какую-то ошибку. И точно: ударили пулеметы, ее осыпало ледяной пылью, но враг запоздал.

В траншее не было ни одного здорового человека. Она в тот день видела столько искалеченных людей, что и сама не понимала, как можно жить, когда люди с людьми совершают такое. Ее спасли молодость и мудрое спокойствие солдат.

Сначала не она, а они говорили ей ласково:
— Ничего, сестричка, обойдется. Делай свое дело, на нас внимания не обращай. Ты работай, а мы потерпим.

И они терпели. Терпели весь день и потом, когда их тащили на гору и переносили в тыл.

— Выпей чайку, — сказал ей комбат, когда она, мокрая от крови и снега, сидела в его блиндаже, не в силах ни пошевелиться, ни слова сказать...

Сколько прошло за войну через ее руки раненых, она точно не знает. Много.

На Волхове, в Латвии, Литве и под Берлином, до которого она не дошла 60 километров.

Две медали «За боевые заслуги», медаль

Посвистел Елизавете озорник-скворец. Она выгоняла корову в стадо. Коровы пылили, пастух стрелял кнутом, женщины шли досыпать, придерживая калитки, перекрикивались с вечера недосказанными сплетнями.

Елизавета Ефимовна тоже пошла было домой, но, удивленная игрою солнца, в четыре часа уже теплого, радуясь высокой траве, пробудившейся живности, остановилась и, не придумав никакого дела, все-таки повернула в луга. Она шла по привычке быстро и все что-то вспоминала, очень важное и большое. Она хорошо знала, что это большое и важное сидит в ней и ждет, пока о нем догадаются, пока назовут его словами.

— И чего это я? — думала Елизавета Ефимовна, но не мешала себе, почему бы и не почудачить? Дома все сядет, шестимесячная Татьяна наелась и теперь будет довольно поспать до девяти.

Елизавета Ефимовна прошла через розовый от цветов шиповник, мимо глубокой, заросшей по краям черемухой воронки с темной снеговой водой и вдруг увидела алюминиевую пирамидку, увенчанную красной жестяной звездой — могилу солдата.

Елизавета Ефимовна никогда не была здесь, она не знала про эту солдатскую могилу и поспешила к ней. Обошла ее кругом, но так и не узнала имени павшего.

ЕФИМОВНА

Владислав БАХРЕВСКИЙ

— Максимов, что ли?
Снежное лицо шустрого Максимова. Все вокруг их девичьей роты крутилось.

— Обе ноги, — ответили ей.
Она вышла в поле. Цепочка раненых прервалась. Теперь нужно идти одной. И вдруг нарастающий свист.

«В меня!»
Бросилась вниз лицом, а когда грохнуло, вскочила и побежала. Опять засвистело, опять легла и бросилась вперед одновременно с разрывом.

— Дура! — кричали ей из окопов.
И она понимала, что действительно дура, что делает не так, надо иначе спастись от снарядов, но как это делать правильно, по науке — забыла.

В траншею она скатилась на голову сердитого лейтенанта.

— Беги, когда свистит, а потом ложись и жди. Осколками убить может.

— Спасибо, — сказала она лейтенанту. — Мне на КП.

— Вот он, наш КП.

Раненых было много. Полк атаковал. Ему поставили задачу: переправиться по льду на другой берег реки Волхова и закрепиться. Выполнить приказ не удалось. Немцы расстреляли речку, превратили лед в крошево. Двум или трем взводам, успевшим перескочить на другой берег и зацепиться на «пятак», пришлось думать об отходе. Полк понес такие большие потери, что его нужно было отводить и формировать почти заново. Командир полка был ранен. Когда Елизавета перевязывала его, он еще мягче, чем Нагимов, не приказал, а попросил.

— Старший сержант, дружок, проберись в первый батальон, они над самой рекой. У них очень тяжело

«За отвагу», орден Красной Звезды — самые солдатские награды, награды безотказных тружеников войны.

Из 23 девушек, с которыми она начала службу, в роте осталось трое.

Когда старший сержант Беляева садилась на телегу — ехать домой, в Россию, — подбежал старший лейтенант Курчиюкин.

— Дай адрес.

— И мой возьми, и мой! — озоровали попутчицы.

Они давали адреса всем. Господи, да приежайте все! Ведь живы остались, ребята! Слава богу, не вас без рук или без ног пришлось тащить с нейтральной полосы.

Сказала свой адрес Елизавета, и не так, как другим, со смешком, заигрывая и ничего не обещая. Она сказала ему свой адрес голосом самым посторонним. И в первый раз за поворотом, когда не стало видно старшего лейтенанта, сделалось ей горько: какая все-таки несправедливая жизнь дана военному человеку. Сегодня ты здесь, а завтра... Вот этот и хотел бы встречи, да ведь недосуг будет. У скольких, небось, адресочки спрашивал? Красивый...

Дома изгоревались. Война кончилась, а писем от дочки нет. Может, и ждать уже некого? После войны недобитые фашисты сколько людей из-за углов поубивали.

Отец, больной совсем, обивал пороги военкомата, к гадалкам повадилась ходить. И одна ему нагадала: успокойся, едет к тебе красавица-дочь, и не одна, с женихом.

Наврала, конечно.

Но ведь складно наврала. А может, и не совсем наврала?.. Потому что едва Лиза на порог, а следом за нею — жених. Тот самый, старший лейтенант Курчиюкин.

По дороге, взбрыкивая, словно теленок, мчался «газик». Поравнявшись с нею, он уперся вдруг всеми четырьмя колесами в землю, вздрогнул и замер.

Ваня, муж, удивленно, но и радостно смотрел на нее из кабины.

— Ребята проснулись?

— Спят. Я на работу.

— А меня тут, — она повела рукой, — сморило...

Он засмеялся, счастливый, и помнил ее к себе. Она подошла, и он шепнул ей:

— Ты очень красивая.

И она знала, что это правда.

VI

— Ну, все, за неделю премудростью овладела, — так сказал мастер великовозрастной своей ученице, которую он, уважая, называл по имени-отчеству: Елизавета Ефимовна. — Для порядку еще неделю поддержи тебя в ученицах — и с богом на самостоятельность.

Кому не приятно, когда хвалят! Для Елизаветы Курчиюкиной эта похвала мастера имела особый смысл, словно ей утраченные крылья вернули. Шестнадцать лет домоседничала, как тут было не потерять рабочей сноровки? Не потеряла. А с чего было терять-то? Коли в доме дети, а во дворе корова, тут с зарей голову с подушки поднимешь, а положишь, когда обе Медведицы на небесное гулянье выйдут. Работы сделанной не видно, слова доброго за чистые полы, за горячие щи, поданные вовремя, за стиранные рубашонки не положено. Так все и должно быть.

Пошла работа у Елизаветы Ефимовны. В первый же месяц догнала кадровых прессовщиц. Только вот легкость не больно-то ее радовала. В легкости всегда таится недобрый заговорчик. Пришла однажды Курчиюкина на смену с такой счастливой охоткой, так у нее все ладилось да спорилось в тот день.

И вдруг все пошло в брак.

Мастер успокаивает:
— Без брака никто не работает. Нет таких прессовщиц, у которых работа на все сто. Брак, он может в таблетке уже сидеть, в порошок.

Стыдно, но пошла Курчиюкина узнавать у браковщиков, в чем ее вина. Могла бы и не ходить — пошла. Оказалось, подогрев таблеток был недостаточно велик.

А на следующий день новая беда, та самая, о которой мастер говорил. Порошок в таблетках оказался некачественным.

Хоть с работы беги.

Елизавета Ефимовна даже лицом потемнела. Дома все ниже травы, на цыпочках ходят.

Стала Елизавета Ефимовна работать с оглядкой. Ни самой себе не верит, ни прессу. Никто, однако, новую работницу не погоняет, никто на нее не покрикивает. Успокоилась. В эти «тихие» дни Елизавета Ефимовна поняла, что это такое — секунда.

Понять секунду и быть ее хозяином — не одно и то же. Но это первый шаг к совершенству. Открытие, которому нет цены. Это не что иное, как переход в новое состояние: от бездуховного ремесла к творчеству.

Творчество и пресс?

Прессовщица поднимает пуансон, снимает готовые изделия, продувает воздухом пресс-формы, устанавливает арматуры, загружает материал в пресс-форму и опускает пуансон.

Вот поле деятельности. Если можешь — твори. Но что это такое — добытая мастерством скорость? Что это такое — качество при всей молниеносности операций?

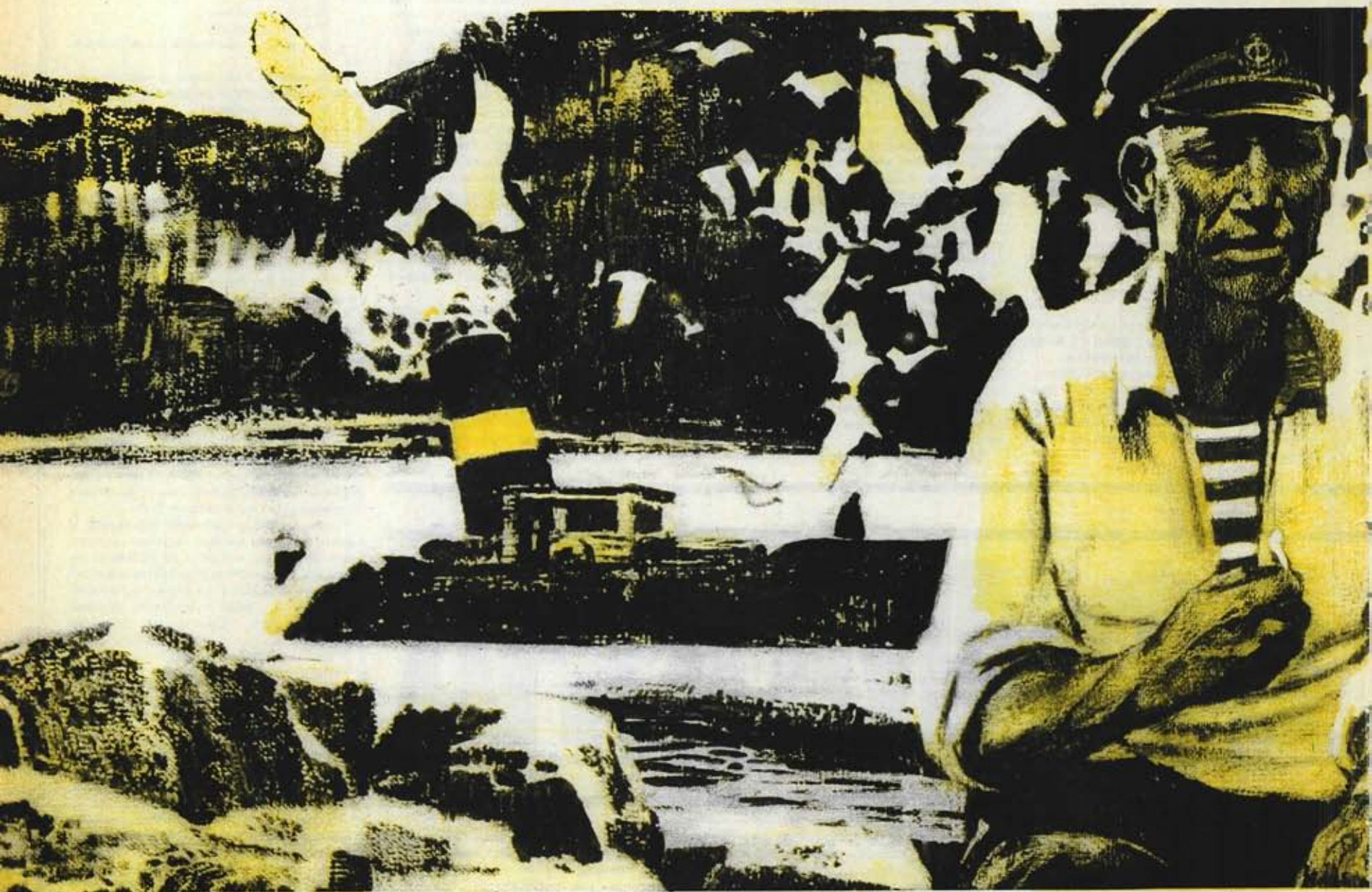
Видеть неуловимое для постороннего взгляда изменение цвета подогреваемых таблеток. Чувствовать вес, температуру, время. Чувствовать ритм, ускорять его и уметь отыскать мгновение и расслабиться, отвлечься.

Это дано не каждому. Это гармония работы. Гармония работы и есть творчество.

В механически рожденном предмете живет душа рабочего. Одинаковые в вид детали и детали имеют свою судьбу, и они по-своему надежны, у них свое долголетие, свой норов, упрямство и податливость.

Елизавета Ефимовна Курчиюкина родилась с талантом рабочего. Это тот самый талант, который дан тебе, который можно

Туруханская

Н

аконец-то побывал я на Казачинских порогах! Не проплыл их на пароходе, не промчался на «метеоре», не пролетел на самолете, а посидел на берегу у самого порога, и он перестал быть для меня страшным, не пугал, а привораживал, поднимал буйством какую-то силу, дремлющую в душе.

Я знавал пору, когда входивший в порог старикашка «Ян Рудзутак» верст за десять начинал испуганно кричать заполошными гудками и до того доводил пассажиров, что среди них случались обмороки, и своими глазами видел я, как било припадком рыхлую бабу, и голова ее гулко брякала о железный пол парохода. Публику всю в ту пору с палубы удаляли, да она большей частью и сама удалялась, залезала под койки, под бочки, хоронилась в узлах, в поленицах дров, которыми пароход забивался до потолка. «Рудзутак» хоть и числился «скоростной линией», отапливался дровишками и, случалось, из Игарки в Красноярск прибывал на десятый или двенадцатый день.

Итак, кто лез в дрова, кто в бочки, кто за ящики, кто в рухлядь, но и тогда уже попадались ухаи, которым ничего не страшно на этом свете. Они лаялись с командой, желая стоять грудью наперекор стихиям, глядеть на них и презирать их, утверждать и крепнуть духом, а удаленные с палубы мной раз с применением силы палились в окна, расплющив о стекла носы.

Когда мне первый раз в жизни довелось проходить Казачинские пороги, я спрятался на палубе под шлюпку и как там не отдал богу душу, до сих пор понять не могу.

* Глава из романа «Царь-Рыба», который полностью будет опубликован в журнале «Наш современник».

Берега к порогу сужались каменным коридором, воду закручивало, вывертывало вспученной изнанкой, от темени скал река казалась бездонной, ее пронзало переменчивым светом, из тьмы глубин встречно просекало острями немых и потому особенно страшных молний, что-то в воде искристо пересыпалось, образуя скопище огненной пыли, которая тут же скатывалась в шар, набухала, раскалялась, казалось, вот-вот она лопнет взрывом под днищем суденышка и разнесет его в щепки, но пароход сам бесстрашно врезался плугом носа в огненное месиво, сминая его, крошил и, насорив за собою разноцветного рванья, пер дальше с немислимой скоростью и устрашающим грохотом.

Лес по обоим берегам отчего-то сухой, да и нет лесу-то, веретье сплошь, палик черный; глохли, обмирал в камнях всякие земные краски, звуки, и все явственней нарастало глухое рокотание откуда-то из-под реки, из земных недр—так приближается, должно быть, землетрясение. Кипело, ахало, будто тысячи мельниц одновременно гремели жерновами, лязгали водосливом, бухали кованым вертелом, скрипели деревянными суставами передач и еще чем-то. Берега крутились, земля кренилась, норovia бросить все живое и нас вместе с пароходом в задранные белым исподом на грядках камней волны. Пароход подрагивал, поскрипывал, торопливо бил об воду колесами, пытаясь угнаться за улетающей из-под него рекой, и на последнем уже предделе густо дымила трубой, ревел, оглашая окрестности, не то пугая реку и отгоняя морочь скал, не то умоляя пощадить его, не покидать и в то же время вертко, вроде бы совсем неуправляемо мчался меж гор, оплеух, быков, скал и просто камней.

Что-то чем-то лязгнуло, брякнуло, громыхнуло, ахнуло, и шум поднялся облаком ввысь, отстал, заглохая—воцарилась мертвая тишина. Все! Идем ко дну! Не зря бабушка мне пророчила: «Мать-утопленница позовет тебя, позовет...» Но пароход не опрокидывался, никакого визгу и вою не слыша-

лось. Я выглянул из-под шлюпки. Порог дымился, бело кипел, ворочался на грядках камней уже далеко за кормой. Ниже порога, смиренно ткнувшись головою в камни берега, как конь в кормушку, стояло неуклюжее судно с огромной трубой, с лебедкой на корме, и с него что-то кричали на «Рудзутак». Из недоступной нашему брату верхней палубы голосом, сдавленным медью рупора, капитан «Рудзутака» буднично объяснял: «Зарплату не успели. Не успели. Со «Спартак» ждите, со «Спартак»».

Разговор про зарплату всех пассажиров успокоил.

Пароходик с лебедкой под названием «Ангара» был туер. Он пережил целую эпоху и остался единственным в мире. Трудились когда-то туеры на Миссисипи, на Замбези и на других великих реках—помогали судам проходить пороги, точнее, перетаскивали их через стремнины, дрожащих, повизгивающих, словно собачонок за поводок. Туер, что кот ученый, прикован цепью к порогу. Один конец цепи закреплен выше порога, другой ниже, под водой. И весь путь туера в две версты; сверху вниз, снизу вверх. Однообразная, утомительная работа требовала, однако, постоянного мужества, терпения, но никогда не слышал я, чтоб покрыли кого-нибудь матом с туера, а уж причин тому—ох, как много случалось: то неспоро и плохо училивались баржа или какое другое судно, то оно рыскало, то не ладилось на нем чего-нибудь при переходе через пороги, в самой страшной воде. Сделав работу, туер отцепит от себя суденышко, пустит его своим ходом на волные просторы, в которых самому никогда бывать не доводилось, пикнет прощально, родительски-синхронно.

Ныне в порогах трудится другой туер—«Енисей»—детище Красноярского судоремонтного завода. Он заменил старушку «Ангору». Ее бы в Красноярск поднять, установить во дворе краевого музея—во всем мире нет такой реликвии. Да где там! До «Ангары» ли?..

ЛИЛИЯ

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Почти нагишом сидя на песчаном краешке берега, слушая шум воды, размышлял я о всякой всячине, но, сколь ни копался, ощущений в себе не мог возбудить, и порог мне казался мирным, ручным, раздетым вроде бы. Ах детство, детство! Все-то в его глазах нарядно, велико, необъятно, исполнено тайного смысла, все зовет подняться на цыпочки и заглянуть туда, «за небо».

Казачинский порог «подровняли» взрывчаткой, сделали менее опасным, и многие суда уже своим ходом, без туера, дырявят железным клювом тугую, свитую клубами воду, упрямо, будто по горе, взбираются по реке и исчезают за поворотом. «Метеоры» и «ракеты» вовсе порогов не признают, летают вверх-вниз без помех, и только синий хвостик дыма вьется за кормой. Туер «Енисей», коли возьмется за дело, без шлепанья, без криков, суеты и свистков вытягивает «за чуб» огромные самоходки, лихтера, старые буксиры. Буднично, деловито в пороге. По ту сторону реки пустоглазая деревушка желтеет скелетами стропил, зевает провалами дверей, крыш и окон—отработала свое, отжила деревушка, сплошь в ней бакенщики вековали, обслуга «Ангары», спасатели-речники и прочий нужный судоходству народ.

Шумит порог, оглаживая, обтекаемая гряды камней, кружатся потоки меж валунов, свиваются в узлы, но не грозно, не страшно, не боязно. И судно за судном, покачиваясь, мчатся вдале.

Вон из-за поворота выскочила куцезадая самоходка, ворвалась в пороги, шурует волюно, удало, не отработав по отбою к правому берегу, от последней в пороге гряды, у которой гладкая, попящаяся лежит, наподобие бегемота, глыбца, и вода, круто вздыбленная валом, всей мощью валится на нее, рушится обвально с грохотом, раскрошенная, сбита с борозды. Стотонную самоходку сгребло, потащило, из патрубка ее густой ударил чад, по галубе побежал человек с пестрой водомеркой. Порог и выровненный, чуть

обузанный, никому с собою баловаться не позволяет. Ставши почти поперек стремнины, самоходка, напрягаясь, дрожа, дымясь изо всех сил, отработывала от накатывающей гряды, от горболого камня, который магнитом притягивал ее к себе. Пяток-десяток метров, секунды три-четыре жизни оставалось суденышку, ударило, скомкало бы, как мусорное железное ведро, и потащило ко дну. Обезволев, отдало себя суденышко стихиям, положило на волю божию. Его качнуло, накренило и, кормой ширкнув о каменный заплесок, выплонуло из порога, словно сигарку, все еще дымящуюся, но уже искуренную.

— Там не один дурак лежит и обдумывает свое поведение,— присев по-хозяйски к нашему огню и вытасив из него сучок на раскурку, сказал незаметно и неслышно из-за шума порога приблизившийся к нам пожилой человек. Прикурив, он по-ребячи легко вздохнул, приветно нам улыбнулся, приподняв с головы старую форменную фуражку речника, и продолжил о том, что в порогах покоятся, забытые камнями, замытые песком, удалые плотогонцы; купчишки в кунгасах добро стерегут; переселенцы-горемыки, долю не нашедшие, отдыхают; определился на свое постоянное место разный непоседливый народишко.

— А больше всех там нашего брата-бакенщика покоится... Моложавое лицо с прикипелой обветренностью, на котором спокойно светились таежным, строгим светом глаза, мягкое произношение, когда слова вроде бы не звучат, а поются одними гласными, свойское поведение—как будто всю жизнь мы знали друг друга—вызывали ответное доверие к этому человеку, рождалась уверенность—где-то он и в самом деле встречался. Есть люди, что вроде бы сразу живут на всей земле в одинаковом обличье, с неуязвимой и неистребимой открытостью. Все перед ними всегда тоже открыты настежь, все к ним тянутся, начиная от застигнутых бедой путников и кончая самыми раскапризными ребятишками. Таких людей никогда не кусают собаки, у них ничего не крадут и не просят, они сами отдают все свое, вплоть до души, всегда слышат даже молчаливую просьбу о помощи, и почему-то им, никогда не орущим, никого плечом не отталкивающим, даже самая осатанелая продавщица, как-то угадав, что недосуг человеку, подает товар через головы, и никто в очереди не возражает, потому как они-то отдают больше, чем берут. Попиливают таких мужей за простодырство жены, и они виновато вздыхают, делают вид, будто ох, как правильно все говорится, и ох, как раскаивается он перед женою, ох, как ее слушается. На фронте, в санроте не раз случалось такое вот: тихий мужичок отодвигается и отодвигается в сторонку, уступая очередь в перевязочную более пробойным людям, считая, что им больнее, ему еще терпимо, и, глядишь, догорит в уголке, загаснет, точно церковная свечка. Совсем на другой реке такой же вот человек месяц тому назад утонул, уступая место на опрокинутой лодке тем, которые казались ему слабее, а был болен сердцем и, спасая других, ушел под воду без крика, без бултыханья, боясь собою обременить и потревожить кого-то.

Душевно легка, до зависти свободна жизнь таких людей. И как же убиваются жены по скоро износившимся, рано их покинувшим таким вот простофилям, мужьям, обнаружив, что неумевший найти копейку, постоять за себя, с необидчивым и тихим нравом мужичонка был желанней желанного и любима, оказывается, она его, дура, смертно, да ценить не умела.

Мы пригласили Павла Егоровича—так назвался наш гость—разделить с нами трапезу. Он не манежился, выпил водочки, утер губы и с бережной, праздничной отрадой разговелся кружочком огурчика и редиски, сказавши, что свежей зелени нынче еще не пробовал. Вежливо поблагодарив за угощение, он посулился порадовать и нас ответно—гости пробавляются чаем на Казачинских-то порогах! Да куда же это годится?!

Я увязался за Павлом Егоровичем и скоро узнал, что приехал он сюда в двадцать шестом году из Пермской области. Жил я тогда в Перми, и когда сказал об этом Павлу Егоровичу, он от такого сообщения опешил, уставив на меня зеленоватые-хвойные глаза:

— Ну, не зря молвится—тесна земля.

— А вас-то, вас-то какими же ветрами занесло сюда?

— Нас-то?—Павел Егорович окинул сощуренным взглядом Казачинский порог, и я догадался—он его «не слышит», не то чтобы вовсе не слышит, он привык к нему, как мы привыкаем к часам-ходикам, к мурлыканью кошки—обжито слышит, понимая голоса камней, различая их, отделяя гул порога в разнопогодые, во время высокой воды, в меженную пору и в осень, когда река расшита седовато-голубой стежкой и скатившийся на глубь хариус лениво тербит эти стежки, выбирая из них корм, и хариусом, точно сторожевой пушкой, нет-нет и жажнет редкий уже здесь таймень.

— Вырос я невдалеке от Чернушки, речку в нашем селе к середине лета коровы выпивали,—заговорил Павел Егорович,—а вот почему-то на воду меня тянуло, на большую. Должно быть, в кровях запулся моряк!—Он прервался, помолчал, не отрывая глаз от порога и от заречной протоки, огнувшей каменный островок с пучком изветренного, голого леса на макушке. По окружью островка внахлест лежали смытые деревья, за порогом, ниже его на берега тоже столкнуло много хламу, он горел, растекаясь сизым дымом вдоль реки, по обе стороны которой то разбросанно, то в одиночку, то кучно, то волнисто уходило вдали хмуролесье, пласто блестя меж хребтов останцы, с которых бурями и огнем смахнуло растительность, однако у подножий хребтов, в веселой пестрине кружились хорыводы осин, березников,

боярышника, жимолости, проталинами стекали по каменным склонам заросли дикой акации.—И потопал я пеши по стране,—продолжал Павел Егорович с легким выдохом,—молодой, силой не обделенный, рубить-пилить еще в зыбке наученный. До Анисея дотопал!

—Пермяк-то, солены уши, уж совсем очалдонился, Енисей по-нашенски зовет!»

— Хошь верь, хошь нет, притопал я к Анисею, глянул—и все в душе улеглось. «Здесь, Павел!»—сказала душа.—Здесь твоя пристань!» По Анисею матросом ходил и как попал сюда, обалдел: «И ты, батюшки мои! Неуж такое наяву может быть? Надо остановиться!»—Павел Егорович не отрываясь смотрел на порог, слушал его, а я догадался, что удивление его не кончилось, что невозможно привыкнуть к этой красотище, надивоваться ею. И только теперь я уразумел, отчего умирающие в подпорожье старики просили выносить их на волю перед кончиной. Бабы ворчали: «Не опостылел те еще Анисей-то? Ухайдакался на ем! Руки-ноги он те искорежил...» Должно быть, хотелось людям верить, что там, за гробом, во все утишающейся тьме продлится видение родной реки. А может, звала, толкала их к реке потребность удостовериться, что за его жизнью продлится жизнь, нескончаем будет бег реки, рев порога, и горы и лес все так же непоколебимо будут стоять, упираясь в небо,—сила полнит силу, уверенность в нетленности жизни помогает с достоинством уйти в иной мир. Всю жизнь проработал я бакенщиком. Теперь надобности в нас нету...

Большими алыми погремками цвели в Казачинских порогах бакены-автоматы. Осиротела, задичала деревушка на правом берегу, пустует и Подпорожная, на левом. Подались отсюда, кто помоложе, но, родившись под шум порога, до последнего часа будут они слышать его в себе, и пока видят их глаза, все будет катить порог перед взором вспененные валы, кружить голубым дымом клубящиеся брызги над грядями замытых камней, и засосет, занует в груди, когда увидится осенняя ночь, скребущаяся на деревянных скорлупках ко крестовинам бакенов, жалко трепыхающихся среди реки, исхлестанных ветрами, истрепанных непогодью, два маленьких, отважных человека, и не раз, не два за ночь выскочит из теплого изыганого уюта бакенщик—удостовериться: горят ли, светятся ли во тьме, в мокром, снежном заволоче путеводные огни?

Я помнил еще старенькие ламповые бакены и, может, проходил на пароходе меж бакенов, засвеченных Павлом Егоровичем.

— Ничего хитрого,—коротко вздохнул он,—жизнь большая прошла...

Подняли вентерь—узкий, длинный, плотно вязанный. Стоял он в расщелине, жерлом открытый течению. Ниточную ловушку забилею слизкой плесенью. Попался один усатый пескарь, совсем не премудрый на вид, замученный до смерти течением. Павел Егорович брезгливо вытряхнул воняющую рыбеху из вентера. Пескаря покрутило за бычком и выбросило на струю. Там его сцапали чайки, принялись с визгом драться, уронили рыбешку, потеряли и, успокоившись, затрепыхались над нами, жаждающая еда. Павел Егорович выколачивал из вентера плесневелую слизь, и я только теперь уразумел, отчего все в пороге забрызгано грязью, похожей на жидкий коровий помет.

— Гэса,—пояснил Павел Егорович.—Гэса правит рекой. часом вода подымется, часом укатится. Дышит река, берега не успевают обсыхать, а дрянь эту, сопли эти слизкие тащит и тащит...

Второй вентерь был и вовсе пуст, но стоял опять же в каменном коридорчике с ровно стесанными стенками и ловко вовлеченным в него потоком.

— Шзэли эти не природны,—охотно пояснил Павел Егорович,—их люди изладили. Вдревле грели камень огнем, по многу лесу сжигали. Камень от жару трескался, его расшатывали, долбили клиньями, по многу лет потели—всякая семья себе уловы проворила. Ну, а на моем веку аммономол подсобляли, однако, без толку не пластали камня. Его, камня-то, хоть тут и гибель, мешат он вроде бы, но рвать лишку нельзя, заголяются верхние шивера, река несудоходная сделается. Порог легулирует реку. Легулировал, по правде сказать. Теперь Гэса всем правит...

В третьем вентере болталась пара дохлых ельцов и до синевы избитая, скомканная сорокогонка.

— Вот дак попотчевал я вас рыбкой, гости дорогие!—Павел Егорович разжал руку с тремя жалкими рыбками, погладел на добычу, качая головой, и шлепнул их в воду. Оставив вентери на камнях, он молча взялся на измолотый высокою водою яр, по бровке которого курчался бруслик.

Мы обмылись водою—купаться нельзя—величайшая в мире ГЭС держит такую толщу воды, что она не прогревается, температура ее почти постоянная зимой и летом. Чалдоны невесело шутят: если охота купаться, вайял в Заполярье!

По заведенной привычке вытасены на берег лодки, загнаны в затоны суда и суденышки, но, всеми покинутая, окутанная морозным паром, безглазо и безгласно маяется река в тяжелом полусне, течет куда-то в беспросветное небытие, меж изморозью покрытых берегов—ни души на воде, ни души на берегу, лишь полоснет по громадам скал, замечется тревожно огонек браконьера, промышляющего рыбу острой, и тут же поглотит его непроглядная мгла, да продырявит волгую муть где-то в вышине, ровно в преисподней, один-другой огонек—это в горах пробираются машины, в морозное время круглые сутки вынужденные светить фара-

ми. Плынут и плывут по измученной реке, кружатся рыхлые коросты шуги, где-нибудь в затишке, украдкой смерзнутся в забережку—реке хочется остановиться, успокоиться, покрывшись льдом. Но «задышала» вода, сломала забережку, пронесло обрубленную бону, поныривая и кружась, проплыла чья-то пустая лодка, облепленная гнилью плесени...

Нет и никогда уж не будет покоя Енисею-реке, сам не знавший покоя и воли человек с ослепленным упорством стремится подчинить, заарканить природу.

Но природу не обмануть, не переиграть. Водорослей, которые в народе зовутся точно—водяной чумой, развелось полторы тысячи видов, и они захватывают по всему миру водоемы и особенно смело и охотно свежие, ничем еще не заселенные воды. В одном только Киевском водохранилище за лето накапливается и жиреет пятнадцать миллионов тонн страшного водяного хлама. Сколько скопилось его в Красноярском водохранилище, никто не считал...

Обожженные ледяной водой, выползли мы на солнце, на гладкой песочек, наматывая меж бычков, и собрались вздремнуть под шум порога, как увидели спускающегося по яру блекло, но все же не без довольности улыбающегося Павла Егоровича.

— Вот,—разворачивая тряпицу, сказал бывший бакенщик,—соседу в сеточки три штуки попались. Одну кой-как выцганил.

Мы быстренько сварили из стерлядки уху.

— Вы ешьте, ешьте!—отсовывал от себя рыбу Павел Егорович.—Мы ее тут перевидали-али!—похвалился он и ложкой показал на другую сторону Енисея, на нижнюю гряду порога.—Там есть две ямы, и на зиму в них «залегала» красная рыба. Ну, прямо как поленья, друг на дружку,—пояснил он.—Сторожа ставили с ружьем, чтобы никто не пакостил на ямах. Каждой семье перед ледоставом разрешалось сделать два замета неводом.—Два—и шабаш! Но брали рыбы на всю зиму. Сами хозяйничали на реке, сами ее и блюли, жадно не жаловали.

Нет теперь красной рыбы на тех ямах ни летом, ни осенью. Сошла она с порога, укатилась в низовья Енисея и на Ангару, плесень согнала ее, капризную, к грязи неприглядную. Лишь реденькие стерлядки забредают до порога по древнему зову природы. На туеве «Енисей» в колпите каша, казенный борщ, жареная ставрида, хек вместо стерлядки.

— И в наш поселковый магазин бычков в томате привезли,—вздыхнул Павел Егорович,—и эту, как ее? Вот уж при женщине и сказать нелепо, бельдюгу какую-то. На Анисей—бельдюгу! Чем же мы дальше жить-то будем?

—И этот про «дальше»! Все-все печемся о будущем! Головой. А руками чего делаем?..»

Замолк Павел Егорович, загорюнился, и я не стал ему рассказывать про его родину, Урал, которому прежде всех и больше всех досталось от человека, про ржавые и мертвые озера, пруды, реки, про загубленную красоту Чусовую, про Камское водохранилище, где более уже четверти века мучается земля, пробуя укрепиться возле воды, и никак не может сделаться берегом, сыплется, сыплется, сыплется.

Ревел порог. Шумел порог, как сотню и тысячу лет назад, но не плескалась, не вилась в его струях, не шлепалась на волнах, сверкая лезвием спины, стерлядь или костерюк—живое украшение реки.

И отправился я за тысячу верст от Казачинского порога, на Нижнюю Тунгуску, где, по слухам, нет еще враждебных природе мет человека. Лишь бросится в глаза, что на много сотен километров берега Енисея до самой Тунгуски купаются в розовом разливе медовой травы—кипрея, где торчат карандашиками небогатерского сложения северные леса, ветется кислица, кустится малина, таволжник, волчья ягода, веретье и жердинник все больше—по всем видам палёж, но для пожаров слишком уж широки эти убитые пространства, непосильно огню продраяться среди зарпанных болот, обсеянных распадами речек, хлесткими потоками и надзорно нависшими сверху осередышами—хребтами с вечным снегом на горбу.

Есть, оказывается, кое-что страшнее пожаров—лесная тля, древооточы, разные червяки, гусеницы и среди них самая ненасытная, неостановимо упорная—шелкопряд. Это он сделал опустошительное нашествие на сибирские леса, сначала в Алтайском крае, затем перешел, точнее, хлынул широкой, мутной рекою к Саянам, оставив за собой голую, обескровленную землю—поезда буксовали, когда гнобно прорвавшийся нарыв лесной заразы плыл через железнодорожную сибирскую магистраль. Усталый, понесший утраты в пути, паразит затаился в Саянах по распадам малых речек, незаметно развешивал паутинные мешочки на побегах черемух, смородины, на всем, что было помяче, послаще и давало слабевшим от безработицы пилкам челюстей. В мешочках копошились, свивались, слепо тыкались друг в дружку, перетирая свежий побег, зелененькие, с виду безобидные червячки, которые, окрепнув, пластали в ключья паутинный домик и уже самостоятельно передвигались по стволу, бляко подтягивая к голове зад, и там, где неуклюже, инвадно вроде бы проходил, извиваясь, гад, деревце делалось немое, обугленное.

Окрепнув, паразит уже открыто двинулся на леса, сады, дачи и палисадники. Я своими глазами видел, как сын дяди Пети Путинцева, Петр Петрович сидел в нарядном, что у маршала, картузе лесничего в ограде родимого кордона, на Караулке, под мертвыми черемухами, а вниз и вверх по речке, опаяла черным пламенем низину и косягоры, поедая

осинники, вербу, ивняки, пробуя уже и хвойный лес, от поколения к поколению набирающий силу, двигался молчаливый враг, нарывами повисая на беспомощно притихшем лесе, в котором беслись, хохотали самцы-кукушки, кричали ронжи да хлопотливо трещали веселые сороки—только эти птицы могут есть мохнатую гусеницу, и кому горе, а им пир!

Не знал, не думал я, что враг этот доберется до северных краев, все-таки гусеница начиналась когда-то на юге, но там у нее есть противники, там с нею борется сама природа, человек приспособил ее на пользу дела. Здесь же, в северных краях, в раздетых, осушенных лесах полыхает свадобно и ярко ступник бедствующих земель—кипрей, прославленный в народе иван-чай. Он создан природой, чтобы укрывать земную скорбь, утешать глаз, в гущине своей храня теплую прель, ярким полыханьем, медовыми цветами маня гчел, шмелей, мелкую живность, которая на лапах, в клюве иль к брошку прилипшим занесет сюда семечко, обронит его в живописное тепло и влагу, накопленные кипреем, и оно воспрянет там цветком, кустиком, осинкой, елочкой, потеснит, после уж задавит, уморит кипрей, и погаснет он, отдавши себя другой жизни.

Мудрость природы! Долго ли она продлится?

Туруханск ликом смаживает на природу, его окружающую. Изломанный на крошки крутым яром, оврагами и речками, вот уж сколько лет живет он настороженно—найдут ли геологи чего в здешних недрах? Найдут—процветает сему городу и развиваться. Чего-нибудь да найдут, не могут не найти—район на восемьсот длинных верст распростерся по Енисею, в глубь же тайги сколь его, району? «Меряли черт да Тарас, да веревка в здешних болотах оборвалась...». «С самолета кака мера?—спорят таежники.—С самолета версты короче».

В устье Нижней Тунгуски, на стыке ее с Енисеем, стоит Туруханск, село Монастырское—прошлое его название. По пушиной торговле слыл когда-то Туруханск Новой Мангазеей.

Сама Тунгуска отгорожена от Енисея громадами скал, которые заслоняют собою все, что есть дальше, за их стеной, за оснеженными вершинами. Река шатается меж каменных нагромождений, утесов, осыпей, оплещу, вода катится, то вбирая лодку в разлом и круговерть, то вздымает ее на горку и шлепает, шлепает по дюралевым щеккам. Лодка щелочной рыскает, катается из стороны в сторону, со выматны на выматину, с буторка на буторку, не шибко слушается руля и не очень-то поддается вперед. Но минешь пятнадцать—двадцать километров, и все успокаивается, даже скучно становится: скалы, нагромождения утесов, отвесные стены серой или рыжей луды, ребристо или гладко уходящей прямо в глубину, тискающие реку с боков,—все это, пострадав человека, испытая его нервишки и характер, отступает.

Там, впереди, конечно, все еще будет—река больше двух тысяч верст длиной, по ней если плыть, натерпешься и навидишься всяких диковин и порогов, и унырков, и колдовских проток, в которые, сказывала одна туруханская переселенка, как угодишь, то можешь и закружиться.

Кому-то в тридцатые годы понадобилось переселять людей из Ербогачена в Туруханск, а из Туруханска гнать бечевой в Ербогачен. От Ербогачена плыли на сплотах. В Туруханске, сказали переселенцам, сдадите лес, за него выплатят деньги, начнете строить, обживать. До Туруханска дошло всего лишь несколько семей, побила плоты Угрюм-река, растрепала в шиварах и порогах, утащила в унырки. Даваясь слезами, хрипела переселенка, рассказывая о том страшном пути по Тунгуске и тридцать лет спустя, тыча согнутым пальцем в глаза: «Заташшыло плот одинова в слепое плесо, день носит по кругу, другой, третий—не пристать к берегу, не выбитесь, сил уж никаких нету. Пятеро детей на плоту, есть нечего, помощи ждать не от кого—раз струнули людей с места, сдвинули одних туда, других сюда на погибать—какая уж помощь? Лег тоды мой хозяин на плот, ребятишкам велел лечь и кричать в щели меж бревен: «Спаси нас, господи! Или покарай! За грехи людские!» Но он у меня неверующий был, из инородцев он, иконы из дому выбрасывал, стало быть, молитва не в кон. И тогда по-иному, по-языческому способу молебствие изладил: нащепал лучины, велел жечь ее и по очереди бросать в воду. У младшенького лучинка упала крестиком и не гаснет. Хозяин всем повелел лечь головой ко крестиком, руки сделать крестом и повторять: «Вода, лиху не насылай! Ветер, ветер, пробудись, о полночь обопорись, в полудень подуй, наши души не минуй...». Ну, много чего он там выгородил—и помогло! Верховичок потянул, на реку выташшыл».

Я смотрю на такую простенькую после бурного устья реку и невольно думаю о красивой звенюйке, каких до войны не встречал. Косолалы они прежде сплошь были, курносенькие, плоские—морды много, глаз не видать.

Звенюйка сидела на бревне возле туруханского дебаркадера, в радужном японском платье...

И вот, сидючи на берегу Нижней Тунгуски, возле удочки, изъеденный комарами, я мучился, вспоминая ту красавицу—кого же, кого она мне напоминает? И внезапно открыл: да ее, вот эту реку, Нижнюю Тунгуску, которая, догадываюсь я, всю жизнь теперь будет звать, тянуть к себе молчаливой печалью. Одетая в каменное платье, украшенная по оподолью то тяжелыми блестящими алмазами вечных льдов, то жарко полыхающими цветами, то вспененной пушицею, галечным мыском, луночной полянкой, потоком, угорело выдравшимся из хламной зябкости сумрачного леса, в брызгах водяной пыли, вихрающейся над ними, всем, что растет, живет, звучит и успокаивается ею, будет помнить река Тунгуска.

Выше нее, над тайгой, над болотными марями, то ближе, то

дальше, то ниже, то выше призрачно белеют дальние хребты, куда об эту пору уходит, уползает, бежит всякая живая тварь, спасаясь от гнуса. Лишь мы с Акимом остались на съедение комарам возле потока, дымчато курящегося, опьяненного от дикой воды. Палатка наша оранжевого цвета обрела желто-серый, даже грязноватый цвет. На ней, чья живую кровь, сплошняком налип комар. Он не дает есть, спать, думать, жить. Когда обогреть солнце, не выносящий тепла северный гнус, дитя мерзлой земли, западает на траву, и шевелится тогда, шипит седая трава по пригласкам. Аким куревом вытравил из палатки комаров, застегнулся на молнию, сидит, не дышит, слушает слитный, металлический звон над собою, время от времени кличет меня в укрытие и, не дозвавшись, роняет: «Ну, как знаш! Пропадай, раз чокнутая, да!»

У меня флакончик «дэты», на мне шатормова, под него костюм, белье, я крепко замкнул, завязан, зашпилен, и все-таки комары находят чего есть: веки, ноздри, губы, заляпте под часами, голову сквозь башлык. Но я столько лет мечтал посидеть на северной реке, половить непуганую рыбу, послушать большую тишину—мне уж не попасть на север, годы и здоровье не пустят, так что же, бросать все, поуститься, сдаться из-за комаров?

Хариус и таймень прошли в верха по Тунгуске, разбрелись по ее студено-водяным притокам, закончилось ход сига. Но все же изредка брал местный, ставовой хариус и ленивый, любящий в передышки вольно погулять, хвостовой, не стайный сиг. И как брал! Удочек у меня развернуто две—длинная и короткая. Рыба берет почему-то на одну и ту же, на длинную, заброшенную ниже потока, шумно врывающегося в тугие воды надменной Тунгуски. Груз на удочке—всего две картечины, иначе замочет, затащит снаряд песком. Вода в потоке чище слезы, но все же с кустов, с лесу какая-никакая тварь, козявка, блоха, гусеница падают, из-под камней или песка букашку иль стрекача вымоет, и потому хариусы и сиги чутко дежурят в устье потока, шланой бросаются на него.

Я жду поклевку крупной рыбы—в такую даль забирался неужто зря?! И вот леску длинной удочки потащил по течению вверх; затем резко повело в глубину, в реку. Жидкий конец удилыща заколотился, задергался, изогнулся вопросительным знаком. Я взялся за удилыще. Пяток хариусов и четырех сиюков-сеголетков я достал—те брали не так. Напружиненное мое сердце подсказывало: «Клюет дурило!» Я спешно вспоминал сечение лески, нет ли узлов, жу-чи? Леска без изъяна, все привязано прочно, крючок крупный, удилыще проверено на зацепках. Чего же сиг медлит? Хитрован или дурак? Зажал червя за конец и ждет, когда я рвану и подарю ему наживу, которой осталось у меня по счету.

Была не была! Без подсечки, тихонько я струнул удочку с места, в ответ—удар—едва удержал удилыще! И пошел, пошел стряпать крендели сига! Я не мог подвести его к берегу, не мог остановить, взять на подъем, чтобы хлебнул ухарь воздуха. Сиг правил мной, а не я им, но все у меня стойко, прочно, рыба взяла червя взаглот, иначе давно бы сошла. Значит, сиг стоял на быстри и сплюжко зажилал червя, а удилыще—вопросом. Ох, какой я молодец! Какой молодец! Заторопился бы, сплюховал—и с приветом! Это я на охоте: то пальну возле ног, то уж когда версты две птица отлетит, а тут шалишь! Тут я выдержал характер, и сиг ходил на удочке, танцевал, рвался на волюшку, в простору. Я же бегал, метался по берегу, спуску ему не давал. И вдруг рыба, понявши, что в реку не уйти—не пускают, резко помчался к берегу, рассекая воду святым мером, так в Сибири зовут спинной плавник—это была еще одна ошибка сига, последняя в жизни—по ходу, по лету я взбежал на приплесок и выбросил на темный песок бунтующего, темноспинного красавца, сшибающего с себя серебро чешуи. Отбросив сига ногой в сторону, я запрыгал и закричал хвастиливо, что есть я старый спиннингист и коли сиг хотел со мною игрушку играть, не надр бросаться к берегу—мигом подберу слабинку и отыми ее, попробуй! И вообще я хороший парень, а сиг—хороший люд! Взят вот, попался и надолго, если не на всю оставшуюся жизнь подарил мне такую радость!

Никого нигде не было, что хочешь, то и делай, впадай хоть в какое детство—и я поцеловал сига в непокорную, стремительно заточенную морду, вываляющую в песок, снес рыбинку и швырнул в поток, за грядку камней, где он сразу заходил, заплескался, взбивая мусть и раскатывая гальку, пробовал куда-нибудь умчаться, да только выбросился на камни и долго скатывался обратно в цекочущую воду...

В ту ночь брало еще несколько крупных сегов, но удачи больше мне не было—все они оказались хитрее и сильнее меня. Я ждал дня, чтобы перевести дух от комаров и хоть маленько поспать. Но день пришел такой парной, что палатка сделалась душегубкой. В насквозь мокрой одежде, задыхнувшись, почти в полуобморке я отправился в лес, надеясь найти червяков и отобьюроче в холодке, но как только вошел в тряпично завешанный мхами, обляпанный по стволам плесенью и лишаем, мелкостопольный, тыкучий лесичко, почувствовал такую недвижную духотищу, что сразу понял: ничего живого, кроме мокрецов, плотно залепивших мне рот и уши, здесь нет, все живое изгнано, выбито отсюда на обдув высоких хребтов. Жил, резвился и вольно дышал в обмершем лесу лишь поток—дитя вечных снегов. Не было ему ни метра пространства, где бы выпрямиться, потянуться, хоть на миг успокоиться. Рычащей, загнанной зверушкой метался он меж ослепляющих камней, заваливался весь почти и терялся под вымытыми корнями, застревал в завалах и бурлил тут, пенился взъерошено, катался кругами, но продирался-таки, протачивался в невесть какие щели и скакал с гряды на гряды, с камня на камень, снова вытягивался змейкой в

расцелинах, в ключья рвал себя на осыпях, вывалился, наконец, из тайги, из-под гряды прибрежного завала, навороченного ледоходом, совсем было его удручившего.

Резвый, пьяный, с разорванной на груди рубахой—а свободы-то сотня сажен, но он и этакой волошке рад! Заурчав, залпескавшись, будто узник, наконец-то узервий мать, он внаклон катился к Нижней Тунгуске, падал в ее мягкие материнские объятия и тут же умолкал. Зимой усмирит морозами Тунгуску, и дикий поток погрузится в оцепенелый, ледяной сон, заметет его снегом, и никто не узнает, что под глубокими сугоями распластанно, окаменело спит таежная вода, которой выпадет счастье пожить два-три месяца в году светло, кипуче, празднично, в непрестанном движении!

Понявши, что червей мне не раздобыть, я сломил пучок, зубами содрал с нее жесткую кожу и жевал сочный побег, прыгая с камня на камень, как вдруг при выходе из завала, среди наносного хлама, пробитого там и сям пыреем, метлицей, трясункой и всякой разной долговзвой травкой, увидел лилию, ярко-яркою и в то же время скромно и незаметно цветущую среди травы, кустов и прибрежного разнотравья.

— Саранка! Саранка!—себя не помня, заблажил я и чуть не свалился с камня в ледяной поток.

Саранками в наших местах зовут всякую лилию. Самая среди них распространённая—высокая, с кукушечно-пестрым пером сиреневого или сизого цвета, лепестками ее, маслянистыми, скатанными в стружку, мы в детстве наедались до тошноты. Есть высокогорные, будто чистой, детской кровью налитые и в то же время ровно бы искусственные саранки, но это то самое искусство, которое редко случается у человека—он непременно переложит красок, полезет со своим потанным смыслом в природу и нарушит естество своею фальшью.

Я стал на колени, дотронулся рукою до саранки, и она дрогнула под ладонью, поклонилась мне или теллу, исходящему от человеческой руки. Красногубый цветок в глубю граммофончика, приглушенный бархатисто-белым донцем, засыпанным пылью изморози, нежданно теплой на взгляд, напоминал не комнатную луковичку, но скорее заморский, редкостный кактус.

— Да как же тебя занесло-то сюда, голубушка ты моя ясная?—Защитило разведалеком карамели веки—неужто такой я сентиментальный сделался? Да нет, не спал вот двое суток, гнус душит, устал...

И здесь, на первобытном пустынном берегу реки, я смущен был собственной нежностью, хотел перед кем-то оправдаться. Я бережно отнял лилию от луковки, чтоб на будущий год из земли снова взнялся цветок, и она насорила мне на руки белой крупки, один стебелек цветка чуть подавал, смиренно обвалился. Я бережно опустил саранку в пузырящийся поток, неподалеку от того места, где рыбачил, и вынесенная из лужной, приурманной темени на свет, тепло, опущенная в живительную, снежную воду, лилия открылась во всю ширь, будто тихая душа, живой водою бережно шезелило бледные ниточки тычинок, на которых едва приметными мушками лепилась три коричневых семечка.

Я перелистал потом справочники-травники и всякого рода пособия, но нигде не отыскал подобной саранки. Встретилось в одном атласе под названием «даурская лилия» что-то похожее на нее, и я уж решил, что больше никогда такого цветка не увижу, но однажды на юге, в уюженной курортной клубке, засияла мне приветро тунгусская лилия—«Валлота прекрасная» было написано на табличке,—да спалило, перекалито цветок напористым южным солнцем, а южная ночь слишком грузно наваливалась на него чернотой, и потому лилия была жесткой на вид, ломка лепестками и напюничала скорее вареного рака, а не цветок. Лишь в середине лилии, в углублении граммофончика, затаянно белега первозаданная сердцевина, освещая доньшко цветка засгггггг; наружу без опаски, с вызовом высывались семена, не два, не три—целый пучок переполненных грузом плоти, изнемогшей в раскаленном цветочном недре, спешащих скорее оплодотвориться и упасть на землю.

Тунгусскую лилию не сажали руками, не холили, не поливали из шланга протравленной водой. Наливалась она студеным соком вечных снегов, нежили ее туманы, бледная ночь и незакатное солнце согревали и стерегли ее уединение. Она никогда не знала темной ночи и закрывалась, храня себя, лишь в мозглую непогоду и в предутренний час, когда леденящая стынь катила с белых гор и близкий угрюмый лес дышал знобными туманами.

Бог знает, какими долгими путями добиралась в тунгусские дебри южная валлота, утрачивая в пути горластую роскошь, назойливую яркость? Но, может, все наоборот? Может, нежный северный цветок спускался на юг по рекам и морям, подхватывая бурями, летело его семя, обретая в долгом пути имя, накаляясь от жаркого красного солнца?

Как было, что было—не угадать. Но я нашел цветок на далеком, пустынном берегу Нижней Тунгуски. Он цветет и никогда уже не перестанет цвести в моей памяти.

Настала еще одна ночь, мутная, до зноне в ушах тихая и еще более душная. Тело мое замзгнуло и прокисло от пота. Из-за мыса вымчалась деревянная лодка, здоров нос, полетела на меня, с ходу ударила в берег.

— Дру-уг!—закричали с нее два окровавленных мужика.—Бери, че хочешь! Дай намазаться! Съели! Стрызли! О-о-ой!.. Это че же тако?..—Я подал им флакончик, они со стоном намазались и восхристенно выдохнули:—Во-о-оспоиди-и!—рыбаки эти гнались за хариусом по Тунгуске. Рыбу не

догнали, себя гнуса стравили. Покурили, ругая комаров:—Э-э! Закружался, затрещал! Че, взял? Взя-ал, паскуда! Не нравилось я те намазанной-то, не нравилось?!—И от благодарности предложили мне сматывать удочки и двигать в Тухуханск.

Я отказался, и, жалеючи сказав: «Доедят ведь!»—мужики отдали мне червей, завели мотор и умчались по реке домой.

На свежих червей я взял еще одного сига, несколько рыб помельче, но густела марь, густел воздух, густел комар. Я сидел, засунув руки в рукава штормовки, всему ему покоришийся, ко всему безразличный, раскаиваясь в том, что не согласился уплыть с рыбаками.

Когда мы ехали в Тухуханск, Аким не переставал хвастаться, что дружки его по геологической экспедиции, неутомимые разведчики недр, если потребуется, так и на лулу доставят. Но на севере все течет и все изменяется в народе куда как быстрее, чем во всякой иной земле. Подверженные зову кочевых дорог, соратники Акима давно покинули Тухуханск, и, до пылу набежавшись по городу, он в каком-то бараче сыскал непроставшегося мужика, который за червонец доставил нас сюда, единожды лишь за дорогу разжав рот: «Дождитесь пересменки».

Пересменка—воскресенье, ждате еще два дня, попробуй тут дожить до назначенного срока!

Из скалистого устья Нижней Тунгуски послышался мощный рокот, гулкое, отрывистое, слишком какое-то уверенное биение моторного сердца. Задирая высоко воду, разбрасывая ее белыми крыльями, шла серебристо блистающая обводами моторка. По-акульи хищно вытянутое тело моторки без напряжения скользило встречю течению. В носу судна за подлицо заделана каютка с двумя круглыми фрагментами, застекленными авиационным стеклом.

Клюнув носом и отбросив ком воды, моторка точно как ненаороком подвернула ко мне. У руля сидел крепкий, непромокаемо и плотно, под космонавта одетый парень с изветренным лицом и адмиральским надменным взглядом. В ногах его пятизарядный вороненый карабин. Парень не здоровался, ни слова не говорил, ощущал меня настороженными глазами, обыскивал, выворачивал карманы взглядом, пытался уяснить, какое там лежит удостоверение и кто затаялся в палатке? Мотор поуркивал отлаженно, мощно, удерживая лодку на месте. Из кубрика высочили два заспанных и тоже здоровенных парня, одетых в редкостные летные костюмы. Кормовой повел на меня взглядом. Подобраные, напружиненные парни тоже обшарили меня неприязненными взглядами.

Три вот этих разбойника еще недавно были нормальными советскими трудящимися, но утомило их производство. Они сконструировали на крупном заводе в воровски, по частям выштапили лужо-лодку. Полмесяца назад увезли с одного из притоков Нижней Тунгуски шестьсот килограммов тайменского балыка и вот идут за хариусом. Прикрытые брезентом, стоят в лодке бочки. Закончив хариусную страду, они примутся за сига. Тем временем взматереть птица, вызреет орех. Бензопилой они сведут сотни гектаров кедрочей. За один только сезон три добрых молодца вырывают таежной дани сотни тысяч рублей, живут размахисто, разбойничают открыто. Пробовал их преследовать и застучать рыбинспектор Черемисин, был из леса подстрелен, и ладно, лодку течением вынесло к Тухуханску.

Пришлось Черемисину после больницы переводиться на более «спокойный», чушанский участок. В Тухуханске уж и силы нет вроде бы против этой вот маленькой, но страшной, нахрапистой банды, которую по закону, видите ли, следует брать на месте преступления, а бандюги так вооружены, подлы и ловки, что брать их сможет разве что воинское подразделение. Войско же занято совсем другими делами, и безнаказанно, разнузданно пиратничает банда по обезлюдившему северу, да кабы одна!

— Ну, чего выплясали?—сорвался я.—Не видел, как удочкой рыбу ловят? Взрывчаткой гробить ее привык?

Кормовой дернулся, сжал рукой шею карабина так, что наkolка на тыльной ее стороне сделалась синее, но тут же поймал взглядом палатку, харкнул за борт, процедил сквозь зубы: «Попадись нам еще, воючка!»—и врубил скорость. Взрылилась муть, загопило лоскутом устье потока, скрутило удочки, толкнуло волной песок, шезельную рылый приплесок, и серебристая моторка уверенно удалилась за мыс, в речные дали.

Один мой знакомый фаззошник отмантулил в исправительно-трудовой колонии восемь лет за украденную буханку хлеба. Отматывали люди срок за уличную драку, за угон мотоцикла, за нарушение общественного порядка посредством мата, за растрату в штучном юкисе. Сувор наш суд, что и говорить, особенно «ко кринчонным блудням» и к тем, кто его шибко боится. Но как дело доходит до матерых преступников, дрябнет карающий мускул—почему, отчего вот этик отпетых голововерзов надо брать непременно с полничным, на месте преступления? Да им вся земля место преступления!

В глухой час, в минуты самой необъятной тишины взялись переплывать Тунгуску лось с лосихой и отлекли меня от мрачных дум. Отпустилась парочка напротив мыса с явным расчетом выйти на берег вдаль от человека, но течением рачало зверей, потащило вниз по реке. Шумно хужая ртом, сопя ноздрями, отфыркивая воду, вытарачив то вспыхивающее, то меркнущие от небесного света глаза, они плыли на меня, погрузив в воду до подбородков. Выходило так, что зверюги ткнулись в удочки. Я стал соображать, как и чем отпугивать парочку, собрался уж бежать к палатке, но сохатые все же осилились, коснулись дна саженьх в пяти от

меня, какое-то время стояли, загнанно дыша, уронив тяжелые обрубыши голов, с них потоками рушилась вода. Звери, должно быть, поняли: если стрелять, так я бы уж давно стрелял,—и не обращали на меня внимания—сидит и сидит дяденька на уступе приплеска, руки в рукава, не двигается, комары его, выдать, приказывают.

— Че хулиганите-то?

От моего голоса звери дрогнули, взбили воду, долговзвой выбросились на берег и нырчо понеслись в кусты, щелкая копытками о камни. За нагромождением завала они загромыхали, стряхивая с себя мокро. Я улыбнулся себе под нос—появление добродушных и неуклюжих зверей сняло тяжесть и унижение с души, которые всегда происходят и с возрастом больше давят и ранят, когда бесцеремонно, безнаказанно галтают над природой и тобой имеющие пусть и временную, но темную силу всякие разные держиморды.

Неслышно подошел Аким, «Зылой ли ты иссо?»—спросил. Я сообщил ему, что приставали «туристы», которым человека щелкнуть все равно, как вымокнуть. Потом лось с лосихой чуть было меня не слопали. Аким нахмурился, буркнул насчет того, что я, небось, тырлился опять, а тут тайга, милиция далеко... и увидел саранку, дотронулся пальцами до алых лепестков, скрепленных брызгами:

— Сто за светок, пана? Какой красиваи!—И принялся в который уж раз повествовать мне про тот цветок, что однажды весной, в далеком уже детстве, нашел он в тундре возле Боганиды, и я подумал: «Аким начинает ощущать годы, чувствовать груз памяти».

Наутро спускался по Тунгуске железный, тихоходный катер. Мы замахали, заорали, забегали по берегу. На катере оказались симпатичные ребята, капитан Володя, матрос дядя Миша и тихий паренек, едуший поступать из поселка Ногинска в тухуханское ПТУ. Нам дадено было пятнадцать минут на сборы. Мы улоскоились в десять. Но и за эти короткие минуты ценюк, которого везли на катере, опрокинулся на спину, закатался, завизжал—свалили комары.

На катере, тоже забитом комарами, сварена уха из стерляди, у нас бутылка. Мы ее выпили за знакомство, принялись артельно лхлеть уху из кастрюли, и я тут же поперхнулся—стерлядь оказалась не-иченной. Давиться плащом стерляди страшнее, чем костью, плащ—что тебе стекло-рез, распорот кишки.

«Ты чего же, друг»,—сбавляя темпы в еде, собрался я укорить дядю Мишу. Но тут же догадался—комар! Месяц-полтора всей жизнью на севере будет править гнус: мокрец, комар, слепень, мошка.

Без сна дожить не было мочи. Намазавшись «дэтой», я упал в кубрике на топчан, заматал лицо простыней и проснулся вроде бы через несколько минут от тишины—мы стояли в Тухуханске. И вот ведь оказия, вот ведь налесь за непочтение родителей: только сошли с катера, взобрались на яр, рухнул обвальный дождь, который собирался столько дней, потому и было так глухо в тайге, оттого и свирепствовал непродыхаемый гнус.

Дождь хлестал, пузырился, крошил гладь Енисея, обмывал запяленные дома старенького скромного городка, высветляя траву и листья на деревьях, прибавляя пыль, обновлял воздух. Бродячие собаки, которых здесь не счесть, лезли под лодки, где-то визжали и резвились дети, все канавки, выбоины, ямы и бочажины взбухали, наполняясь водою, превращались в ручьи; оплыл грязью высокий яр; из города потащило хлам, мусор, щелу, опилки, обрывки старых объявлений и реклам.

Спеша укрыться в речном вокзале, бежал туда, светясь белью зубов и придерживая нарядную фуражку, шеголеватый милиционер. За ним, не решаясь оставлять власть, на запятках трусили бабенки с узлами, по ступеням вверх кидал себя в кожаной корзине престанский инвалид. Слизывая с губ, чего-то кричал он веселое, на лестнице замешкался, выдохшись, и одна баба, бросив пестреный узел, схватила за руку инвалида, потянула за собой, перебарывая со ступенями на ступеньку мокро шлепающую корзину и что-то озорное, бодрящее крича инвалиду, который все так же по-детски, игровито слизывал с губ и норовил халнуть бабу за мягкое место. Обе руки у него были заняты: одной он толкался, за другую его перекидывала вверх женщина, но он все же уловил момент, щипнул бабу за что целил, она взягнула, завизжала, милиционер и народишко, набиивший под крышу, хохотали, поощряя инвалида в его волюнностях. Передав кому-то драгоценный картуз, оказавшийся с модной, длинноволосой прической милиционер высочил под дождь, схватил мохнувший узелок и помог женщине перебраться до нитки уже мокрого инвалида через порог вокзала.

Всех в такой вот дождь, даже самых тяжелых людей охватывает чувство какой-то детской бесшабашности, дружелюбия, с души и тела, будто пыль и мусор с земли, сываются наслоения усталости, раздражения, житейской шлеухи.

Мне вспомнился таежный поток: как он вздулся, как дурит сейчас, ворочая камни, обрушивая рыхлый приплесок, и как, понырявая, крича ярким ртом, кружится, плывет несомая им лилия, а ею покинутая, необъятная тайга из края в край шумит миротворно под дождем, распускаются заскорбленные листья травы, мягчает хвоя и прячет ветки, не может найти себе нигде места от хлестких струй проклятый гнус, его смывает водой, сминает, выбрасывает потоком в реку, рыбам на корм.

Дождь не лип, дождь стоял отвесно над нами, над городком, над далекой тайгой, обновляя мир, бодря кровь; дышалось легко и сладко...

г. Вологда

можно ли представить себе нашу жизнь лишенной смеха, мыслима ли она без юмора, без новорожденной шутки-однодневки, без подлинного остроумия, которое передается от века к веку? Недаром кинокомедии или сатирические эстрадные представления так привлекают нас именно надеждой отдохнуть душой в стихии смешного. Впрочем, дело тут не только в душевном отдыхе. Тяга души к смешному, в значительной степени интуитивная, идет от глубокой внутренней потребности, куда более серьезной и важной, чем это может показаться на первый взгляд. Смех, конечно, следует поставить на одно из первых мест в ряду духовных богатств — вот уж неотъемлемая наша драгоценность! Люди, лишенные чувства юмора, не только вызывают в нас лютую тоску, нам кажется, что в них вообще недостает чего-то очень существенного, они словно бы даже отгорожены от других стеной непонимания. Однажды мне довелось наблюдать некое должностное лицо, сидящее в президиуме. Докладчик был остроумен (то есть одновременно и умен и остер), он не боялся подсыпать соли в свою аргументацию, и все с удовольствием смеялись. Но человек в президиуме не смеялся. То ли у него отсутствовало чувство юмора, то ли он боялся, рассмеявшись, унизить свое должностное достоинство, то ли жило в нем интуитивное понимание, что шутка — вещь острая и, натолкнувшись на ее острие, мнимое величие лопается, как мыльный пузырь... Он сидел сумрачной глыбой, одинокий, и я подумала, что смех, кроме всего прочего, нас еще и объединяет.

Я не собираюсь говорить о природе смешного: об этом много написано специалистами-психологами. Я хочу выделить одну проблему, которая кажется мне важной, если угодно, даже с точки зрения практически нравственной. И хотя автор, пускаясь в нравоучительные рассуждения по поводу смеха, сам рискует оказаться в смешном положении, я все-таки попробую.

Акакий Акакиевич в своей новой шинели весело шел с вечеринки, куда позвали его товарищи-чиновники; хоть он там конфузился ужасно, «просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою», все же он выпил два бокала шампанского и вот теперь «шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какой-то дамой, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения». Кто не засмеется, представив себе эту сцену? Каждый из нас засмеется, но ненадолго и даже с некоторым чувством неловкости и вины за свой смех. Между тем вины нашей тут нет, это сам Гоголь заставил нас рассмеяться, хоть и знал, что все очень грустно, что счастьем Башмачкина через несколько шагов наступит конец. Перед нами знаменитый гоголевский смех сквозь слезы, а есть множество других видов смеха, и каждый с примесью какого-либо чувства. Беспримесного смеха, я думаю, на свете вообще не бывает, разве что от цекотки.

Смех бывает веселый и невеселый, добрый и злой, говорят, бывает злобный, дявольский хохот — такого, признаться, мне в жизни слышать не приходилось, подозреваю, что им хохочут одни только литературные злодеи. Добрый и злой, умный и глупый — вот где проходит главный водораздел. Смех понимания и непонимания.

Человек среди людей

ТО-ТО БЫЛО СМЕЖУ...

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Я думаю, что смех по природе своей — начало светлое, оно связано именно с понятием источника света, с тем, что освещает, позволяет лучше увидеть явление, жизнь человека. Если бы не было смешного в старосветских помещиках Гоголя или в чеховской Душечке, эти герои не только бы потеряли в очаровании, но мы просто не смогли бы так пристально взглянуть в их незаметные, неяркие и милые характеры.

Смех может стать мощным прожектором, в свете которого навеки разоблачен какой-нибудь Иудушка Головлев (и этот смех никак не назовешь злым, потому что он справедлив и благороден). Не только человеческие типы — целые исторические концепции и даже самый исторический процесс могут стать предметом иронического анализа, что блестяще доказал Анатолий Франс.

Повседневная шутка не менее разнообразна, и в этом разнообразии мне хочется выделить ее одну сторону — насмешку. И вот почему. Известно, что насмешка — оружие острое. Именно поэтому с ним следует обращаться с осторожностью: оно ранит, и подчас опасно. А самая опасная среди всех насмешек — это, конечно, та, которая направлена на реального человека.

Есть в одном большом городе научно-исследовательский институт. В нем, как и во всяком НИИ, много научной молодежи. И вот однажды прошел слух, что близится переаттестация, которая всегда бывает связана с большими волнениями и душевными переживаниями: от нее зависит научная судьба, будущее! Первым переаттестацию должен был проходить молодой парень — младший научный сотрудник, очень способный, очень целеустремленный и преданный науке. И он начал готовиться к этому важному в его жизни экзамену. Его товарищи по работе видели, как он трудится, как «вкалывает» с утра (в институте) и до ночи (в общежитии). Они все это видели и помирали со смеху, потому что на самом деле никакой переаттестации не предполагалось. Молодой человек трудился напрасно: все это была шутка, в которую постепенно вовлекалось все большее число народу, вплоть до аттестационной комиссии, куда входили люди уже далеко не молодые. Парня заставили пройти не только через изнурительную подготовку, но и через липовый экзамен, который принимали с необычайной серьезностью, — великий хохот был потом.

Вот тут и призадумайтесь: как отнестись к этой забаве? Ради чего она, такая громоздкая, была затеяна? И почему чуть ли не целому НИИ все это казалось очень смешным, а нам с вами как-то не очень? Видите, и насмешка может быть с сюжетом, относительно которого стоит порассуждать.

И в литературе и в повседневности шутка живет по одним и тем же законам: как только она «переходит на личности», в особенности если построена на недостатках какого-либо лица (я не говорю — физических, всякому ясно, что тут шутки немудры), она рискует оказаться юмором третьего сорта. Да и особенных талантов для нее не требуется: людские недостатки, как правило, очевидны, и все мы обладаем способностью их подмечать (лучше, чем собственные), а соблазн красного слова за счет другого — это,

Начало на 10-й стр.

ЕЛИЗАВЕТА ЕФИМОВНА

развить, но и погубить тоже можно. Не только отец и мать, но и все три сестры Елизаветы Ефимовны всегда были в передовиках. Младшая, отцовская любимица, тоже вышла в передовые.

VII

Глаза скучные, раздражительна, молчалива.

— Ты что все свой палец разглядываешь? — посмеялся однажды Иван Ермолаевич.

— Видишь, какой черный!

— Ничего, я тебя и с черным пальцем люблю.

— Я не про красоту...

— Лиза, может, устала ты на своем «Карболите»? Давай найдем что-нибудь полетче.

— Ну куда ж я теперь с завода пойду? Я к людям привыкла, к прессу. Думаешь, чего ради я на свой палец люблюсь? Невыгодное это дело — пальцем горячую пресс-форму опрарывать. Кустарщина, и времени уходит много.

— Быть тебе, Елизавета, рационализатором! — посмеялся Иван Ермолаевич.

А она и вправду предложение подала.

Вместе с наладчиками придумали пластинку с гнездами для укладки арматуры. Приспособление нехитрое, а производительность поднялась на 15 процентов.

Этот маленький праздник омрачила болезнь, ноги подкачали: работа стоя. Всю смену. Пошли в семье старые разговоры: уходить с завода надо.

— Я на «Респиратор» звонил, — сказал однажды Иван Ермолаевич, — увольняйся с «Карболита», в ОТК пойдешь, на сидячую.

Елизавета Ефимовна отмалчивалась. Сам-то Ваня на своей работе не щадил себя, не искал дела, где легко. Из горкома пошел на большое строительство, а стройка требует хороших нервов.

— Ваня всегда машину на дороге оставлял, а тут вижу: машина к дому поворачивает. Жду шагов — нет. Бросила кухню, спускаюсь, а

Ваня на скамейке сидит. И вижу, так сидит, словно пошевелился ему больно, бледный-бледный. Голова, говорит, разболелась. Субботник в разгаре, а у меня вдруг голова...

Встал, оперся мне на плечо, и пошли мы наверх. Соседки, слышу, уже обсуждают: «Иван Ермолаевич-то, не пил, не пил, а тут чуть живехонек прибыл».

А мне уже не до пересудов, положила Ваню на диван и доктора пошла вызывать. На следующий день профессор приехал. Из Москвы. Ничего уже не помогло.

Свет померк, но вернулся. Живому нужно жить. Только вот как жить?

Приходили к ней тихие, разумные вопросы. Стоит ли так работать, что ни днем тебе покоя, ни ночью, чтоб всегда впереди и чтоб самое трудное задание — твое? Вот она, работа с огнем, чем оборачивается. Беречь надо себя, растягивать.

Соседка сказала:

— Работой никого не удивишь.

Остервенелый пьяница орал на всю улицу:

— Работай! Работай! Только и знай работай! А мы отдохнуть хотим.

И упал в грязь. Слушала Елизавета Ефи-

мовна хулу работе, а думала свое: разве мог бы Ваня работать с оглядкой, с побрячками? Ее он уговаривал побережись, искал ей легкую работу, но сам-то, солдат со школьной скамьи, ни воевать вполсилы, ни работать вполдела не научился.

И однажды Елизавета Ефимовна сказала начальнику цеха:

— Дайте мне второй пресс.

— Елизавета Ефимовна, мне рассказывали, что вы были противницей хозрасчетной бригады. Правда ли?

— А чего ж неправда? Правда. Это мы все, не подумавши, были против, особенно хорошие-то работницы. Я, мол, за себя отвечаю, но зачем отвечать за тех, которые всю жизнь работают спустя рукава. Лентяям одно удовольствие — на чужой шее прокатиться.

— Ну и как же?

— Растолковали нам... В первый месяц ничего не получилось. Никакой прибыли. И во второй, и в третий, а потом пошло дело... Все хозяйственные стали да бережливые. Раньше случился брак — ну, и ладно. Все идет на свалку. А теперь ни боже мой! Брак колем, арматуру — металлические вставки — собира-

наверно, один из самых сильных соблазнов. Просто удивительно, как он велик, этот соблазн! Между тем насмешка, направленная против человека, редко бывает точна, и это понятно: шутка — штука односторонняя, это в ее природе, а человек, как известно, многогранен, его вообще нельзя свести к какой бы то ни было однозначности. К тому же шутка, будучи сказанной, застывает, а человек, напротив, меняется, и вот даже меткая шутка порой метит того, кто давно уже стал иным. Словом, «кавалерия острот», как, впрочем, и всякая кавалерия, должна соображать, что делает.

Есть у глупого смеха один неперемный признак: он всегда за чужой счет. Таким именно смехом смеются, когда кто-нибудь споткнулся и упал, пытался в последнюю минуту вскочить в вагон метро, да его прищемило дверью (в угоду такому чувству юмора герои кино некогда то и дело теряли штаны). Все это низшая, подчас близкая к рефлекторной разновидности смеха. Она может развиться до довольно сложных розыгрышей, но всегда сохраняет свою примитивную основу и всегда будет за чужой счет. Кстати, о розыгрышах: они бывают веселые, говорят, даже талантливые (я таких видела мало), в массе же своей они весьма убоги. Если дураку судьба не подкинет случая над кем-нибудь посмеяться, он такой случай создаст сам. И чем ниже культурный уровень, тем сильнее тяга повеселиться за счет другого. Спросите у врачей «Скорой помощи», сколько у них бывает ложных вызовов — ведь иным юмористам до смерти смешно, что врач приедет, а никакого больного-то и нет. Спросите у работников милицмейской службы О2, сколько бывает дурацких звонков, они вам до вечера будут рассказывать: как они, вызванные в связи с убийством, попали на развеселую свадьбу или как, кинувшись на зов о помощи, долго искали несуществующий адрес. А ведь кто-то в это время тихо радовался при мысли о том, что он, умница, сидит дома, а милиционеры попусту сбиваются с ног.

Все это он — господин дурацкий смех.

Сколько усилий подчас затрачивает иной гражданин, сколько времени, выдумки, чтобы волю повеселиться, поставив другого в нелепое или унижительное положение! Сколько при этом испытывается сладостных предвкушений, сколь горячо потираются руки!

Волга» летела ночью по шоссе, вынося далеко вперед белый свет фар. И в этом белом свете водитель неожиданно увидел черную фигуру человека, который лежал ничком на асфальте, — неожиданно, потому что в этом месте был крутой спуск, и человек лежал как бы во впадине, отчего увидеть его раньше было нельзя. А лежал он так недвижно, как живой лежать не может.

Первой мыслью водителя было проехать мимо. «Еще на меня же и свалит», — подумал он. Но за ней пришла вторая: «Вдруг еще живой?» А нога уже сама жала на тормоз. «Волга» остановилась на обочине, водитель выскочил и увидел, что за ним по шоссе мчит грузовик МАЗ. Он понял, что тяжелая машина на спуске уже не сможет ни остановиться, ни отвернуть (в кабине мелькнуло мгновенно ставшее отчаянным лицо шофера), и отчетливо увидел, как судорожно вильнула она влево, но огромные скаты все же

прошли по тому, кто лежал на асфальте. Если раньше была надежда, то теперь ее не стало.

Шофер МАЗа спрыгнул на землю, и оба они молча пошли к тому, кто лежал. Долго стояли они над ним, не решаясь прикоснуться, потом водитель «Волги» нагнулся и перевернул тело. Оно перевернулось неожиданно легко, странно невесомо... Ватник распнулся — под ним шуршала солома. Это было чучело! Чучело, кем-то заботливо обутое и одетое — от кепки до сапог...

Так и стояли на дороге оба водителя, побелевшие от только что пережитого, стояли и не знали, что им думать.

Возникло было предположение, что это своего рода проверка водителей: остановится или не остановится (собственно, предположение это, само по себе странное, появилось в связи с одним зарубежным фильмом, где полицией был проведен такого же рода эксперимент), но оно, разумеется, отпало. Подобная проверка, так объяснили нам в Управлении ГАИ МВД СССР, была бы провокацией, к тому же весьма небезопасной для транспорта.

Нет, это был спектакль, поставленный кем-то в надежде посмеяться за счет того, кто в ужасе шарахнется в сторону, а может быть, свернув, наскочит на столб. То-то было бы смеху... И само место как заботливо выбрали — на крутом спуске, где и увидеть и остановиться почти невозможно...

Давно уже ушли в прошлое шутихи и шуты, когда-то потешавшие невежество и темноту при царском дворе или в барской усадьбе. Людей ныне смешат уважительные, а порой даже обожаемые всеми комедианты или клоуны, которыми подчас восторгаются самые строгие интеллектуалы. Но все же жажда личного шутства, как видно, по-прежнему живет еще в иных душах.

В одной московской квартире жил Вася, уже немолодой человек, психически явно нездоровый. Он целыми днями (а то и ночами) ходил по общей кухне, волновался, все что-то прятал и перепрятывал в самых нелепых местах, о которых потом забывал. Его глаза всегда горели каким-то умилным, восторженным светом.

Однажды во дворе его окружили молодые женщины.

— Вася, — сказали они, — почему же ты, такой красивый, и вдруг да не женат?

— Я и сам знаю, что я красивый, — ответил он доверчиво и покраснел. Дело в том, что он мечтал жениться, и они это знали.

— За чем же дело стало? Выбирай жену! — Они, не стесняясь, перемигивались с теми, кто остановился полюбоваться спектаклем.

— Возьми хоть меня, — сказала одна, стреляя глазами на публику.

— Так как же, — ответил Вася озабоченно, — ведь жене подарки сделать надо, надо ей хорошие подушки купить.

— Ничего, Вася. Я бы и без подушек за тебя пошла. Зачем нам с тобой подушки, мы можем и без подушек.

— Без подушек нельзя, — сказал Вася в тоске. — Как же можно без подушек?

Тут они наконец разразились хохотом. А он ушел. Он шел по улице, раскочивался, время от времени сцеплял и разнимал пальцы. Он понял, что над ним

смеются — не впервой, но каждый раз он понимал это, когда было уже поздно.

— Не понравилась я ему, — все еще смеясь, сказала та, что предлагала себя в жены.

Женщины смотрели ему вслед, с трудом приходя в себя после безудержного веселья. От них веяло здоровьем, и было видно, что они довольны собой, потому что были остроумны и посмеялись вволю, отдохнули, пора было и делом заниматься.

Видите, все, оказывается, все в людях надо воспитывать. Ничто путное само собою не растет, все нужно выращивать, выхаживать, даже чувство юмора!

Попробуем все-таки понять, откуда в нас эта могучая тяга повеселиться в ущерб ближнему. Что заставляет людей тратить время и труд ради такого, казалось бы, ничтожного выигрыша?

Но в том-то и дело, что для убогой души тут выигрыш совсем не пустячный, тут для нее, напротив, жизненно важное приобретение.

Позволю себе опять обратиться к литературному образу. У Гете в «Рейнеке-лисе» есть эпизод, запомнившийся мне с детства. Рейнеке, хитрый и злой лис, как-то попал в колодезь, где ходили две деревянные бабьи-противовеса: когда одна вверх, другая вниз. Мимо шла волчица, и лис из глубины уговорил ее, прельщая мнимой рыбой, спуститься к нему. Волчица доверчиво села в бадейку, которая устремилась вниз, своим весом поднимая вверх Рейнеке. В моей детской книжке была картинка, где волчица спускалась, безмерно сконфуженная и потерянная, а лис, подбегаясь, улыбаясь, и едва ли не обливаясь от самодовольства, возносился.

Вот образ, весьма пригодный для иллюстрации моей мысли. Психологи давно познакомили нас с понятием самоутверждения, необходимого для нашего душевного здоровья. Человек должен как-то проявить себя вовне, утвердить значение и цену собственной личности в глазах других людей и, таким образом, в своих собственных. Без этого ему трудно, а подчас и просто невозможно жить. Нормальные люди самоутверждаются в работе, в той или иной полезной деятельности, в том или ином виде творчества. Мастер, сделавший хорошую, красивую вещь, принесшую людям радость, уважает себя и знает, что имеет право на уважение других. Такая внутренняя уверенность и дает ощущение жизненной прочности. Надежно помогают самоутверждению знания: чем больше приобретаем мы к мировой культуре в любых ее проявлениях, тем больше возвышаемся в мнении окружающих. Человек духовно бедный, творчески бессильный, с ленивой душой самоутверждается таким образом, как правило, не может — он проживает жизнь, не накопив ни жизненного опыта, ни духовного багажа. И вот тут-то начинается самоутверждение за счет ближнего. Ведь тяга к какому-то уровню существует, а если возможности повисить собственный уровень нет, остается единственный путь — понизить уровень другого, по возможности выставив его дураком.

Тогда и начинает несчастная бездарность звонить в «Скорую помощь», тогда и устраивает липовую переквалификацию, тогда и принимается набивать соломой чучело, работает, улыбается, предвкушает, а потом, сидя в кустах, знатно веселится за счет кого-то, пусть даже и незнакомого. Ей, бездарности, не просто хорошо, она счастлива в эту минуту. Ей кажется, что ее бабья идет вверх.

ем. Научились считать и время, и деньги. Теперь у нас каждый экономист. Скажем, дают нам таблетки весом в три с половиной грамма, а я вижу, что для изделия вполне хватает трех и двух десятых. Экономия крошечная, а за месяц набегает по бригаде 200—300 килограммов. И прессовщицы поняли: миллиграммы берегут килограммы, секунды экономят часы. Когда мы работали каждая за себя, то добрых 15 минут уходило на приемку таблеток, арматуры, все это взвешивалось, сдавалось, принималось. А теперь бригада сквозная. И знаки, и арматура, и таблетки — все это достояние бригады.

В 1969 году Елизавету Ефимовну наградили юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Это была ее первая награда за работу.

Елизавета Ефимовна все беспокоилась, как бы кто из работниц не обиделся. И сама знала, что работает не хуже, а лучше многих, но вот стаж? Всего семь лет на заводе. А другие ведь тоже сложна руки не сидят, план перевыполняют.

Кому радость, а Елизавете Ефимовне бессонные ночи: все думала, как же ей оправдать и депутатство, и медаль. А что придумаешь?

Если раньше работала на совесть, то теперь, видно, так нужно работать, чтоб не только сама, но чтоб и другие тянулись.

Взяла учениц. Старательно посещала школу комтруда. Что-то себе возьмет на заметку, а больше другим работницам показывала да объясняла.

Менялись смены, шла обычная заводская жизнь.

Навещали заболевших, провожали на пенсию, встречали новичков.

Заканчивалась восьмая пятилетка.

И вдруг Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении прессовщицы орехово-завеского завода «Карболит» Курчичкиной Елизаветы Ефимовны орденом Октябрьской Революции.

«Что ж, — подумала прессовщица, — если мой труд и вправду важно государственное дело, значит, надо и мне думать по государственному».

Занялась бухгалтерией. Прикидывала сама, на глазок, потом пошла к экономистам. Посчитали, и вышло, что новую, девятую пятилетку она может осилить за три с половиной года.

Орден Елизавете Ефимовне вручали на

сцене Дворца культуры. Тогда-то она и сказала своим заводским:

«Берусь пятилетку закончить в середине 1974 года. Поддержите — спасибо вам скажу. Верю, не оставите меня в одиночестве, потому что не одни мы вперед глядим. Думать о хорошей жизни — мало, ее нужно нарабатывать».

Коли одна может, могут и другие. Тысяча двести рабочих основных профессий завода решили не отставать от прессовщицы.

Не просто это — выйти перед людьми и сказать им: «Я теперь буду так работать, как ни вы, ни сама я раньше не работала». Но еще труднее, чтобы обычные рабочие дни, с неурядицами, с мелкими стычками, не погасили ежесекундный праздник твоего труда.

А дел не убавилось. Дети подросли. Большие дети — большие хлопоты. Депутатские дела звали на заседания, на проверки, на беседы. Приходилось выступать, представлять. Школьники звали на свои классные часы. И на заводе — проблемы. Подбегает Валя Завражная:

— Ефимовна, опять идет один брак. Сырье дрянное.

К технологам. Спешно делают анализы порошков. Этот плохо оформляется, а этот

дает черноту. Пока найдены нужные смеси, время прошло... А пятилетка идет, для Елизаветы Ефимовны это десятая пятилетка.

— Елизавета Ефимовна, вы ведь молодой коммунист?

— Да, я вступила в партию, когда взяла обязательство на пятилетку. Ко мне люди приходят — за советом, за опытом. Меня в партком вызывают... В горсовете много дел. Чувствую, живу так, как живут коммунисты, а заявление в партию боюсь подавать... Пришла к Николаю Ивановичу Нестерову, парторгу нашему, так и так, говорю: хочу в партию, но, наверное, мне откажут, возраст уже не молодой. Скажут, чего раньше думала? А я раньше, может, и вправду ни о чем не думала, зато теперь думать хватает, когда и завод у меня, и мои избиратели, и нагрузка в горсовете...

А знаете, единогласно приняли.

В этом году Елизавете Ефимовне было оказано самое высокое доверие товарищей-коммунистов; она была избрана делегатом XXV съезда КПСС.

ЕСЛИ ВАМ

Бродвейскую публику трудно чем-либо удивить. Но на этот раз толпы возбужденных юнцов осаждали здание американского «Театра жизни». Шел новый спектакль под названием «Рай — немедленно!».

И дело совсем не в том, что актеры и актрисы были обнажены: здесь этим особенно не поразишь. Зрителей будоражила идея спектакля.

— Где мой костюм? — вопрошал со сцены новоявленный Адам. — Его нет, потому что я хочу быть счастливым. Вы, сидящие здесь во фраках и смокингах, связали себя условностями, воспоминаниями о прошлом и размышлениями о будущем. А мы, актеры, хотим насладиться мгновением и начнем это делать прямо сейчас, на сцене. Сидящие в партере тоже могут стать счастливыми, если они на то способны. Мы будем первыми революционерами, которые создадут рай на земле не в будущем, а немедленно, отключившись от памяти, ответственности и времени.

Что это? Параноидальный бред или просто экстравагантная выходка?

— Не совсем, — отвечает Эммет Гроган, один из руководителей хиппи. — Поезжайте в Хайт-Эшбери и вы увидите, что новое общество наслаждения уже создается.

Свою карьеру хиппи Гроган начал делать в первый день после призыва на военную службу.

— Я видел смутянов и почище тебя. Но не обольщайся, я смогу тебя укротить! — выкрикивает унтер-офицер, ведущий по коридору молодого новобранца.

Затем он толкает его в комнату:

— Ты начнешь с того, что приведешь здесь все в порядок. Я вернусь через полчаса.

Оставшись один, высокий молодой человек со светлыми волосами, падающими на плечи, принимает за работу. Он берет охапками ружья, стоящие рядами в козлах, и бросает их за окно, затем достает из своего ящика банку с краской и начинает красить старые, ржавые кровати в шафраново-желтый цвет.

Полчаса спустя новобранцу удается вставить в поток ругательства, извергаемых сержантом, одну фразу:

— Но, сержант, я считал, что надо освободить эту комнату от всего, что неэстетично.

Через два дня Грогана отвели к психиатру. Но, прежде чем ему задали хотя бы один вопрос, он начал вопить:

— Я сумасшедший! Я сумасшедший!

Вскоре последовал диагноз: «Не пригоден к военной службе». А затем Гроган прибыл в Хайт-Эшбери, один из районов Сан-Франциско, превращенный позднее в прибежище хиппи. Вслед за ним сюда устремились многие ученые и журналисты, чтобы посмотреть и понять хиппи в их заповеднике.

Итак, следуя совету Грогана, мы тоже прибыли в Хайт-Эшбери. То здесь, то там в кустах высрисовываются фигуры хиппи, потягивающих «травку» (так называют наркотик марихуану) или наигрывающих бесконечные мелодии на банджо. У каждого из них своя собственная вселенная, где можно вращаться по прищипленной орбите.

— Сюда, Джек! Ты моя самая любимая вещь. Приди же к своей нежной, прекрасной, сердечной любви, моя небесная звезда. — Тихий женский голос доносится из зарослей, окаймляющих спокойное маленькое озерцо. В

густой траве лежит девушка лет 19—20 с распущенными, как у Офелии, локонами, в оранжево-голубом платье. С дальнего конца озера доносятся звуки гармоник — на камне расположился такой же длиноволосяй парень. Девушка продолжает свою призывную песню, перебирая в руках венок из цветов.

Еще две девушки в сандалиях и темных, до пят халатах движутся навстречу. У них был бы вид индийских женщин, если бы не болтающиеся на шее колокольчики вроде тех, что вешают коровам, и нетвердая, развинченная походка, свидетельствующая, что они «освежились» марихуаной. Одна из них, взглянув на встречных волооким взглядом, бормочет:

— Я люблю тебя!

Не пройдет и нескольких минут пребывания новичка в Хайт-Эшбери, как его найдут длиноволосяе обормотанца с кольцами в носу и размалеванными краской щеками. Попросив милостыню, они в знак благодарности отдадут незнакомца в здание пустующей лавки, где можно переночевать. Это не только ночлежка, но и своеобразный магазин, где имеются не поддающиеся описанию потрепанная одежда, старые книги и кое-какая пища. Организаторы магазина — «горняки», составляющие своего рода организацию среди хиппи, члены которой вносят пожертвования на приобретение всякого старья.

Когда Хедженет, американский журналист, предварительно отравив бороду, прибыл в Хайт-Эшбери, в ночлежке было довольно прохладно, и он решил купить свитер, оказавшийся на несколько размеров больше, чем требовалось. Грыз голод, и Хедженет спросил обормотанку приземистую и непричесанную девушку с повязанной на голове лентой, за которую было заткнуто перо, где можно перекусить. Вместо ответа она вытаскала откуда-то на середину комнаты мешок и, коротко бросив «Ешь!», исчезла. В мешке оказались печенье, арахисовое масло и редис.

Утолив голод, журналист спросил оказавшегося поблизости долговязого хиппи, где можно прилечь. В ответ хиппи, заговорщицки наклонившись к новичку и понизив голос, спросил, умеет ли тот писать. Едва последовал утвердительный ответ, как долговязый схватил журналиста за руку и повлек за собой на улицу. По дороге парень сообщил, что его зовут Данбар, что он член группы «полухиппи» из восьми человек и что все они работают в редакции журнала «Фьюжн». Это орган хиппи, первый номер которого только что вышел. Он также поведал, что этот номер состоит из тридцати ужасных поэм и непонятных эссе. Оказывается, Данбар только что приобрел пишущую машинку и теперь намерен заняться журналистикой.

На следующее утро Хедженет уже имел редакционное задание — собирать материал для следующего номера. Однако, покидая гостеприимный приют, он совершил бестактность: спросил у одного из хиппи, только что завершившего мытье своей бороды и теперь бесцельно выстукивавшего на бубне какой-то мотив, который час. Тот ошалело взглянул на гостя и процедил:

— Мы, парень, никогда не интересуемся временем.

Действительно, время здесь — одно из многих понятий, которые не имеют никакого значения. Тем не менее хиппи выделяют из вереницы дней воскресенье, поскольку по воскресным дням происходит «хелпнинг» в дальнем углу парка, называемом «Кастроля». Сюда стекаются сотни хиппи, располагаясь вокруг огромного сломанного грузовика, кузов которого служит сценой. Говорят, программа этих импровизированных концертов являются самодельные джазы, исполняющие «ло-

бовный» или «наркотический» рок. Эта «музыка», как писал потом Хедженет, оглушает непривычных, травмирует душу, ошеломляет чувства, вынуждает содрогаться все нервы и мышцы тела и внутренне заставляет отделиться на произвол удивитого, оболванивающего, гнусавого ритма.

В это воскресенье программа состояла из выступления неопишуемой группы косматых мужчин. Без каких-либо объявлений их предводитель — огромного роста верзила — ударил всей пятерней по струнам электрогитары, подключенной к спрятанному в недрах грузовика аккумулятору. По толпе зрителей пробежала как бы конвульсия. На «сцену» взгромоздилась странная пара: экзотического вида девушка, одетая только в платок-пончо, и парень с остекленевшими глазами и гирляндой нанизанных на веревку лампочек вокруг шеи. Пара затряслась в принудительном ритме вокруг лежащей в кузове старой велосипедной покрышки. За ними вслед полезли и другие танцоры, и «сцена» быстро заполнилась извивающимися, подпрыгивающими и вращающимися телами...

А тем временем рок-ансамбль выдавал бредовый поток звуков, едва связанных между собой. Толкаемые атактистическим инстинктом, танцевали, вернее, бродили в сомнамбуле, сталкиваясь друг с другом, уже все присутствующие на площадке.

Музыка оборвалась так же внезапно, как началась, неистовство танцоров улеглось, и те из них, которые еще сохранили способность двигаться, медленно поплелись к дому, который можно назвать домом весьма условно.

Какое же общество пытаются создать хиппи? Французский журнал «Пари-матч» вынес в заголовок статьи о хиппи следующие слова: «Они пытаются осуществить старую мечту: общество, где все бесплатно».

Труд для хиппи не имеет особого значения. Они больше надеются на благотворительность людей, обладающих богатством, тем богатством, которое хиппи презирают и так громко бичуют в своих песнях. Как ни парадоксально, но именно это вполне устраивает правящие классы, ибо недовольство существующим общественным строем переводится в область безобидного, хотя и экстравагантного фрондерства.

Не удивительно, что буржуазия смотрит на «действия» хиппи как на захватывающее зрелище. Каждый день, а особенно по воскресеньям, Хайт-Эшбери оглашается ревом автомобильных сирен. Любители экзотики фотографируют хиппи прямо из открытых дверей и окон своих машин. При этом у них такой вид, словно они попали в зоопарк. Детишки, седовласые бабушки, почтенные супруги жадно созерцают разворачивающуюся перед ними картину: хватит о чем посудачить на целую неделю. А когда через неделю темы для рассказней иссякнут, они вновь съезжат к хиппи, чтобы поразить своей отчаянностью родню и знакомых.

Хиппи, писала норвежская газета «Актуэльт», действуют в рамках существующих законов, и общество не может предъявить к ним претензии. Они ничего не взрывают, никого не оскорбляют. Они расцелуют тебя, читатель, но ты не вызовешь за это полицию — ведь ты не подвергнешься насилию. Да и что может сделать полиция? Она не будет арестовывать человека, который дарит цветы, обнимает и ободряюще подмигивает тебе. Хотя наше общество, заключает газета, иногда косо смотрит на хиппи, однако оно поднимает шум только тогда, когда хиппи публично сбрасывает одежду, и то лишь в том случае, если он снимает последнюю нитку.

Чем же оправдывает буржуазная печать

поведение хиппи? Прежде всего тем, что они якобы живут в «другом обществе». Как утверждает американский социолог К. Кенистон, сборища хиппи представляют собой новое «молодежное общество», некую сверхновую цивилизацию со своими культурными ценностями.

Чтобы понять суть этих «ценностей», нужно отправиться в ночлежку, где обитают Рик, тощий, жилистый музыкант с кольцами в ушах, и другие хиппи. Перешагивая через одурманенных марихуаной жильцов и отмахиваясь от рожавших мух, Рик соглашается, что ему неприятно жить в этом аду.

— Но это совсем не то, к чему мы стремимся, — говорит он. — Мы лишь начали создавать свою культуру. Каждый цветок должен расцветать. Все — суета сует. Человеческий дух разрушен. Весь мировой порядок противоестествен. Сейчас мир стремится восстановить сам себя. Наше поколение живет в эпоху глубоких изменений. Люди среднего возраста не могут смириться с тем, что их дети проповедуют эти изменения. Факт, что все связи между поколениями порваны.

Рик нервно прохаживается по комнате, и его уродливая тень от стоящей на полу свечи мечется по стене.

— Назад, к природе, — продолжает он свой монолог. — Вы знаете, что мы представляем собой угрозу обществу. Однако мы не против любого общества. Мы создадим свою цивилизацию.

Рик часто употребляет слово «они», причем придает ему презрительный оттенок. «Они» — это все, кто не хиппи, а следовательно, стражи того самого противоестественного мирового порядка и статус-кво, которые рассматриваются как возмутительные, жестокие, подлые и разрушающие человеческие души, одним словом, антигуманные. Хиппи полагают, что они не просто встают против приверженцев нынешнего общества, а полностью их отвергают. В то же время они против активных действий, направленных на испровержение существующей капиталистической системы. По словам хиппи, они заменили эту систему своим собственным, открытым, свободным от напряжения, ориентированным на природу миром — миром любви. Особенно громко провозглашается, что каждый хиппи попросту делает то, что ему нравится, и ведет свой частный, персональный образ жизни, который отключает его от действительности. Правда, некоторые хиппи по-своему пытаются воздействовать на действительность и носят с такими, например, планами, как насыпать в систему водопровода Сан-Франциско большое количество наркотика ЛСД, чтобы этот почтенный город начал ходить на голове.

Хиппи верят в звезды, увлекаются гороскопами. Чувствуя себя беспомощными и беззащитными перед лицом событий, они прислушиваются к предсказаниям Онкастой Кэти, хотя эти предсказания и не сбываются. Так, однажды она сообщила, что президент летом объявит войну. В другой раз предсказала гигантское землетрясение, в результате которого Калифорния будет поглощена океаном.

Многие пытаются исповедовать индуизм и буддизм, отправляясь в восточный монастырь и подчиняясь его распорядку: подъем в пять часов, размышления, молчаливый завтрак, теплая ванна... В конце дня еще два часа размышлений. Однако для хиппи это не столько религия, сколько очередное и не слишком долговременное хобби. Они довольно быстро переходят от одной мистической системы к другой, на их алтарях можно одновременно видеть статуи Будды, Христа и даже вождя красных Жеронимо.

ХОЧЕТАСЯ В РАЙ

Вот на подобной основе хиппи и думают создать новую «цивилизацию».

Такова вкратце реальная картина того мифического «молодежного общества», которое провозглашалось буржуазными учеными как новая цивилизация. Лишенное социально-экономических основ, классовой базы, четко выраженной идеологии, это «общество» оказалось сведенным к гедонизму — культу наслаждения, который может проявляться в виде отказа от долга и обязательств, правовых и нравственных норм в сексуальной области...

Явление это оказалось настолько распространенным и показательным, что к его истолкованию обратились известные социологи и публицисты, и среди них Э. Брез, Ж. Дюмазедье, К. Кеннистон, Н. Майлер, Г. Маркузе, М. Маклюэн. Например, Маклюэн попытался обосновать переход к «цивилизации наслаждения» тем, что современные средства коммуникации превратили наш мир в мир без пространства и времени, в мир, где все происходит мгновенно и повсеместно. Мечта доктора Фауста — «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» — теперь якобы приобретает повсеместную реальность. Мгновение уже останвлено, надо лишь, чтобы оно стало прекрасным.

Если верить Маклюэну, молодежь первой почувствовала подобные перемены. Начали этот процесс битники, вслед за тем хиппи в более широком масштабе попытались создать свою систему взглядов на мир и продемонстрировать их на практике. Хиппи не опечалены раздумьями о прошлом и будущем, их не беспокоит судьба близких и даже их самих. Как утверждает Н. Майлер, хиппи живет в «огромном настоящем, где нет места ни для прошлого, ни для будущего, ни для памяти, ни для запланированных намерений».

Американский социолог Г. Маркузе полагает, что условия для реализации гедонистической программы хиппи создались лишь сегодня — благодаря осуществлению «электронной, сексуальной и психоделической революции». Что же это такое?

Под «электронной революцией» понимается в основном научно-техническая революция, которая якобы освободила человечество от многочисленных забот и переключила его внимание в область потребления, удовольствия. Так, американские социологи утверждают, что 67 процентов подростков считают наличие автомобиля абсолютно необходимым.

— Я не собираюсь ходить на свидание пешком, — заявил один семнадцатилетний юноша с презрительной гримасой.

А девятнадцатилетний Альфред Урендж из Альбюкера, Нью-Мехико, добавил с мрачным видом:

— Если у парня нет машины, у него нет и девушки.

Подобные примеры призваны, в частности, продемонстрировать тот факт, что с «электронной революцией» оказались устаревшими многочисленные религиозные, правовые и нравственные нормы, которые, якобы будучи порождением архаичного уровня производства, всячески ограничивали удовольствия. В целом этот тезис во многом напоминает распространенные на буржуазном Западе теории «единого индустриального общества» или «великого общества».

Значительно полнее и, если можно так выразиться, «оригинальнее» разрабатывается тезис о «сексуальной революции». Суть ее заключается в снятии различных ограничений в эротической сфере. В «молодежном обществе» никого не станет интересовать ни вопрос о прошлом («Не нарушаю ли я установив-

шиеся нормы морали?»), ни традиционный вопрос о будущем («А что потом?»).

Ряд социологических исследований подтверждает, что в этой области нравственности в капиталистических странах действительно немало такого, что может быть взято на вооружение сторонниками «сексуальной революции». Например, 60 процентов опрошенных молодых американцев считают, что в настоящее время существует большая свобода половых отношений, причем 75 процентов полагают, что они создают новую сексуальную мораль.

— Мы уже вышли из викторианской спальни, — сказал восемнадцатилетний Фред Витмер из Тера Хота (Индиана).

— Мы перестаем придавать значение девственности, — заявил также восемнадцатилетний Дэйв Панкост из Элксарта (Индиана). — Важнее любовь.

— Многие матери, — полагает того же возраста Джоунита Вайт из Смирмы (Теннесси), — не только рассказывают все своим дочерям о противозачаточных средствах, но и сами кое-что узнают от них.

Что же касается «психоделической революции», то она связывается с ликвидацией посредством широкого и легализованного потребления наркотиков тех внутренних ограничений, которые существуют в самосознании каждого человека. Еще не так давно вряд ли кому-либо пришло в голову рассматривать наркоманию иначе, чем это трактуется в любом медицинском справочнике: искусственное, с помощью определенных препаратов растительного или химического происхождения, воздействие на сознание и нервную систему человека, искажающее восприятие действительности и приводящее к своего рода наркотическому опьянению.

Ныне многие буржуазные теоретики говорят о наркотиках как о таком «революционном факторе», с помощью которого можно преобразить общество. Тот же Г. Маркузе считает наркотики неотъемлемой частью «хиппи-структуры», освобождающей человека от эксплуатации со стороны его буржуазного самосознания.

Однако наиболее полную картину социального значения «психоделической революции» нарисовал Ч. Андерсон, один из пророков нового «рокк-поколения». «Рокк» выступает у него не в тривиальном значении этого слова, обозначающего известный танец, а несравненно шире — как новое мироощущение. На пути к нему хиппи проходят как бы три стадии. Вначале они прибывают к «трипу» — коллективному употреблению наркотиков. Элемент коллективизма имеет здесь первостепенное значение, ибо, как говорит Андерсон, он создает новую социальную общность. Затем следует «рокк-музыка», которой также придается некий потаенный смысл. Оказывается, она служит не просто шумовым оформлением сборищ хиппи, а формирует общность духа, приобретает вкусивших наркотики к мистической тайне. И лишь затем начинается воздействие «рокк-танца» — своеобразного ритуала по созданию физической коллективной близости, или, как говорит Андерсон, процесса «освобождения человека».

Термин «психоделическая революция» являлся у идеологов хиппи далеко не случайным. Он должен подчеркивать те глубокие перемены в психике человека, которые якобы несет с собой этот процесс. Речь прежде всего идет об открытии человеком каких-то новых форм сознания. Фактически же это попытка добавить к сознанию человека еще и бессознательное, иррациональное, что будто бы дремлет в каждом из нас.

Любопытно, однако, что все эти теоретические упражнения, которые раньше могли быть почти повсеместно квалифицированы как рецидив крайнего нравственного извращения, теперь выдаются за определенную политическую программу, а именно антибуржуазную. Как же, ведь буржуазное государство, от официальной морали до полиции, не может войти в альянс с публичными вакханалиями, за что выступают сторонники легализации наркотиков. Более того, некоторые из идеологов хиппи утверждают, что их программа в этой части может преобразовать эксплуататорское общество. Как пишет П. Стаффорд в своей статье «Наркотики, рокк и революция», употребление наркотиков правящими классами даст им возможность познать новую сферу сознания, что благоприятно скажется на их практической деятельности. После этого не удивительно, что разношерстная компания Грогана с перьями в волосах и кольцами в носу начинает выступать под знаменами политических борцов.

Однако было бы неверным видеть в хиппи только отражение гедонистических устремлений части молодых людей. Суть этого явления лежит гораздо глубже — в том потребительском сознании, которое теперь во многом определяет нравы современного буржуазного общества. Сегодня это сознание нельзя ограничивать только традиционной материальной сферой, пренебрежением автомобилей, квартир, бытовой техникой и т. п. В самом деле, хиппи демонстративно живут далеко не в самых лучших жилищных условиях, носят златанные джинсы (опять демонстративно), довольствуются общими обедами в парках и на обочинах мостовых (явная демонстрация), и тем не менее они выступают типичными представителями потребительского общества.

Потребительство стало составной частью мировоззрения определенной части буржуазного общества. Потребительское отношение к долгу и обязанностям, моральным нормам, чувствам, отношениям с людьми — все это явилось следующим закономерным звеном в развитии буржуазного потребительского сознания.

Стоит ли изумляться, что часть молодежи, выросшая в атмосфере подобных настроений, оказалась подверженной потребительской психологии, тем более что внешне все выглядело таким образом, как будто бы молодые люди выступают против погони буржуазного общества за капиталом, против его частнобуржуазной морали. Однако они не заметили, да и вряд ли могли заметить, что потребительство дало глубокие метастазы во всю периферийную нервную систему буржуазного общества. Хиппи и представляют один из обнаженных нервов нового, капиталистического по своему духу сознания. Не случайно вскоре после их сравнения с Дон-Кихотами в западной печати появились и более трезвые оценки. Как не без оснований заметил французский социолог М. Клавель, «трясуны молоддой Европы хороши», вот только бы дать им веру, и тогда общество потребления станет совсем «безупречным».

Небезынтересно и то, что легкий шок, в который буржуазного обывателя повергло появление экстравагантных молодых людей, быстро прошел. Пожалуйста, вы можете не стрижься, не мыться и ходить босиком — это ваше личное дело, все это вполне допускает «свободное» буржуазное общество, поскольку подобные выходы не затрагивают его основу и органично вписываются в существующую структуру. Благоприятность, на которую легко идет «высший свет», поставив хиппи свои обноски, прекрасно устраивает

обе стороны: одни демонстрируют свою добропорядочность в условиях современного буржуазного общества, другие, не задумываясь, идут на содержание к этому обществу — тому самому, против которого они вроде бы выступают. К тому же отношение буржуа к хиппи носит далеко не альтруистический характер: большой бизнес начинает налаживать массовый выпуск златанных джинсов, разного рода побрякушек и амулетов, которые входят в большую моду, соответственно поднимаясь в цене.

Надо отметить и тот факт, что хиппи, не представляя мифический «класс молодежи», тем не менее образуют своеобразную группу, которую можно было бы определить как люмпен-молодежь. Как известно, люмпенские слои никогда не играли прогрессивной роли и нередко использовались буржуазией в борьбе против рабочего движения. И хотя хиппи ни в коем случае не являются какими-либо борцами (они сами подчеркивают свой «миролюбивый» характер), однако нельзя не видеть, что их движение, по существу, служит целям отвлечения молодежи от классовой борьбы. Оно также в определенной степени помогает буржуазии решить ряд других проблем, в частности проблему безработицы среди подрастающего поколения.

Это, разумеется, не значит, что хиппи целиком выступают как выразители интересов буржуазного общества. Противоречивость этого движения состоит в том, что, олицетворяя в специфической форме потребительские настроения буржуазии, оно стимулируется искренними попытками многих молодых людей бросить вызов системе капиталистического общества, ее духовным, нравственным и правовым нормам. Пример хиппи еще раз убеждает, что в сегодняшнем сложном мире отсутствие четкой классовой идеологии даже при наличии субъективно добрых намерений, может завести в тупик не только отдельные молодые люди, но и довольно значительные их группы.

Можно сказать, что ныне значительная часть молодежи Запады переболела «хиппоманией». Движение хиппи в значительной степени можно отнести к прошлому, хотя и сейчас находятся молодые люди, которые видят в атрибутах хиппи какое-то подобие протеста против окружающей действительности. Но главная тенденция состоит в том, что все больше юношей и девушек начинают понимать социальные причины несправедливости и открывают для себя людей, которые имеют четкий и убедительный ответ на вопрос, какой должна быть жизнь молодежи. Этими людьми оказываются коммунисты.

Только коммунисты неутомимо и последовательно разъясняют молодежи действительные пути борьбы за создание подлинно прекрасного общества будущего, вскрывают ее ошибки. В. И. Ленин указывал на то, что молодым людям «надо всячески помогать, относиться как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы». Руководствуясь этим советом, коммунистические партии развитых капиталистических стран ведут кропотливую работу среди подрастающего поколения, показывая, что только вместе с рабочим классом и другими прогрессивными силами молодежи может принести плодотворное участие в борьбе за лучшее будущее. Передовое общество возникает совсем не в результате ухода от сегодняшней действительности, а путем ее революционного преобразования. Только самоотверженная борьба за становление нового мира дает молодому человеку высочайшее удовлетворение.

ФРАМИШЛЬНАЯ РЕЛШКВИЯ

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А ело застряло на мертвой точке. О Пете Саватееве и о себе я даже и говорить не хочу. Люди постарше и поопытнее — Бурмистров, например, и Лаврухин, который вел следствие, — тоже недоумевали, откуда что пошло. На всякий случай были проведены некоторые изыскания в области статистики смертей старушек за эти дни в нашем городе. Предполагалось, что альбом мог перекочевать от некой абстрактной пока старушки к Астахову, а от него — к Вите Лютикову. Версию о том, что какая-то старушка состоит или состояла в родстве с Астаховым, пришлось, правда, сразу отвести, потому что родственников у Астахова в Заозерске не было — ни близких, ни дальних. У него вообще не оказалось никаких родственников. Мать и отец погибли во время войны. Воспитывался он в одном из московских детдомов, потом, когда окончил училище, поехал по распределению в Заозерск и стал работать в театре. Все в его биографии было ясно и понятно. До какого-то момента был понятен и он сам. Неяркое дарование никого, по всей вероятности, не доставляло ему горьких минут. Художники, с которыми Астахов общался, характеризовали его как человека беззаботного и легкомысленного. «Типичный халтурщик»... «Наппевист»... «Философия потребителя»...

И вот: старушка — ром — альбом — Астахов. Недолго, впрочем, пришлось мне поиграть этой цепочкой. В то злополучное для Астахова воскресенье в Заозерске не хоронили ни одной старушки. Хоронили в пятницу, как раз в тот день, когда Астахов провожал Лирю Федоровну в Крым. Только эта старушка не имела отношения к Астахову. Давным-давно, если двадцать лет подходит под это определение, Мария Дмитриевна Каронина работала костюмершей в театре и уже тогда была старушкой. Я не нашел человека, который помнил бы ее молодой. О своей юности Мария Дмитриевна рассказывала знакомым мало и путано. Это были никчемные рассказы о благотворительных балах, на которых она танцевала и завоевывала даже призы. Я видел эти призы — потемневшие мельхиоровые кубки, перешедшие по наследству к племяннице Карониной, женщине суровой и немногословной. По ее мнению, Мария Дмитриевна давно уже выжила из ума, и смерть для нее являлась благодеянием. Я не стал спрашивать племянницу о том, пила ли старушка ром. Если и пила, то это, видимо, происходило во времена столь отдаленные, что говорить и вспоминать о них вряд ли имело смысл. Про альбом я, конечно, спросил. Альбома племянница не видела. Об Астахове не слышала. Лютиковых не знала никогда. Фамилии Наумовых и Казаковых были для нее пустым звуком.

Но старушка-то, покойница, работала когда-то в театре. И Казаков работал в театре. И Астахов — тоже. В разное, правда, время работала там Казаков и Астахов. Могли и не знать друг о друге... А могли и знать...

Не вязалось, не сходилось, не складывалось...

Я повертел тетрадный листок в косую клеточку и снова устоялся в разбигающиеся фиолетовые строчки. Лира Федорова Наумова писала:

«Уважаемый Максим Петрович! Я хочу сказать вам, что решила уволиться из музея и навсегда покинуть Заозерск. Думала я об этом давно, но никогда Вам не говорила. Может быть, потому что так лучше. Извините и прощайте. Заявление об увольнении прилагаю.

С уважением Л. Наумова».

Ни даты, ни обратного адреса. Ростовский круглый почтовый штамп свидетельствовал, что письмо было отправлено 31 мая. Странное письмо, если подумать, если учесть все обстоятельства, если соотнести это письмо с событиями, которые ему предшествовали. Если соотнести...

31 мая Лира Федоровна была в Ростове. 31 мая она написала Сикорскому, вложила в конверт заявление об

увольнении и записку с просьбой выслать трудовую книжку в Москву «до востребования», заклеила конверт и бросила его в почтовый ящик.

Сегодня было уже 3 июня.

Я положил письмо на стол и взглянул на Сикорского. Передо мной сидел человек, о котором я слышал, что он был неравнодушен к Лире Федоровне, но она предпочла ему Астахова. Мне Сикорский казался довольно элегантным мужчиной. Наружность у него была располагающей, лицо крупной лепки, из тех лиц, которые нравятся неглупым женщинам. А судя по тому, что я знал о Лире Федоровне, она была далеко не глупа. И в то же время...

— Трудовая книжка у вас? — спросил я, хотя и знал, что задаю праздный вопрос.

— Письмо пришло сегодня, — сказал Сикорский. — И я сразу позвонил вам...

Да, он сразу позвонил нам. Вернее, он позвонил Лаврухину, а я оказался под рукой у следователя. И мне пришлось срочно отправляться в музей. Он, как и в дни моего отрочества, по-прежнему размещался в бывшей церкви. Только все в нем ныне было не похоже на то, что смутно помнилось мне с той поры, когда я ходил в «друзьях музея». Время стерло «письменность первобытного человека» и разметало костер охотников на мамонта, когда-то ярко горевший в алтаре. Со стен и потолка была смыта побелка, и взору сегодняшнего посетителя открывались картины, на которых в хронологической последовательности была запечатлена библейская история сотворения и грехопадения человека. Каждый рисунок настенного божественного комикса сопровождался соответствующей цитатой из первоисточника.

В музее было прохладно. По звонкому полу, выложенному из крупных чугунных плит, гулко цокали каблуками экскурсанты. Пестрая стайка интуристов, увешанных фото- и кинотехникой, обсуждала кульминационный эпизод композиции. Им было весело смотреть на крутобедрую Еву и раскормленного на бесплатных харчах Адама, которые убежали из райских кущ под гневные возгласы рассерженного бога.

Лаврухин все время твердил, что «в деле должна быть межа, отделяющая любовь от уголовщины», но где она, эта межа, проходит, Лаврухину было неизвестно. Иногда он подолгу рассматривал фотографию Леры Федоровны, вздыхал, бормотал: «Черт знает что», — и прятал снимок в пластиковую папочку, где в числе прочих документов лежала еще телеграмма, которая очень занимала Лаврухина. Пала Леры Федоровны по-прежнему отвергал свое авторство, а девушка, принимавшая телеграмму, не обратила внимания на подателя. Машинописный текст телеграммы заводил на некоторые размышления, но когда Петя Саватеев внес предложение поискать машинку, Лаврухин только хмыкнул и посоветовал поберечь этот сюжет для детективного романа. «Почему?» — спросил Петя. «А потому, — сказал Лаврухин, — что нам и так известно: телеграмму послал человек, который знаком с этой женщиной, который знал даже, куда она уехала. Допустим, мы нашли машинку. Стоит она, скажем, в театре или в музее. Что дальше?» «Сузит круг поисков», — сказал Петя. «Он и так не широк, — задумчиво произнес Лаврухин. — Да вот только тем ли фонарем мы его высвечиваем?»

Я вспомнил все это, когда Сикорский показал мне письмо Леры Федоровны. Было заметно, что оно его удивило и даже неприятно поразило. Может, неожиданно своей, а может, смерть Астахова пробудила в нем надежды: ведь любил он эту женщину. И письмо намекало на какие-то отношения между директором и сотрудницей, на отношения, выходящие за рамки служебных. Но где тут кончалась любовь и начиналась уголовщина? Пожди разберись. С одной стороны, казалось, что все поступки Леры Федоровны были продиктованы желанием убежать, скрыться. С другой же... С другой, передо мной лежало письмо, которое это желание перечеркивало. Если, конечно, она сознательно не запутывала следы.

Сикорский открыл сейф и подал мне сиреневую книжечку. Выражение лица у него было хмурое.

— Отдела кадров у нас, как видите, нет, — сказал он. — Все приходится делать самому.

Я полистал трудовую книжку Леры Федоровны и положил на стол рядом со старинной бронзовой чернильницей. Директор выдержал паузу и спросил прямо:

— В чем вы ее подозреваете?

Я усмехнулся:

— Подозревают ревнивые мужья, Максим Петрович. А мы расследуем.

— Не вижу разницы, — бросил он угрюмо.

— Ну и напрасно, — сказал я.

То ли он поверил мне, то ли мое замечание о ревнивых мужьях изменило ход его мыслей, не знаю. Только от его угрюмой раздражительности не осталось и следа. Он даже попробовал улыбнуться. Улыбка вышла кислой, и он заметил, что это от меня не ускользнуло, так же, как и смена настроения.

— Да-да, — сказал он. — Не ожидал... Не подозревал...

Конец фразы он произнес с нажимом, желая, видимо, дать мне понять, что никогда не сомневался в Лире Федоровне, что не возникало у него никогда сомнений в честности этой женщины, что смешно считать ее замешанной в уголовном деле... Не ожидал. И письма такого не ожидал Сикорский... Что ж, понять его было можно. Но меня не волновала тема тысяча первого романа о неразделенной любви. Сугубо прозаические вопросы толпились в моей голове. Такие, например, как прописка и выписка. Думал я и о вещичках, которые Лира Федоровна держала на квартире у Вали Цыбиной.

Пришло, пожалуй, время взглянуть на эти вещички. Вещички... Вещи... Тряпки... Барахло...

Ева бежала из рая голышом, но она знала, что Адам ее оденет, потому что яблоко познания было уже съедено. А хватит ли денег на барахло у художавого бронежета, которого Лира Федоровна посадила в такси, удирая из «Массандры»? И кем он был, этот художавый бронежет. — Адамом или змеи-искусителем?

Художавый бронежет. А не мог ли этот бронежет послать Лире Федоровне телеграмму о смерти Астахова, а потом сесть в самолет и... Нет, вряд ли... Телеграмма была принята на почте в три часа дня, а бронежет подсел в такси к Лире Федоровне где-то около шести вечера. За три часа можно, конечно, долететь от Заозерска до Симферополя. Но до Ялты уже не успеть. Даже на такси...

Раньше... Что-то произошло раньше событий, о которых нам было известно. И встреча с бронежетом была запланирована раньше. И бегство из Заозерска тоже было намечено раньше...

Бегство? От кого? От Астахова? От Сикорского? Или от того, кто убил Витю Лютикова?

Где же все-таки кончалась любовь и начиналась уголовщина?

— Не ожидал... Не подозревал...

Сикорский передвинул бронзовую чернильницу на край стола, потом возвратил ее на место. Он нервничал. Письмо Леры Федоровны выбило его из привычной колеи — так нужно было понимать его жесты, его слова и интонацию, с какой эти слова произносились. А я не понимал или не хотел понимать. Что-то все время мешало мне.

Лишь потом, через много дней, я сообразил, что именно. Тогда же мне казалось, что я просто не верю Сикорскому, не верю его словам, не верю в то, что он «не ожидал», наконец, не верю в то, что женщину можно любить, не ища взаимности. Рядом с чернильницей стояла бронзовая пепельница-избушка. Я приподнял крышку и спросил:

— У вас курят?

Сикорский кивнул.

— Любопытные вещи делали наши предки, — сказал я,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

пощелкав ногтем по домику-пепельнице.— Почему вы их не экспонируете?

— Не имеют художественной ценности. Ширпотреб. Не думаю, что наши потомки станут экспонировать в своих музеях пластмассовые мыльницы или футляры от безопасных бритв.

— Но в них может быть и иная ценность. Старинные вещи передают колорит эпохи...

— Для колорита хватает того, что экспонируется. Музей— это система, а не склад антикварных вещей. Плохая или хорошая, но система.— Он вздохнул, вытащил пачку сигарет.— Да, система,— повторил он.— А я вот собирался бросить курить...— И спросил как бы мимоходом:— С чего это вы вдруг заинтересовались технологией музейного дела?

— Да так, к слову пришлось,— сказал я.— Любопытство профана. Ну и еще... Старичка одного вспомнил. Сидел тут на вашем месте лет двадцать пять назад старичок-боровичок с бородкой-клинышком. Я у него в «друзьях музея» по ошибке числился. У него какая-то другая система была. В первородный грех он, разумеется, не верил: прикрыл его покрывалом побелки, замазал, так сказать, Евино преступление, окутал его меловым туманом и тем самым скрыл от глаз общественности.

Я сделал паузу, сунул окурки в пепельницу-избушку и посмотрел на Сикорского. Он не проронил ни слова. Курил, слушал.

— Да,— сказал я.— Побуждения у старичка, конечно, были самые лучшие. И систему свою он считал единственно правильной. А так как любая система требует последовательности, то царские врата за ненадобностью были сняты и разобраны, а в алтаре зажжен костер, вскруг которого старичок усидел неандертальцев. И стало ясно, что человек произошел от обезьяны, что никакого первородного греха не было...

Я опять сделал паузу.

— Но прошло время, и он снова открылся. Подвела

доморощенного атеиста-дарвиниста система. Да и побелка, как вы понимаете, штука ненадежная. Рано или поздно она осыпаться начинает.

Сикорский взял со стола трудовую книжку Леры Федоровны, взвесил ее на ладони, подумал и, не раскрывая, положил перед собой.

— А знаете что,— сказал он, и в его серых глазах мелькнули лукавые огоньки.— Старичок ваш не был ни атеистом, ни дарвинистом. Вы его фамилию помните?

Я покачал головой. Фамилия старичка меня не интересовала ни тогда, ни теперь. И о первородном грехе я заговорил вовсе не для того, чтобы продолжать беседу о старичке, который умер давно. Мне надо было потихоньку, исподволь подвести Сикорского к мысли о том, что ему не избежать неприятных объяснений, что волей-неволей ему придется признаваться в своих чувствах к Лире Федоровне. К неизбежности разговора о Лире Федоровне и Астахове подводил я Сикорского, а он отвернул к старичку, своему давнему предшественнику на директорском посту, Бакуеву, как оказалось, и не атеисту-дарвинисту, а кладоискателю, одержимому поиском сокровищ какой-то княгини Улусовой, которая в семнадцатом году удрала не то во Францию, не то в Италию, а сокровища свои почему-то бросила в Заозерске, но где бросила, никто не знал, и Бакуев не знал, но был уверен, что бросила, что найдутся ценности, а о нем, о Бакуеве, напишут в местной газете. Но не пришлось писать. Не обрел Бакуев ни славы открывателя, ни процентов со стоимости клада.

— Вот какие побуждения были у вашего старичка,— сказал Сикорский.— С ними он в Заозерск приехал, с ними и на кладбище отправился. А вы говорите— первородный грех. Что ему Гекуба?— Он постучал кончиком уже второй сигареты по столешнице и усмехнулся.— Да, забылись легенды. Хотя, как бывает всегда в таких случаях, у старичка нашлись последователи. Эти истории о кладах вообще как-то странно действуют на людей. Хочется, знаете ли, искать, искать, искать. Вот и у вас, я вижу, наготове миллион вопросов.

— Пока только один,— сказал я.— Вам тоже хотелось искать?

— Ну, что вы.— Он улыбнулся мне, как улыбаются ребенку.— Последователи Бакуева камня на камне не оставили от его теории.

— Не было сокровищ?

— Княгиня не заезжала в Заозерск. Она транзитом проследовала через Польшу и Германию и обосновалась в Италии. Умерла она в Венеции в тридцатых годах.

— А сокровища?— спросил я, потому что вдруг блеснул на миг желтым светом перед моими глазами золотой кругляшок, называемый брактеатом, тот самый кругляшок, который был обнаружен в кармане Витиных джинсов. Блеснул и со звоном покатился в сторону от княгини Улусовой и от сокровищ ее, ибо не золотом и не алмазами были эти сокровища, не тот характер был у них, и не вписывалась в них золотая бляшка.

— Богатое собрание персидских миниатюр,— сказал Сикорский.— Тринадцатый и четырнадцатый века. Описания или каталога не имелось, поскольку собрание было частным. Но по кое-каким высказываниям современников княгини можно составить представление— коллекция была уникальной.

— Была?

— Видите ли, в чем дело. Род Улусовых прекратился на этой княгине. А сама она закончила, как принято говорить в подробных случаях, свои дни в психиатрической клинике. Так что нет никаких оснований полагать, будто коллекция сохранилась.

— А у Бакуева были основания?

Сикорский неожиданно засмеялся.

— Имейте в виду,— сказал он,— что разговор о Бакуеве затеяли вы сами. И если теперь эта история лишит вас аппетита и сна, то я не виноват.

— Как-нибудь переберусь,— пообещал я.

— Ну-ну,— хмыкнул он иронически.— Бакуев появился в Заозерске сразу после войны. Он был из той породы людей.

которые хватаются за любое дело. Иногда они изобретают велосипеды. Иногда берутся опровергать Эйнштейна или Ньютона или требуют запатентовать сконструированный ими вечный двигатель. Роднит этих людей то, что они, задумывая что-то, всегда исходят из неверных посылок. Так вышло и у Бакуева. Неудачник-недоучка. Неизвестно, где, от кого и когда он узнал о существовании коллекции. В Заозерск приехал уже одержимый идеей кладовисательства. И немедленно кинулся разыскивать родственников княгини, в доме которых она будто бы останавливалась...

— И что же?

— Да ничего.—сказал Сикорский с усмешкой.—Я же говорил вам о неверных посылках. Улусовы никакими нитями не были связаны с Заозерском. Выяснилось это, конечно, позднее. Как и то обстоятельство, что княгиня, удирая от революции, в Заозерск не выезжала. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться: логика против Бакуева. Из Москвы в Рязань через Архангельск не ездят. И потом, какой смысл был оставлять ценности в России?

— Звучит убедительно,—сказал я.—Но...

— Представьте себе, есть и «но».

— Любопытно.

— Бакуев умер, кажется, в пятьдесят седьмом году. В одночасье, как говорится. Так вот, когда сотрудники музея пришли на квартиру, чтобы, так сказать, отдать последний долг покойному, то обнаружили... Догадываетесь, что?

— Догадки — не лучший метод,— заметил я.— Но, как говорят, исходя из вышесказанного, вероятно, какое-нибудь доказательство пребывания княгини в Заозерск.

— И да и нет,—сказал Сикорский.— Скорее нет, впрочем.

Словом, на столе у Бакуева лежал обернутый в бумагу портрет молодой женщины. Исполнен он был в манере Гейнсборо, но нетрудно было понять, что кистью водила рука дилетанта. Кто-то высказал предположение, что юная особа и есть сама княгиня Улусова. Потом это подтвердилось.

— Ну и что?

— А то,—веско произнес Сикорский,—что до сих пор неизвестно, откуда взялся у Бакуева этот портрет.

— Он мог просто привезти его в Заозерск.

— Наумов так не считал...

Трах! Это было не хуже удара по голове. Вот оно куда подкатилось! Наумов... Был ли муж Леры Федоровны, о котором мне было известно... Да ничего фактически мне не было известно... Муж, укативший год назад в Караганду. Муж, который был... Кем же он был? Доцентом, что ли? Преподавал историю в пединституте. Ну да, историю. И еще, кажется, увлекался нумизматикой. А теперь получается, что он и поисками сокровищ княгини Улусовой увлекался.

Сикорский сделал вид, что не заметил моего замешательства.

— Да, Наумов,—сказал он задумчиво.—Я вот говорил, кажется, что у Бакуева нашлись последователи. После его смерти директором музея был назначен Ребриков. Петр Иванович. Он тут навел некоторый порядок. Погасил первобытные костры, добился ассигнований на строительство специального павильона для краеведческого отдела. Словом, сделал много. Когда я в шестьдесят пятом принимал от него дела, здесь все было в ажуре. Улусовской коллекцией Ребриков не интересовался, но портрет предполагаемой княгини показал Наумову, с которым был дружен. И Наумов загорелся. Работу он провернул колоссальную, но с отрицательным результатом.

Я протянул руку к трудовой книжке Леры Федоровны. Мне захотелось кое-что уточнить.

— Не трудитесь,—сказал Сикорский.—Все правильно. Лера Федоровна поступила на работу в шестьдесят четвертом и в том же году вышла замуж.

— А почему они разошлись, вы не знаете?

Он этого не знал. А может, не хотел говорить. Занимательная наша беседа как-то сразу увяла, когда речь зашла о Лере Федоровне, и я счел необходимым ее прекратить. Надо было кое-что осмыслить и кое-что проверить.

Я спустился по широким церковным ступеням на щебеночную дорожку, рассекавшую небольшой густо-зеленый дворик на две равные части, и вышел на улицу. На противоположной ее стороне стоял огромный красно-голубой автобус. В него, оживленно болтая, грузились интуристы. Я не силен во французском, но по некоторым отрывочным словам можно было понять, что они уже успели забыть о лицемерии первородного греха. Около меня вдруг возник Петя Саватеев.

— А ты откуда, собственно, взялся?—поинтересовался я.

Петя потряс чугунную ограду, около которой мы стояли, и сказал обреченно:

— Все то же. Вопросы и ответы про незнакомого бронега. Юмор какой-то.

Следственные действия Лаврухина Петя явно не одобрял. Пете хотелось искать убийцу, а Лаврухин заставил его перетрахать биографию Леры Федоровны на предмет отыскания в ней анонимного бронега.

— Маашинку надо искать,—сказал он.—Не понимаю, почему он не хочет искать машинку?

Петя поднял блуждающий взор к церковным окнам.

— Может, она тут стоит, Александр Егорович?

— Не стоит она тут,—сказал я.—Успокойся.

— А я в театре посмотрел,—задумчиво произнес Петя.—Шрифты не тот, мелкий.

— Ну вот, видишь,—сказал я.—Теперь тебе остается только одно—пиши заявление в Министерство обороны.

— Это как?

— Да так. Прости пехотную дивизию. Прочешет она город, глядишь, и отыщется машинка.

Петя вежливо посмеялся.

Вечером я напросился в гости к Вале Цыбиной...

Обыкновенная двухкомнатная квартира выглядела пустовой. Может, потому, что мебель была низкой. Может, потому, что на стенах почти ничего не висело. Я обычно приглядываюсь к тому, что люди вешают на стены в своих квартирах. Мне кажется, что ковры, картины, фотографии, иконы или рыболовные сети, которыми кое-кто опутывает свой быт,—все это ключики к замкам характеров, к тому, что с небольшой натяжкой можно назвать внутренним миром человека.

Валюшка жила с матерью, довольно еще молодой женщиной лет пятидесяти с гаком. Величину гака я не сумел определить, но профессию угадал.—Валина мама была учительницей. По несколько удивленному взгляду, которым она меня встретила, я понял, что представители сильного пола крайне редко переступают порог этой тихой обители. Я было подумал, что она изумится еще больше, узнав, кто я, но ошибся: Валюшка держала маму в курсе событий.

А со стены комнаты улыбался дельфин, стоящий на хвосте. Я сел так, чтобы видеть его лукавую улыбку. Дельфин мне очень понравился. Валина мама сказала, что приготовит чай, а Валюшка уселась напротив меня, подперла щеку кулачком и стала ожидать вопросов. Настроение у нее было минорное. Я вскользь поинтересовался, не писала ли ей Лира.

— Нет,—сказала Валюшка.—Да и зачем?

Ее «зачем?» прозвучало вполне естественно. Лира, уезжая в «Массандру», не предупредила Валюшку о том, что будет писать ей, и вообще у них нет никаких обязательств друг перед другом... В кухне гремела чайной посудой Валина мама. С зеленоватой стены на меня смотрел смеющийся дельфин.

Где-то в этой квартире, в пропахшей нафталином темноте шкафов хранились вещи, на которые мне хотелось взглянуть.

Вещи... Вещички... Барахло... В комнате с дельфином платяных шкафов не было. Был диван, на котором сидел я, был стол, возле которого примостилась Валюшка. С потолка свисала хрустальная люстра в форме кристалла. Был еще застекленный книжный стеллаж, в углу у окна, распорхив черные ножки, стоял телевизор.

Полгода назад в этой квартире жила Лира Федоровна. Жила без прописки, как выяснилось. Штампик о выписке в ее паспорте был поставлен без малого год тому. Тогда она известила паспортный стол о том, что намеревается ехать в Караганду. С мужем. Но муж уехал, а она осталась в Заозерске. И вот теперь...

— Она никогда не говорила вам, что собирается покинуть Заозерск?

— Нет. Но почему вы об этом спрашиваете? Разве она?..

— Да, она прислала письмо. Хочет уволиться с работы...

— Что же она пишет? Когда придет?

— По-моему, она не намерена возвращаться.

Валюшка задумчиво смотрела на меня. Но я мог бы поручиться, что меня она не видит. Молчание длилось долго. Минуту, может, две. Наконец, Валюшка тряхнула головой, словно пробуждаясь ото сна, и сказала:

— Понимаю. Вы подумали о ее вещах.

— Да, я хотел бы на них посмотреть.

Она пожала плечами и встала. Мы прошли во вторую комнату. Здесь стояла кровать, два платяных шкафа, высокое зеркало. Над кроватью висела картина. Я узнал ее сразу. Девушка с винтом врезалась в мою память на всю жизнь. Я улыбнулся ей, как старой знакомой, хотя, честно говоря, улыбаться мне не хотелось. Потом я поглядел на Валюшку.

— Никогда бы не сказал, что это вы.

— Мама говорит то же самое. Но он рисовал меня. Витя всегда отступал от натуры. Он считал, что главное—это внутренний мир.

— Чей?

— Художника, творца... Важно его видение, его призма, через которую он познает радугу мира...

— Тогда все ясно,—сказал я.—Радуга мира—это, конечно, здорово.

Валюшка кинула на меня быстрый взгляд и тихонько вздохнула. О картине мы больше не говорили. Вещи, вещишки, барахло заслонили от меня эту картину, а вместе с ней и внутренний мир Вити Лютикова, ту самую «призму», через которую он пришел к девушке с винтом.

Пальто и платья, кофточки и салопки, юбки и блузки—все это было понемножку, но на два больших чемодана вполне хватало бы. Когда Валюшка выдвинула ящик с бельем, я поднял руки:

— Достаточно.

Мы вернулись к дельфину. На столе шипел чайник. За столом сидела Валина мама.

— Валюшка, это правда, что Лире ищет милиция?—спросила она, игнорируя мое присутствие.

— Правда,—сказал я.

— Ужасно,—сказала мама, теперь уже обращаясь ко мне.—Такая приличная женщина. Никогда бы не поверила...

— А чему?—невинно спросил я.

— Ну как же?—Валина мама даже удивилась.—Вы ведь ищете...

Разговор за столом, естественно, вертелся вокруг Леры Федоровны. Говорила, впрочем, преимущественно мама, а Валюшка сидела задумчивая. Когда чаепитие закончилось и мама унесла посуду на кухню, Валюшка сказала:

— Женщины совершают иногда очень странные поступки.

— Вы имеете в виду Лире?

— Не только. Не знаю, поймете ли вы то, о чем я подумала.

— Я постараюсь,—пообещал я. Но Валюшка шутить была не расположена. Она окинула меня долгим взглядом, потом посмотрела на дельфина, словно прося у него совета.

— Женщина всегда чего-то ждет,—сказала она после непродолжительной паузы.—От жизни, от любви. Ее почти никогда не удовлетворяет существующее положение вещей. Очень часто это просто неосознанное ожидание, совершенно безотчетное. Она объясняет себе его иногда неустойчивостью быта, еще чем-нибудь... Иногда даже не пытается объяснить... Но ждет всегда.

— В общем, «Сказка о рыбаке и рыбке»,—сказал я.

— Нет,—сказала Валюшка.—Скорее о Золушке и Принце. Только с той разницей, что обретенный принц перестает быть таковым.

— Занятно вы рассуждаете.

Валюшка пожала плечами.

— Я знала, что вы меня не поймете,—сказала она равнодушно.

— Понять нетрудно,—возразил я.—А вот принять... Разве в мире нет счастливых женщин?

— Может быть, и есть,—сказала Валюшка.—Но не все женщины откровенны, как я. Считаю, что вам повезло, вы услышали искреннее признание. Но я хотела вам помочь...

— Помочь?

— Да. Вы же хотите понять Лире. Вы пришли посмотреть на ее вещи. Вы знаете, что вещи могут многое рассказать о своем владельце. Кроме того, вы хотели убедиться, стоят ли эти вещи того, чтобы человек о них беспокоился. Я угадала?

— Вполне.

— Но я не все показала вам.

— Чтобы помочь, так сказать. Это мне нравится,—заметила я саркастически.

Валюшка сарказм игнорировала. Она смотрела на дельфина... И когда я стал кое-что понимать, Валюшка сказала:

— Это ведь только в сказке Принц дарит Золушке хрустальные башмачки. И только в сказке он ищет Золушку. В жизни может быть и наоборот: почему бы самой Золушке не поискать исчезнувшего Принца?

— Она искала?

— Она молчала,—сказала Валюшка.—Но я видела, что она ждала. Когда она жила у меня, эта фотография висела у нее над кроватью. Потом она приходила поглядеть на нее.

— Значит, Астахов...

— Астахов?—Валюшка как-то странно усмехнулась.—Для Леры он был чем-то вроде лекарства от неврастении.

— Да-а,—протянул я.—Откровенно, ничего не скажешь.

— Вините себя,—сказала Валюшка.—Помните скамейку над озером? Вы тогда требовали от меня предельной откровенности. Я намекала вам, что копаться в чужом белье просто неприлично. Но вы оказались настоящим человеком. Что ж, сегодня я предоставила вам такую возможность. А вы опять чем-то недовольны.

— Вашу аллегоричность о Золушке и Принце к делу не подошьешь.

— А я не хочу, чтобы вы ее подшивали,—сказала Валюшка, подчеркнув голосом последнее слово.

— Почему?

— Потому что не хочу. Я не могу утверждать: у Леры кто-то был... До замужества... До Астахова... Не могу, потому что не знаю.

— Я, между прочим, вас за язык не тянул.

— Ах, оставьте,—сказала Валюшка.—И позволите вам не верить. Вы, как акула, ходите возле меня по кругу. Вам кажется, что я что-то скрываю, чего-то недоговариваю. Лира решила уволиться, уехать—и вы идете ко мне и требуете от меня объяснений. А мне ничего сказать. Ничего. Но ведь вас такой ответ не удовлетворит. Вам опять будет казаться, что я что-то утаиваю... Лира не явилась на похороны, а объясниться должна я. Она куда-то уехала, и вы опять идете ко мне. Найдите ее в конце концов. Вы же умеете это делать. Или врут романисты и журналисты, когда пишут о ваших подвигах?

Я поднялся с дивана и снял дельфина со стены. Перевернул фотографию. Надпись на обороте не было...

— Романисты не врут,—сказал я Вале.—Но они пишут романы, а мы с вами живем. Романисту в принципе известно, куда идут его герои, книгу жизни пишет сама жизнь. Мы, конечно, найдем Лире. Это в общем-то вопрос времени. Мне показалось, что с вашей помощью поиск можно ускорить. Я ошибся. Бывает и такое. Но, а что касается акулы...

— Я не хотела вас обижать.

— Понимаю,—сказал я.—Мысль об акуле вам внушил дельфин.

— А вам?—спросила она.—Вам он ничего не внушил?

— Служба не позволяет,—сказал я, решив, что Вале совсем не обязательно знать о том, какие мысли владели мной в этот момент. Валин Принц и художавый бронега из Ялты уж очень ловко слились в одно лицо. Золушка нашла Принца, и этим следовало объяснить все ее странные поступки. На первый план снова выступила любовь, а уголовщины будто и не было.

Сказав много, Валюшка, в сущности, не сказала мне ничего... И Сикорский мне ничего не сказал...

Ничего не сказали и десятки других людей, которые тоже что-то говорили, а потом подписывали свои показания, которые садились, вставали, улыбались, морщились, удивлялись, которые злились, что их отрывают от работы по

пустыкам, или, наоборот, отводили душу, перебивали косточки ближним своим. Десятки людей — и пухлая пустота папок на столе у Лаврухина.

Я вышел от Вали, когда часы показывали одиннадцать. Валина мама просила заходить, но голос ее звучал сухо, а глаза смотрели холодно. Я в общем-то понимал ее. А вот с дочкой, как думалось мне, все обстояло сложнее. Мне показалось странным, что за весь вечер Валя не задала мне того вопроса, какой я, будь на ее месте, задал бы обязательно. Я, еще собираясь к Вале, придумал ответ на него, но вопроса не последовало. Валя не спросила, почему мы так упорно занимаемся Лирой Федоровной. Больше того. Она отнеслась с полным пониманием к моему желанию узнать о Лире побольше. Правда, при этом она заметила, что я обращаюсь не по адресу, что о Лире должна рассказать сама Лира. Но сказка о Принце, которого ждут, была выдана мне ведь не за хорошее поведение. Или Валя и в самом деле хотела мне помочь и поэтому поделилась своими сомнениями. Или она знала о Лире что-то такое, что, по ее мнению, мне знать не полагалось, но поскольку я был настойчив и вел себя, как акула, учуявшая мясо, то надо было срочно заткнуть акулю пасть подходящим к случаю суррогатом. Точно так же поступил со мной и Сикорский. Не желая беседовать о Лире, он воспользовался моими (черт бы их побрал!) воспоминаниями о старике Бакуэе и подарил мне историю о княгине Улусовой с ее пропавшей коллекцией.

Я медленно шел по темной улице — Валя жила далеко от центра, в новом районе города, где все еще было вздыблено. И когда, спрятавшись от ветра за штабелем теса, я закурил сигарету, кто-то шедший сзади тоже остановился. Хрустнула щепка, зашуршала, осыпаясь в канаву, земля.

И стало тихо...
После удара по голове я все время ощущал, что жожу рядом с преступником. Убийца Вити Лютикова знал меня, а я его нет. И он был в городе — он не стремился никуда удирать.

Об этом мы говорили с Лаврухиным. Удрав, убийца сразу выдал бы себя, потому что он не был человеком со стороны, каким-то там заезжим гастролером или бывшим уголовником. «Не та компания подобралась», — говорил Лаврухин, постукивая кончиком пальца по стопке папок со свидетельскими показаниями. «Согласен со мной, Зыкин?» Не вписывались в эту компанию «иксы» со стороны, ходил убийца Вити Лютикова среди фигурантов дела, ходил и, быть может, посмеивался. Хотя... Тот же Лаврухин говорил, что убийство Вити больше смахивает на акт отчаяния. В тулке оказался убийца, когда увидел, что я потянулся к альбому.

Я обогнул штабель остро пахнувших смолой досок и замер, прислушиваясь.

Тишина, темь...
Померещилось, что ли? Или стоит сзади меня испуганный ночной прохожий? Валя? Но какой смысл Вале следить за мной? Нет в этом никакого смысла...

Почему меня не убили тогда? Помешал Битя? А потом? «Девка какая-то выбегала», — сказал мужичок-философ. — Спроси ее».

Я ее спрашивал. Она отвечала. Она говорила, что выбрала тропинку покороче, ушла через сад.

А не мог убийца ее пригнать?

Принц... Она жила с Витей, а мечтала о Принце, который вдруг оказался убийцей. А может, не он ее пригнул, а она, увидев его над трупом Вити, испугалась и убежала. И убийца испугался. И это меня спасло.

Но почему же она не закричала?

Потому что Принц? Да нет, не годится. Через неделю убийца позвонил Вале и спросил про альбом. Принцу ни к чему было спрашивать.

А ей ни к чему следить за мной...

Так кто же там стоит — в темноте? Прохожий? Или убийца?

Подманить его не удастся. Он уже понял, что я его почувал.

Если я пойду вперед как ни в чем не бывало, вряд ли он клюнет.

И я пошел назад.

Он тоже пошел назад.

Я побежал.

И он побежал.

Я чувствовал, что эта ночная погоня среди куч строительного мусора, труб и груд кирпича обречена на провал. У него, кроме того, было преимущество знания. Я знал, куда бежит, он знал дорогу. А я бежал вслепую, мне приходилось часто присесть, чтобы увидеть мелькавшую на фоне неба темную фигуру преследуемого, чтобы хоть как-нибудь сориентироваться...

Через пять минут все было кончено — неизвестный исчез.

Я вернулся к дому, в котором жила Валя. Окна квартиры на втором этаже еще светились. Я поднялся на площадку и позвонил. Открыла Валя. На ней был тот же брючный костюм, на ногах красные домашние тапочки.

— Вы? — Голубые глаза смотрели холодно и отчужденно.

— Кажется, я забыл у вас свой блокнот. Коричневая книжечка...

— Вы его не вынимали, — сказала Валя, пристально глядя на меня.

— Спасибо, — сказал я. — Похоже, вы правы, я его не вынимал. Извините.

— Спокойной ночи.

И дверь закрылась.

Продолжение следует.

НОВОЕ ИМЯ

Владимир ДОБИН

Владимир Добин отправляется в поэзии еще только в первый полет. И, естественно, ему порой недостает умения, сноровки — в его стихах есть недостаточно выверенные строки, неточные рифмы. Но зато в них полно молодой фантазии, отваги, веры в силу человека. Молодой поэт готов к дерзкому полету, как герой его стихов, который

...в раскрытое окно
протыскивает крылья.

Заметьте, какая найдена точная и энергичная метафора. Она безошибочно передает и подчеркивает яростную волю — лететь!.. Это уже говорит о склонности и способности молодого автора мыслить поэтически, это говорит о его характере. В его стихах есть сердечная отзывчивость — он слышит и принимает близко к сердцу детский плач, есть совесть — ее он проверяет на отношении к матери. А еще молодой поэт наделен острым зрением, он видит мир ярким, многоцветным. Это тоже говорит в пользу его поэтической природы...

Владимир Добин несколько лет назад окончил Московский педагогический институт, сейчас работает в многотиражной заводской газете, получил заводскую премию (она вручается ежегодно в день рождения В. И. Ленина) за вклад в организацию социалистического соревнования, то есть он близок к жизни, которая подскажет ему новые темы для стихов, задаст новые вопросы и потребует ответа на них.

А умение придет. Но пусть останется в нем жажда высоты, отзывчивость, душевная доброта. Они-то и помогут в поэтическом полете, который только начинается...

Николай СТАРШИНОВ

В. ДОБИН (слева) БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У ТОКАРЯ, УДАРНИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА А. СМЕЛОВА.

Продолжение ✻

Памяти С. Т. Коненкова

Ни свет, ни темь.
Пять утра.
И вот свершилось чудо!
Посылывает детвора,
и тренькает посуду.

Неосторожный воробей
оповестил о лете.

И я поверил ворожке —
в двадцатом-то столетьи!
Да, я поверил,
что с утра
под листья шум и ливень
мне, безусловно, стать пора
свободным и счастливым.
Уже.
Растут.
Скорей к окну.
Последнее усилие...

Сосед в раскрытое окно
протыскивает крылья.

1
Чудо!
Боже мой — из ничего!
Две доски, кусок бревна —
скульптура?

Дерева откроется фактура —
и наступит чужда торжество?

Или, может, дело и не в том —
что в руках и что резцу подвластно:
и фанера станет вдруг прекрасна,
попадая в этот чудный дом.

2
Рука спокойна,
и ничто не выдвст
его боязни перед мокрой глиной.
И в полумгле все чудится ему,
что белый иранор
вдруг вызовет из прошлого кого-то,
кто был таким же честным
и упрямым.

Не завоцали деды мне пути.
Я их не знал — ни прадедов, ни дедов.
Летела птица.
Далеко летела.
Так далеко, чтоб горя не найти.

И дед глядел на солнце, глаз сощури,
не думая о будущем, о нас,
которые за птицею сейчас,
задравши головы, следят среди июля.

Ему, конечно, был не безразличен
усталой птицы дальний перелет:
ночувет где, что ест она и пьет,
кого тревожно в поднебесье кличет.

И все-таки, минуту поглядев,
он принимался за работу снова —
так он привык: умело и толково
исполнить надо каждое из дел.

И я теперь гляжу вслед птенцу,
как зонтик, распырившему крылья:
еще одну последнее усилие —
и подлетит он к нашему крыльцу.

И этот первый длинный перелет
покажется ему неимоверным...

И мы следим за ним, ему поверив,
что наше время лучшее грядет...

Фотографии

Как не похожи фото на людей.
Ну, кто б решился опознать в старухе
актрису, чья талантливые руки
благословляли выросших детей,

когда они военною зимой
шли в ополченье, не окончив курса?

Теперь она обычная бабуся,
спешащая с авоською домой.

А эта пышнотелая мадам,
что за прилавком так монументальна?

Ужели это дистрофичка Танька,
серьезная совсем не по годам?

Неблагодарный труд — листать альбом:
ныне стали родственники ныне,
что выжили...
Семейные святые —
те, что остались в поле фронтовом.

— Я не могу: увижу и заплачу,
твердит актриса, мокрых глаз не пряча
не вытирая красных глаз платком.

Да, я боюсь аллей пустынных,
когда накрапывает дождь
и солнце матовое стынет
так далеко, что не дойдешь.

Боюсь песочник опустевших,
без крика детского дворов
и рано постаревших женщин,
не услышавших нежных слов.

Но во сто крат боюсь однажды
вдвинуть рыдающий звонок
и отвернуться, не дождаввшись
за дверью выкрика:

— Сынок!

...И над могилой в свете багровом
гроздят калитки — капельки крови.

Ворон не выклюет капельки эти.
Не разбросает мартовский ветер.
Снег на вершине белый не тает.
Слов не хватает...
...Слез не хватает...

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Андрей ДЕМЕТЬЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Композитор Евгений Мартынов сегодня известен многим любителям эстрадной музыки. И популярность его растет с каждым днем. Хотя Евгению всего 27 лет, он написал уже немало песен, полюбившихся молодежи. Некоторые из них стали лауреатами международных и всесоюзных конкурсов.

Мне хочется вспомнить, как все это начиналось, как Евгений Мартынов шел к успеху, какие трудности встретили его, что помогло ему в жизни и творчестве.

С самого раннего детства в жизнь Евгения вошла песня. По праздникам вместе с гостями пела вся семья. Укладывая сына спать, Нина Трофимовна напевала ему колыбельные. Мальчик слушал по радио песни, арии из опер, романсы, а потом подбирал на кларнете запомнившуюся мелодию. Поэтому по окончании школы для него не существовало проблемы, куда пойти учиться дальше. Он поступил в Артемовское музыкальное училище по классу кларнета. Окончил его и сдал экзамены в Киевскую консерваторию. Женя и тогда уже увлекался эстрадой, но сам петь не пробовал. Да и вообще не думал, что когда-нибудь станет популярным исполнителем собственных песен...

Позже он перевелся в Донецкий музыкально-

нию, не выучить партию, заданную на воскресенье. Наоборот, всегда делал больше, чем требовалось по программе. Однако нужно было думать и о хлебе насущном. В Донецке ему предложили стать руководителем ансамбля, который играл в ресторане. Женя рассказывает об этих днях с легким юмором и некоторой грустью. Времени на учебу оставалось меньше, но зато он каждый вечер мог исполнять любимые песни, импровизировать на кларнете или фортепьяно...

Теперь, когда я расспрашиваю его о студенческих годах, он вспоминает прежде всего людей, у которых учился, кто отдавал ему свои знания, опыт, кому он обязан первыми успехами. С чего началось его увлечение композицией? Евгений Мартынов отвечает на этот вопрос так:

— Однажды утром во мне вдруг проснулась какая-то неясная, но очень понравившаяся мне мелодия. Я стал напевать ее, а потом записал на клочке бумаги. Я не расставался с этой мелодией весь день, а когда пришел на занятия в училище, напел ее своему преподавателю Борису Петровичу Ландарю. Он усадил меня за рояль и попросил несколько раз проиграть мелодию. Целый час Борис Петрович разбирал это сочинение, объясняя ошибки и промахи. Тогда мне было очень обидно, конечно. Но я быстро понял, что сочинение музыки — это не одно лишь упоение пришедшей вдруг мелодией, а долгий, порой мучительный поиск музыкального образа во всей его гармонической сложности. Добиться же успеха можно только при напряженной систематической работе.

Мелодии стали посещать меня все чаще и чаще. Я еще боялся поверить в их постоянство, но уже ясно почувствовал, что музыка зазвучала в моем сердце. Своя. Пусть порой неясная и несовершенная...

Евгений Мартынов с отличием закончил оба факультета, и ему предложили продолжить учебу в аспирантуре, но он не захотел. Он мечтал только об одном — создавать музыку.

Вскоре была написана первая песня, которую запели, — «У песни есть имя и отчество», на слова М. Лисянского. Евгений показал ее Майе Кристалинской, гастролировавшей тогда на Украине. Песня понравилась певице, и она стала исполнять ее в концертах. Успех окрылил Мартынова: шутка сказать, известная исполнительница поет твою песню! А тебе всего-то чуть за двадцать...

Я никогда не забуду первую встречу с Женей Мартыновым, когда он принес мне песню «Баллада о матери», написанную на мои стихи. Песня взволновала меня, и я спросил Женю, почему он решил написать ее именно на мои слова.

— Мне помог мой бывший педагог Вячеслав Валентинович Паржицкий, — сказал Женя. — Он увидел в одном из журналов стихи о матери и почувствовал в них мелодию. «Вот бы, — говорит, — тебе написать на них песню...»

Вместе с мамой мы пересмотрели множество журнальных подшивков, прежде чем отыскали эти стихи. Они оказались именно такими, какие были мне необходимы...

Евгения приняли солистом в Росконцерт, и всюду, где бы он ни исполнял «Балладу о матери» (ее называют еще «Алешенька»), зал взрывался овациями. Потом ее запели многие. А на всесоюзном

у меня дома. Как правило, вначале рождалась мелодия, потом появлялись стихи. Нередко приходилось переписывать текст, менять тему и так далее. Несколько песен мы написали втроем: Мартынов, Усманов и я. Лучшие из них записаны на пластинки, они живут среди молодежи. Это «Зовет земля», «Трубка мира», «Ты приносишь мне рассвет» и другие.

Но главные успехи Мартынова были впереди. Однажды он проиграл мне очень красивую мелодию. Я почувствовал в ней чью-то трагедию. Мне захотелось проникнуть в сокровенный смысл мелодии. Мы начали работать. Потом, когда «Лебединая верность» стала лауреатом конкурса «Песня-75», Евгения пригласили в Сопот на международный фестиваль, где советские певцы Раиса Мкртчян, Яак Иола и Людмила Сенчина исполняли три его песни. Небывалый случай на столь представительном и популярном конкурсе! Раиса Мкртчян исполнила «Лебединую верность» и завоевала третью премию.

Сейчас Евгений Мартынов написал несколько новых песен в содружестве с поэтами С. Островым, В. Харитоновым, И. Кохановским, В. Лазаревым, М. Плячковским, А. Пьяновым. Многие из них войдут в его пластинку-«гигант», над которой Мартынов уже работает.

...Я часто думаю о том, чем объяснить столь быстрый и устойчивый успех молодого композитора и у искусственных музыкантов и у любителей. Конечно же, талантом в первую очередь. Но сыграла свою роль и тематика его песен, их молодежная тональность и удивительная искренность.

Есть и еще один момент, о котором следует сказать. В период засилья вокально-инструментальных ансамблей, когда с эстрады, по радио, с пластинок неслись усиленные аппаратурой ультрасовременные мелодии, зачастую очень похожие друг на друга, вдруг зазвучали простые, мелодичные песни. Звук в них не форсируется, а естественно и просто доходит до самого сердца. Эти песни были услышаны. По ним соскучились. Их ждали. Это вовсе не значит, что до Мартынова не было прекрасных песен, искренних, душевных, ярких. Были и есть. А. Пахмутова, М. Таривердиев, М. Фрадкин, О. Фельцман, Н. Богословский и многие другие, у кого учился и учится Мартынов, вписали в историю песенного искусства много великолепных страниц. Но хороших песен, как бы много их ни было, всегда не хватает, ибо слишком большой спрос на них у молодежи. А Мартынов тонко чувствует настроение молодых, их вкус, их привязанности и всегда точно знает, для кого сочиняет музыку.

Я много раз видел, как Евгений работает. Никто и ничто не сможет оторвать его от инструмента, если пришла мелодия. Вернее, еще не мелодия, а ее предчувствие. Тогда он может часами проигрывать различные варианты, прислушиваться к звучанию музыки, которую, кроме него, пока еще никто не слышит. Работоспособность Мартынова поразительна. Вероятно, и этим тоже определяется одаренность человека. Истинно талантливые люди очень трудолюбивы. Им доставляет наслаждение сам процесс поиска точной фразы, выразительной ноты, поэтому они не могут не быть одержимыми. Таков и Евгений Мартынов. И еще. Евгений очень требователен к себе. Он только тогда показывает новую песню, когда сам абсолютно уверен в ней. Если Мартынову делает

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

педагогический институт, где, продолжая совершенствоваться в игре на кларнете, стал заниматься оперно-симфоническим дирижированием. И еще посещал занятия по классу композиции, ибо уже в то время начал понемногу сочинять, пользуясь постоянными консультациями своего педагога Евгения Васильевича Сурженко.

Жить Жене приходилось на стипендию. Родители — инвалиды Великой Отечественной войны — не могли оказывать ему большую помощь, потому что на руках у них был еще один сын. Но они очень хотели дать Жене высшее музыкальное образование, ибо видели его тягу к музыке, интуитивно чувствовали одаренность сына.

С юных лет Женю отличала целеустремленность. Все, что касалось музыки, было для него священо. Он не мог пропустить занятия, не дослушать симфо-

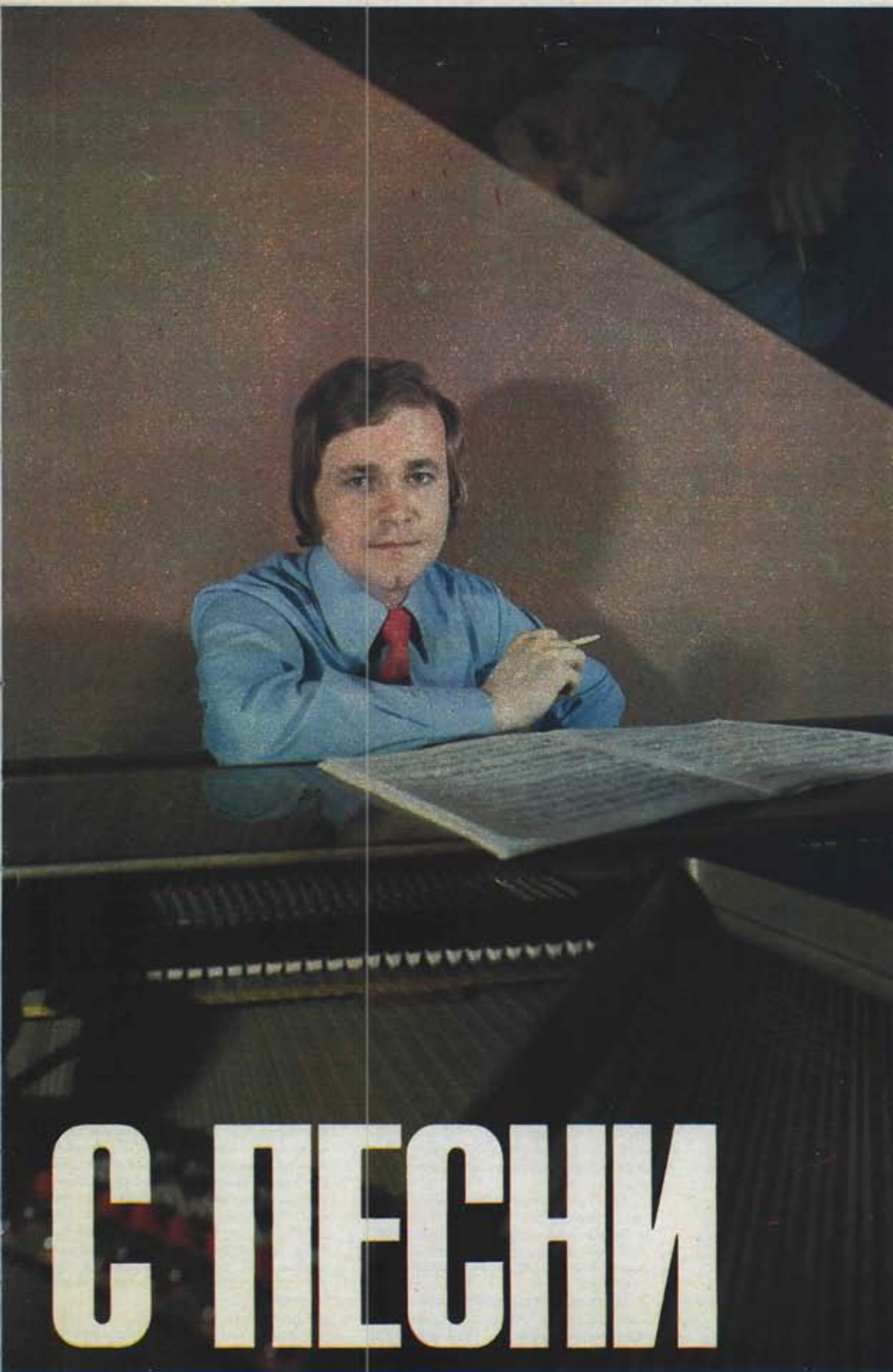
телевизионном конкурсе «Песня-74» «Балладу» спела София Ротару, и песня стала лауреатом.

Сейчас Евгений Мартынов принимает участие в популярный телередачках, его песни включили в свой репертуар видные советские и зарубежные певцы. На концерты молодого музыканта трудно попасть, пластинки с записями его песен идут нарасхват, а на афишах к фамилии композитора и певца Евгения Мартынова добавилось звание лауреата Международного конкурса в Братиславе, которое он получил за песню «Яблони в цвету», написанную в содружестве с И. Резником.

Когда приходит слава, все кажется простым. Вроде бы так и должно быть. Но я вспоминаю, каких трудов стоила Мартынову каждая песня, сколько бессонных ночей провел он за нотным листом, прежде чем счастливо улыбнуться... Некоторые песни мы писали

замечание кто-то из опытных композиторов, он реагирует на это со всей серьезностью и непременно возвращается к нотам, чтобы поискать, подумать, поправить. Помню, как на худсовете фирмы «Мелодия» Борис Михайлович Терентьев и Никита Владимирович Богословский обратили внимание Евгения на одно место, по их мнению, мелодически недостаточное яркое. И уже на другой день Мартынов показал более интересный мелодический ход. И так всегда. А. Пахмутова, О. Фельцман, М. Фрадкин, Ю. Саульский — все доброжелательно и активно помогают молодому композитору. Большое участие в его творческой судьбе принял М. Таривердиев.

Евгения Мартынова нередко приглашают в качестве почетного гостя на различные конкурсы. Этой зимой мы были с ним в моем родном городе Калинин, где проходил фестиваль молодежной песни. Евгения

С ПЕСНЯМИ

попросили быть председателем жюри. Недавний участник подобных конкурсов, он хорошо понимает их значение для самостоятельных певцов и музыкантов. По просьбе молодежи Мартынов сам пел свои песни. Надо было видеть, с каким успехом проходило его выступление... Евгений сумел в своих песнях выразить настроения и чувства молодых, их отношение к жизни, к будущему.

Творчество Мартынова сегодня знают не только у нас, но и за рубежом. Известные певцы Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии включают в репертуар его песни. Карел Готт, Рена Рольска, Мики Евремович, Анна Герман, Доника Венкова, Джорджи Марьянович и многие другие популярные за рубежом и у нас артисты поют мартыновские песни.

Евгений Мартынов много ездит по стране. В одной из поездок родилась песня о молодых строителях

«Если сердцем молод», которую теперь поют на БАМе, на тюменских трассах, на КамАЗе — всюду, где комсомольцы воздвигают города, строят железные дороги, добывают нефть. Эту песню пела молодежь в Берлине на Всемирном фестивале, где Евгений был председателем музыкального салона советской делегации. Вместе со своим другом молодым композитором Олегом Ивановым Мартынов много сделал для того, чтобы донести до участников фестиваля лучшие советские мелодии, в каждой из которых частица песенной души нашего народа.

Евгений Мартынов не из тех, кто стоит на месте, удовлетворившись достигнутым. Популярность — вещь капризная и преходящая. Примеров тому много. Стойкий, заслуженный успех может принести только постоянный, кропотливый труд. Евгений Мартынов это понимает.

Игорь ХАЛУПСКИЙ

Вопросы ставим с нетерпением
и ждем ответов,
но таких,
какие б стали подтверждением
ответов собственных, своих.
Нам так приятно,
так удобно,
нам просто лестно, черт возьми,
что кто-то думает подобно
тому, как размышляем мы.

Мы от восторга чуть не пляшем!
Но, боже, меркнет белый свет,
когда случается, что с нашим
чужой не сходится ответ.

Гремят слова,
бушуют страсти
неистовее бурь и гроз...
Какое все же это счастье,
что существует несогласье
с моим ответом на вопрос.

...И, может быть, спасенье наше в том,
что в час, когда больной, иссиня-бледный,
широким, задыхающимся ртом
хрипяще ловит воздух свой последний,—

с небес ночных не рушится звезда,
и руки не заламывает ива,
и на седой речной песок вода
накатывается так неторопливо.

Природа недоступна в этот час
сердцам,
глазам, исполненным укора,
как будто понимает, что для нас
сейчас ее бесстрашие — опора.

И дорожа всем сущим, всем живым,
она вольна во имя дней грядущих
перемогать спокойствием своим
опасное отчаянье живущих.

Было просторно, легко и свежо.
Гроздь сирени лилово кипели.
День разгорался, но птицы не пели —
было им слишком еще хорошо.

На освещенной лучами земле
влажно темнели округлые пятна,
словно здесь небо гостило при мгле,
а на рассвете вернулось обратно.

Сверху глядело оно, как я шел
бодро —
усталость куда подевалась!
День разгорался.
Строка не давалась —
было мне слишком еще хорошо...

г. Ростов-на-Дону

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

— В Фалькатрофе украдено пять статуй, в Максштаде — четыре, Нидервисе — две, Лакруа — шесть. Тридцать девять ценнейших произведений искусства исчезло за последний год. И это лишь в одном департаменте Франции. Представьте, какая картина будет в масштабе страны!..

Так отвечал на вопросы корреспондента журнала «Пари-матч» префект Лотарингии. Речь шла об исчезновении из французских церквей картин и статуй XIII—XIV веков, представляющих не только большую ценность, но и национальное достояние: они принадлежали кисти и резцу известных мастеров.

Подобное расследование, проведенное в Лотарингии, выявило следующие факты. Сплошь и рядом эти произведения искусства продавали иностранным туристам (главным образом американским) лица, призванные печется об их сохранности: мэры маленьких городков и священники. Так, настоятель монастыря в Туле продал за бесценок целый грузовик деревянных скульптур!

— Мы вскрыли целую организацию, занимавшуюся контрабандной продажей произведений искусства, — сказал префект.

Глава этой организации, бельгиец ван ден Берге, объезжал маленькие церкви во Франции, фотографировал вещи, представлявшие, по его мнению, интерес, а затем высылал фотографии «заинтересованным лицам» — в США, Аргентину, Бразилию и даже в Японию. Когда клиент делал заказ, ван ден Берге пересекал границу и увозил скульптуру — иногда с согласия местных властей, а чаще просто выкрадывая ее ночью. Когда наконец ван ден Берге был пойман с поличным, то оказалось, что он похитил произведения искусства на сумму 50 миллионов франков.

— Ничего удивительного, — комментирует префект. — За последние 15 лет стоимость антиквариата на мировом рынке повысилась на две с половиной тысячи процентов. Так что охотников вложить деньги столь прибыльным способом хоть отбавляй. Между тем охрана памятников старины у нас организована из рук вон плохо. Не существует даже каталога имеющихся ценностей, и в случае ареста бывает трудно доказать, что скульптура или картина украдена.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

ПЛАЧЕВНЫЕ ИТОГИ

Экономический кризис, охвативший капиталистический мир, приобретает в Израиле в связи с проводимой им милитаристской политикой особенно значительные размеры. Израильская экономика функционирует в огромной мере благодаря иностранной помощи. Дефицит платежного баланса в минувшем году составил 3,7 миллиарда долларов. В первые недели нового года он увеличился еще на 300 миллионов долларов.

Официальный курс израильского фунта упал за последние месяцы с 24 до 14 центов, а ведь на мировых рынках стоимость израильской валюты и так на тридцать процентов ниже официального курса. Дороговизна в самом Израиле неуклонно растет, и, хотя граждане этого государства уже платят самые высокие в мире налоги, правительство готовит — об этом свидетельствуют выступления премьера И. Рабина — новые меры по сокращению их доходов.

Экономическому кризису сопутствует невиданное в истории страны забастовочное движение: в последние месяцы прошли забастовки учителей, докеров,

транспортных рабочих, части технического персонала авиакомпании Эл-Ал, трудящихся, занятых в военной промышленности. Все они требовали прежде всего повышения заработной платы, чтобы хоть в какой-то мере компенсировать рост стоимости жизни.

Социально-экономический кризис обуславливает дальнейший рост числа израильтян, пресытившихся сионистским «раем». В 1974 году страну покинуло вдвое больше эмигрантов, чем в предыдущем. По предварительным данным, число лиц, покинувших Израиль в 1975 году, еще более возросло.

«ЖЕН АФРИК», ТУНИС

ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ

Людей этой профессии называют «каскадерами»; слово пришло из цирка, где оно обозначало исполнителей каскадных номеров. Но термин перешел в кино, и теперь так именуют дублеров, подменяющих артистов в рискованных сценах.

Еще их называют «людьми без лиц»: публика в зале кинотеатров с замиранием сердца следит за их опаснейшими трюками, но знает каскадеров лишь в профессиональной среде.

Правда, сейчас положение меняется. Сейчас безвестные рядовые кинематографа, рискующие своей жизнью ради чужой славы, нередко становятся героями журнальных очерков. Их изображают в качестве «символов мужества и отваги» и пишут, что они «сумели превратить свою жизнь в сплошное приключение».

Так ли это?

Спору нет, ремесло каскадера требует незаурядного мастерства и выдержки. Он должен уметь переворачиваться в автомобилях, прыгать на ходу с мотоциклов, падать с высоких лестниц, срывать с водосточных труб, «ловить» удары в сценах драк... Многие обязаны уметь каскадеры, тем более что сплошь и рядом продюсеры и режиссеры стремятся подкрепить беспо-

мощность сценариев гангстерских и ковбойских фильмов головокружительными трюками.

Среди знаменитостей этой профессии чаще всего называют американцев Кэнота и Салливана. Кэнот дублировал знаменитого Джона Уэйна в фильме Джона Форда «Дорога на Запад». Там он перескакивал с дилижанса на лошадь, сползал ей под брюхо, висел там некоторое время, а потом падал под несущийся дилижанс. Все это требовалось проделать дважды.

Салливан несколько месяцев тренировался перед съемками кинооперы «Викинги», после чего осуществил головокружительный номер: он с разбега прыгал в шестиметровый ров, в прыжке вонзал в подвешенный мост две секеры и повисал на них.

Вспоминают и француза Жилья Деламара, который 121 раз переворачивался в машине, 200 раз падал с лошади, 700 раз «выпадал» из самолета. Но сломал он шею на банальном трюке, когда лопнул привязной ремень, и его выбросило из открытой машины. Фильм, за который он заплатил жизнью, успеха у зрителей не имел...

Один из странных парадоксов этой профессии в том, что роковой случай происходит именно в несложных номерах. Знаменитый

ГОЛОДНЫЕ ОБМОРОКИ ДЕТЕЙ

В Чили учащаются случаи, когда дети на уроках в школе падают в голодный обморок. Лишь треть всех чилийских детей получает в учебных заведениях горячий обед, обычно состоящий из бобов и рыбы. В поселках на окраинах крупных городов, где обитают беднейшие слои населения и где занятия часто проводятся не в школах, а в отслуживших свой век омнибусах, не существует вообще никакого школьного питания.

Хроническое недоедание детей рабочих в таких поселках является причиной заболеваний мозга, повышенной детской смертности, различного рода нервных расстройств, повреждений мышц и нарушений рефлекторной деятельности. Так клика Пиночета «заботится» о будущем Чили.

«БОЭМИА», КУБА

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

воздушный акробат из Голливуда Поль Манц, умевший сажать свой «пайпер» на крохотной площадке среди скал или даже на крышу дома, разбился на ровном месте в пустыне, где ему ничто не мешало. Был Уильямс, специалист по падениям, погиб, неудачно спрыгнув... с осла, неспешно трусившего по горной дороге.

Феноменальный трюк, который вы видите на этом кадре, осуществили недавно в Мексике американцы Роберт Шоу и Джеймс Джонс вместе с французской Женевьевой Бюжо. В Акапулько снималась комедия из старинной жизни под названием «Петух-насмешник». По ходу действия повозка героев, набирая скорость, подкатывала к обрыву и падала в море с 35-метровой высоты. В воздухе она разваливалась на части, а люди летели в воду. Конечно, на каскадерах были надеты под одеждой спасательные жилеты, повозка на всякий случай подпилена. Но риск все равно оставался большой. Страховая фирма отказалась нести ответственность за этот кадр. И дублеры снимались, что называется, на собственный страх и риск.

Все прошло благополучно. Продюсер доволен — у публики не раз вырвется «ах»...

«МАНШЕТИ», БРАЗИЛИЯ

Бывает ли такое? Да, бывает.

Джею Армесу 42 года, и у него нет обеих рук. Это не мешает ему успешно решать самые запутанные проблемы. Для передвижения он пользуется собственным вертолетом, которым сам и управляет. И вообще его врасплох не застанешь: Армес является обладателем черного пояса каратэ, а в одном из протезов вмонтирован пистолет.

Среди клиентов безрукого детектива много политиков, артистов, бизнесменов. Что их привлекает в нем? Ответ дать несложно: весьма высокий процент раскрываемых дел. «Я не особенно много думаю о своем физическом недостатке», — говорит Армес. — «Ведь не подлежит сомнению, что границы возможностей людей ставятся ими самими».

Подобные убеждения сложились у него еще с 12-летнего возраста, когда в результате неосторожной манипуляции со случайно найден-

БЫВАЕТ ЛИ ТАКОЕ?

ным динамитным зарядом ему взрывом оторвало обе руки. Врачи заявили, что минимум полгода он должен будет провести в больнице. Но, фанатично уверовав в разработанный им самим метод, мальчик тренировался с таким желанием и настойчивостью, что покинул больницу уже через 22 дня. Вернувшись осенью в школу, он, пользуясь протезами, уже умел писать. Активные занятия спортом помогли ему добиться успехов в легкой атлетике, футболе и бейсболе. После окончания школы он принял решение стать врачом, но медицинская комиссия не пропустила его. Тогда он переключился на криминалистику и психологию, закончив курс этих наук в Калифорнийском университете.

В 1960 году Джей Армес вернулся в родной город Эль-Пасо и открыл небольшое детективное бюро. Вскоре его имя получило всеобщее признание, и от клиентов не стало

отбоя. Среди наиболее громких его дел — возвращение похищенного сына артиста Марлона Брандо и успешное нахождение суммы в шесть миллионов долларов, уплаченной в качестве выкупа за директора «Мидуэй банк». Джей Армес приобрел себе много друзей и, увы, много врагов. Ранчо в Эль-Пасо, где он живет с женой и тремя детьми, охраняется одиннадцатью сторожевыми собаками, а через металлическую ограду пропущен электрический ток. «К сожалению, все эти меры совершенно оправданы», — говорит безрукий детектив. — «На мою жизнь было совершено уже десять покушений, а всего лишь месяц назад мне прострелили шину, когда я вел автомобиль со скоростью 160 километров в час. Вообще же моя профессия сопряжена с очень большим риском. Но что такое жизнь, как не непрерывно обновляющийся риск?»

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ОТЕЛЬ ДЛЯ... КОМНАТНЫХ РАСТЕНИЙ

В ФРГ создан отель для ... комнатных растений.

Макс Фельнер из Мюнхена рассказывает: «У некоторых людей есть хорошие соседи, которые следят и ухаживают за их комнатными растениями в те дни, когда эти люди уезжают в отпуск или по делам

службы. Но часто случаются и такие ситуации, когда человека, вернувшегося домой, встречает мертвый лес. Замена, пересадка, разведение и покупка новых растений могут быть весьма дорогим удовольствием».

И вот, поразмыслив над всем этим, Макс Фельнер создал отель, рассчитанный на две тысячи комнатных растений. Плата за «постель» и «питание» составляет в пересчете на английские деньги шесть пенсов в день за растение. Расходы сокращаются до трех с половиной пенсов, если сдастся не менее десятка ра-

стений. Кроме того, дается скидка на двадцать пять процентов, если «постоялец» пользуется этой необычной гостиницей не менее двадцати суток.

Растения собираются в отель на фургоне, который объезжает всех, кто заинтересован в услугах Фельнера. Хозяин гарантирует, что растения будут иметь оптимальный режим света, тепла и влажности. Кроме того, отель обязан оплатить приглашение специалиста, если какое-то растение заболеет.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ПО ПРИМЕРУ ГРАФА МОНТЕ-КРИСТО

Каскадер Терри Халард решил удостовериться, возможен ли «полет со стен замка Иф, который принес свободу Эдмону Дантесу — герою известного романа Дюма «Граф Монте-Кристо». Дантесу, как известно, удалось бежать из тюрьмы, заняв место умершего заключенного. Мог ли побег, придуманный французским писателем, совершиться в действительности?

Холодным декабрьским днем смелого бельгийца, решившего проверить идею писателя, сбросили в море со стен замка Иф, высота которых 40 метров. Без сомнения, в эти мгновения каскадер вспомнил, что тюремные могильщики в романе сомневались, удачно ли выбрано место для «погребения»: предыдущий покойник разбился на скалах. Завершив полет в воздухе, мешок с телом каскадера с шумом вошел в воду... менее чем в метре от острых скал. Через несколько мгновений Халард, ударами ножа освободившись от мешка-савана, появился на поверхности моря.

Дюма был прав: Дантес, ставший впоследствии графом Монте-Кристо, мог бежать из замка Иф.

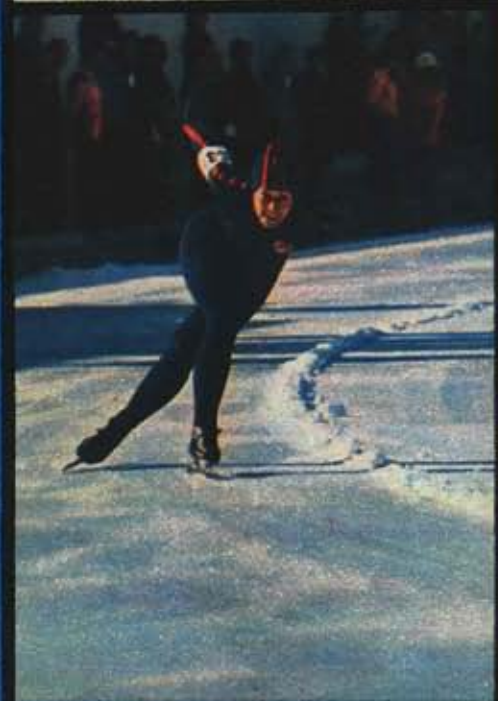
«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ПОЛИТИКА ? НЕСЪЕДОБНА!

Хозяин фермы в Рюстенбурге (Южная Африка) считает, что газеты его страны весьма хороши. Для коров. Двухлетняя Дейзи (которую вы видите на фото) и ее сестры по стаду ежедневно получают солидную порцию печатного слова. Дело в том, что, как установили биологи, в газетной бумаге содержится клетчатка, очень полезная для организма животных. Владелец Херман Макалис доволен своей инициативой. Он заявил корреспондентам, что коровы начинают, как правило, со страниц спортивных новостей и культурной хроники. «Политические обзоры идут куда хуже», — добавил он. — «Прошу учесть».

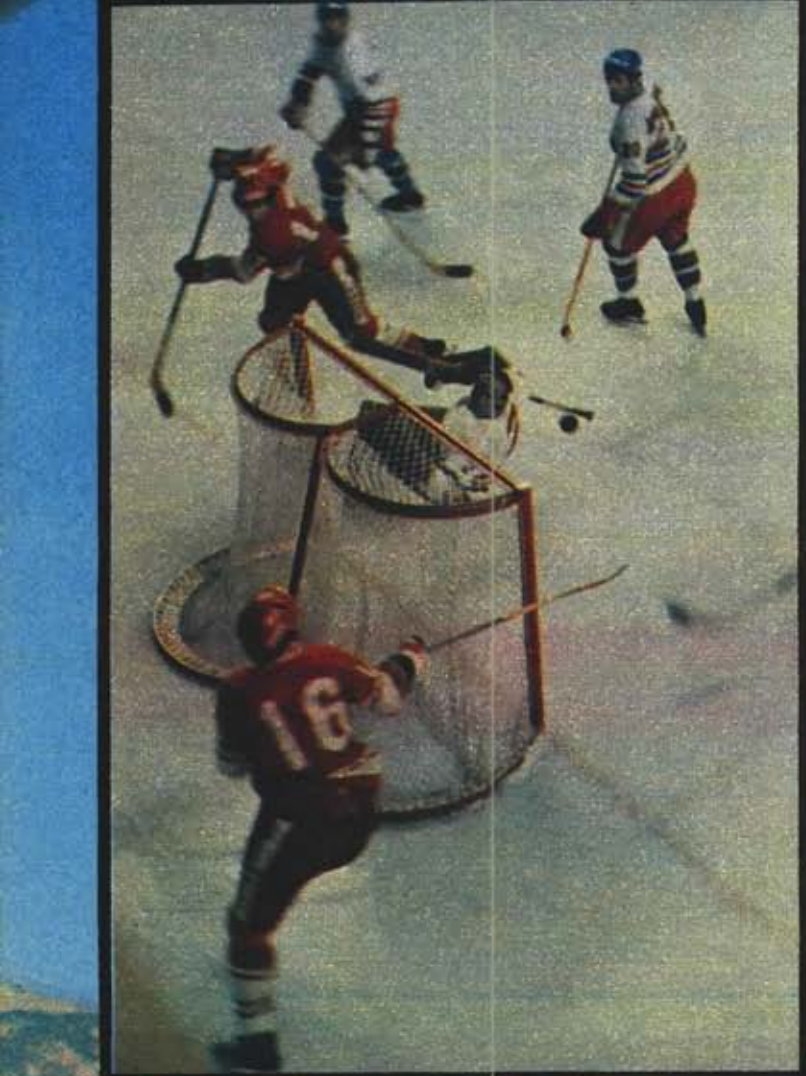
«АФРИКАНЕР», ЮАР

Олег СПАСКИЙ,
специальный корреспондент «Смены»

ОЛИМПИЙСКИЕ СКОРОСТИ

фото Анатолий Бурлакин

С

тадион ахнул.
Диктор объявил, что Моника Хольцнер (более известная по своей девичьей фамилии Пфлюг) установила новый олимпийский рекорд. Стартуя в первой паре, она пробежала тысячу метров за одну минуту двадцать девять и пятьдесят четыре сотых секунды.

На лед вышла вторая пара. И снова обе спортсменки — и Кэти Пристнер из Канады и Макико Нагайя из Японии — превысили прежний олимпийский рекорд, установленный, кстати, той же Моникой Пфлюг четыре года назад в Саппоро.

На трибунах дружно аплодировали спортсменкам, подсчитывая, сколько конькобежек превзошли высшее олимпийское достижение.

Но и сегодняшний результат олимпийской чемпионки 1972 года тоже улучшали одна спортсменка за другой. Моника обошли и канадка Сильвия Бурка, и американки Шила Янг и Лиа Полос, и, наконец, Татьяна Аверина, которой и досталась золотая медаль.

Скорости Олимпиады — удачное и впечатляющее отражение изменений, происходящих в современном спорте.

Скорости Олимпиады — зеркало прогресса, технической революции, не обделившей своей щедростью и спорт. Преображающей спорт. И сегодняшний. И будущий.

Скорости Олимпиады — ориентиры, вскрывающие возможности человека. Мерки, критерии, по которым выверяют свой путь в спорте миллионы лыжников, конькобежцев, пока только мечтающих об олимпийских стартах.

То, что было вчера под силу лишь чемпионам, лишь самым быстрым, сильным, искусным, сегодня покоряется десяткам, а завтра станет доступным тысячам спортсменов.

Результат в беге на тысячу метров, который четыре года назад, на предыдущих, XI Бельх играх принес спортсменке высшую награду, седьмого февраля в Инсбруке на XII Зимних Олимпийских играх смогли улучшить сразу девять спортсменов, представляющих Европу, Америку и Азию.

В Лейк-Плзиде в 1980-м так, как в Саппоро, наверняка пробежит большинство участников будущих состязаний конькобежцев.

Спорт не стоит на месте.

Спорт стремительно прогрессирует.

И несомненно, самой впечатляющей демонстрацией невероятного прогресса сегодняшнего спорта стали забеги женщин на три тысячи метров. Двадцать шесть спортсменок бежали в это утро семь с половиной кругов по ледяному овалу «Айс штациона», и двенадцать, повторяю, двенадцать(!) превысили прежний олимпийский рекорд, установленный в Саппоро знаменитой нидерландской чемпионкой Стин Баас-Кайзер.

Но ведь лед Инсбрука не слывется своими быстрыми секундами. Это не высокогорные дорожки Медео или Инцеля. У Инсбрука никогда не было репутации «фабрики рекордов» — если не ошибаюсь, здесь конькобежцы не превысили ни одного мирового достижения.

Ниспровержение прежних высших олимпийских показателей в Инсбруке объясняется иным — более прогрессивными путями подготовки спортсменов мирового класса Новой, более совершенной методикой тренировок. Не одного или двух конькобежцев — десятков мастеров, представляющих разные страны и разные школы бега. Именно потому так возросла конкуренция. Именно потому лишь сотые доли секунды отделяли одного призера от другого.

Три тысячи метров — женский марафон. Три километра — самая длинная дистанция, но третьего призера — норвежку Лизбет Корсму — отделяет от обладательницы серебряной медали Андреа Мичерлих из ГДР только одна сотая, а от олимпийской чемпионки Татьяны Авериной — пять сотых секунды.

Не могу себе представить это мгновение — сотую долю секунды.

Чтобы сделать миг осязуемым, зримым, мы пытались с помощью карманной электронно-вычислительной машины превратить время в пространство. Получалось чуть более десяти сантиметров. Именно столько на трехкилометровой дистанции проиграла одна спортсменка, поднимаясь на пьедестал почета, другой.

Спорт не стоит на месте.
Спорт стремительно прогрессирует.
В соревнованиях конькобежцев, где мировые и олимпийские достижения фиксируются с точностью до сотых долей секунды, этот прогресс более заметен, чем, скажем, в фигурном катании или хоккее, поскольку здесь существуют объективные показатели, в истинности которых усомниться невозможно. Электронные секундомеры свидетельствуют о массовом наступлении на рекорды, по поводу которых не только журналисты, склонные к преувеличениям, но и сами спортсмены вчера восторженно восклицали: «Невероятно! Фантастично!»

Но столь же несомнен прогресс и в тех спортивных дисциплинах, где нет секунд или метров. В хоккее, например. Вчера разнообразными приемами силовой борьбы в совершенстве владели в любительском хоккее только Николай Сологубов да швед Рональд Стольд. Сегодня эти приемы в арсенале всех, повторяю, всех защитников, выступавших на льду «Айс штациона» в олимпийском Инсбруке.

Скорости Олимпиады — это скорости горнолыжников, покоряющих трассы Аксамер-Лицума и Панчеркофеля, скорости саночников и бобслеистов, с грохотом проносившихся по ледяному желобу в Игльсе. Это, наконец, доли секунды, которых не хватало для победы даже таким «тихоходам», как лыжники и биатлонисты.

Программа Олимпийских игр разнообразна, определить, выбрать самое главное и интересное порой было решительно невозможно, и потому рассказать обо всем, что происходило в Инсбруке с 4 по 15 февраля, задача непростая.

Рассказать только о чемпионах?

И в самом деле, наши олимпийцы выступили превосходно, они завоевали, напомним, тринадцать золотых медалей — никогда прежде спортсмены одной страны не выигрывали на Зимних играх так много наград высшей пробы.

Но тринадцать золотых медалей — это тридцать пять олимпийских чемпионов: хоккеисты, лыжники, биатлонисты, конькобежцы, фигуристы. Тридцать пять характеров. Тридцать пять судеб. Тридцать пять — и каждый навечно занесен в историю спорта. К званию олимпийского чемпиона никогда не прибавляется приставка «экс». И спустя десятилетия историки спорта, любители спорта не назовут Татьяну Аверину, Раису Сметанину, Валерию Харламову, Николаю Бажукова экс-чемпионами. «Звезды» Инсбрука навсегда останутся в памяти поклонников как олимпийские чемпионы. Олимпийские чемпионы 1976 года.

Я предлагаю читателям только одну тему — скорости Олимпиады. В ней, в этой теме сконцентрирована вся спортивная сторона Бельх игр. Скорости — это ключ к пониманию сути олимпийских баталий Инсбрука.

Скорости Олимпиады позволяют рассказать и о прогрессе современного спорта, и о том, какой титанический труд спортсменов, тренеров, ученых стоит за этим прогрессом.

...На трибуне «Айс штациона» вместе с нами в ложе прессы сидела милая, скромная женщина. Сегодня ее, увы, узнавали не все. Для многих она — уже история. Блистательная, яркая, но история.

Двенадцать лет прошло после IX Бельх игр. Двенадцать лет назад здесь же, на этом стадионе, поразила спортивный мир своими фантастическими достижениями Лидия Скобликова, выигравшая все, что можно было выиграть. Тогда, двенадцать лет назад, Лидия завоевала четыре золотые медали, став первой на всех четырех дистанциях состязаний конькобежек.

Конечно же, сегодня секунды олимпийской чемпионки 1964 года не поражают воображение. Сегодня легендарная чемпионка с показанными тогда результатами не смогла бы выиграть ни одной медали. Не только золотой, но и бронзовой.

Другое время — другие скорости.

Лидия Павловна размышляет

— Можно ли сегодня выиграть все дистанции? А почему бы и нет? В наше время это тоже казалось маловероятным. В общем-то разделение конькобежцев на спринтеров и стайеров сложилось издавна. И в команде

второй половины пятидесятых годов были чистые спринтеры — Евгений Гришин и Юрий Михайлов, например. Они и разделили однажды, на Играх в Кортина д'Ампеццо, первое место на «полуторке». Но я не убеждена, что специализированная подготовка — единственный путь к олимпийским медалям. Многоборье никогда никому не вредило.

Конечно, время диктует иные скорости, прежние рекорды сейчас сокращаются дружными усилиями целых групп спортсменов. Так получилось, например, в беге женщин на три километра. Но и сегодня есть немало мастеров, выступающих превосходяще на всех дистанциях. Примеры подыскать нетрудно. Наша Татьяна Аверина получила медали на всех четырех дистанциях, причем на двух — золотые. А Шила Янг? И она в трех случаях поднималась на пьедестал почета.

У мужчин — другая картина. Но ведь у них был Схенк! Совсем недавно, в 1972 году, в Саппоро он выиграл три дистанции. И это еще раз доказывает, что ссылки на «иные времена» вовсе не решающий аргумент. Схенка видели и нынешние конькобежцы, они вочуюно могли убедиться в реальности мечты об абсолютной победе.

Некоторые любители спорта полагают, что на XII Зимних Олимпийских играх ни одна спортсменка и не могла повторить достижение Скобликовой. Аргумент прост: в присутствии Янг Аверини трудно было выиграть «пятисотку». Американка, выступающая, как известно, без носков («Босая нога лучше чувствует сталь и лед», — объяснила Шила), быстрее всех пробегает начальные двести метров. Как из катапульты вылетает она со старта, и преимущество, накопленное на этом отрезке, гарантирует ей успех. С другой стороны, и Янг, конечно, не могла рассчитывать на абсолютную победу, соперничая с таким мастером, как Татьяна Аверина.

Дуэль фаворитов на ледяном овале «Айс стадиона» живо напоминала другую дуэль — двух лыжниц: Рансы Сметаниной, олимпийской чемпионки в лыжной гонке на десять километров, и финки Хелены Такало, выигравшей пятикилометровку — лыжный спринт. Сметанина была второй на пятикилометровой дистанции, а Такало стала второй в гонке на 10 километров. И в первом и во втором случаях победительниц отделяла одна от другой всего секунда. (Все тот же карманный компьютер сообщил нам, что на лыжне эта секунда материализовалась бы в 70 сантиметров.)

Столь же напряженным и быстротечным оказался и мужской спор, где особо хотелось бы напомнить об успехе молодого лыжника из Сыктывкара Николая Бажукова, выигравшего у Евгения Беляева на пятнадцатиклометровой дистанции две с половиной секунды.

По нынешним понятиям и скоростям — успех весьма убедительный.

Олимпийские скорости — вот что чаще всего манит молодого человека в спорт, покоряет навсегда, заставляет отказываться от многих других увлечений и занятий.

— Так было и у меня, — рассказывает обладательница двух золотых олимпийских медалей Татьяна Аверина. Мы беседуем с ней уже после того, как женщины разделили все четыре комплекта медалей. Теперь на «Айс стадионе» царствуют мужчины. Сегодня конькобежцы вышли на старт тысячметровой дистанции.

Объявлен перерыв для заливки льда, и я приглашаю Татьяну, стоящую у металлической ограды катка, подняться вверх, на трибуну.

Мы говорим не только о пути Аверини к верхним ступеням олимпийского пьедестала, но и о том, что после окончания института (а Татьяна на пятом курсе и должна стать спортивным педагогом) она, возможно, попробует себя в роли тренера, вспоминали забавные истории, связанные со спортом, и героиня нынешней Олимпиады, которую еще накануне стартов в Инсбруке называли наследницей Арда Схенка, рассказывала мне:

— У нас на Волге хорошо, но вот жаль, что нет в Горьком трасс для скоростного спуска или слалома. Иначе стала бы я горнолыжницей. Вот у кого скорости! Я ведь занималась и другими видами спорта, подавала какие-то надежды как гимнастка и коньки выбрала только потому, что чувство скорости

здесь буквально осязаемо. А скорость — это самое яркое и прекрасное выражение сути спорта...

Я, разумеется, обрадовался, услышав эту тираду, полез за блокнотом, мысленно поблагодарив Аверину за столь своевременную помощь: знаменитая чемпионка оказалась моим союзником и соавтором.

Нельзя было не согласиться с Татьяной, вспомнившей — к слову — о горнолыжниках.

Вместе с Галиной Степанской, выигравшей на «Айс стадионе» забеги конькобежек на «полуторке», и Сергеем Савельевым, первым финишировавшим в лыжной гонке на тридцать километров, одним из трех героев первого рабочего дня Олимпиады стал австрийский горнолыжник Франц Кламмер.

Кламмер выиграл скоростной спуск. Семьдесят тысяч поклонников горнолыжного спорта, этого абсолютного чемпиона альпийских стран, выстроились плотными шпалерами вдоль всей трассы скоростного спуска.

И вот гонщики один за другим бросаются вниз.

Это было захватывающее зрелище. Ноги спортсменов казались мне в эти секунды... амортизаторами. Они смягчали движения, позволяли, не теряя скорости, сохранять равновесие на самых крутых виражах — сильнейшие горнолыжники, и Франц Кламмер в первую очередь, не спускались по трассе, но летели, парили над ней.

Скорость, которую развил новый олимпийский чемпион, была необыкновенно высока, на некоторых участках дистанции она доходила до 130 километров в час.

Кламмер спускался к финишу, а я вспомнил его слова: «Вы знаете, на что будет похож автомобиль, если на такой скорости ударится о стену!»

Журнал «Тайм» за два дня до открытия Игр писал: «Современный горнолыжный спорт с его технической оснащённостью и совершенной экипировкой напоминает сегодня автогонки по «формуле один»: скорости растут, растёт и риск. Победа и поражения определяются сотыми долями секунды. Только в этом сезоне два горнолыжника во время международных соревнований разбиты насмерть. Острое соперничество, особенно в Европе, и мощная индустрия горнолыжного спорта, обороты которой измеряются многими миллионами долларов, превращают мастеров скоростного спуска и слалома в ракеты, чья обитаемость проверяется в аэродинамических трубах. Выбор мази для лыж перед каждым стартом являют собой государственный секрет».

Скорости растут, растёт и число неудачников.

После окончания соревнований женщин в слаломе мы получили итоговый протокол. Во главе его стояла Роза Миттермайер, завоевавшая, кстати, в Инсбруке две золотые медали — еще одну она получила в скоростном спуске. В протоколе было названо девятнадцать спортсменов. А вот список тех, кто сошел с дистанции, был даже несколько длиннее — двадцать девушек, и в их числе наша Алевтина Аскарлова, не закончили соревнований.

Еще больше неудачников у мужчин в слаломе-гиганте. Вместе с Владимиром Андреевым из соревнований выбыли еще сорок (!) горнолыжников.

Столь же велики скорости в состязаниях бобслеистов и саночников. Напоминаю о том, что сани были изобретены человеком даже раньше, чем колесо, Уильям Джонсон в «Спортс иллюстрийтед» пишет: «Рисунки, нацарапанные на стенах пещер в эпоху неолита, показывают, как использовались сани для транспортировки камней и туш диких животных. Но за пять тысяч лет отношения между человеком и санями существенно изменились — из медленного и практичного средства перевозок сани превратились в захватывающий дух летательный аппарат, воплощение ужасного риска и демонической красоты».

В соревнованиях саночников в Инсбруке доминировали наши друзья из ГДР. Крупнейшие специалисты этого вида спорта полагают, что у советских спортсменов неплохие перспективы. Двукратный олимпийский чемпион Томас Кёлер из ГДР, высоко оценивая возможности чемпионки Европы Веры Зозули, занявшей в Инсбруке девятое место, сказал:

«Возраст Веры дает ей право надеяться на большие успехи. Конечно, при соответствующем отношении к тренировкам».

Спорт, поднявшийся к олимпийским вершинам, — не только прекрасное, но и трудное увлечение, требующее громадных физических и нравственных усилий. Любители, скользкие по склону горы или катящиеся по лесной просеке лишь в те минуты, когда есть настроение, — это не спортсмены.

Они не помышляют о победах над соперниками. Стремление обогатить партнера, стремление стать первым заставляет будущего победителя тренироваться без устали, до седьмого пота. И чем выше ранг турнира, тем больших усилий требует подготовка. Тем больше затрагивает сил. Тем больше радость победы.

И Олимпийские игры — это наивысший пик. Пик спортивной карьеры. Пик славы и популярности.

Компьютер подсчитал: 800 миллионов телезрителей следили за олимпийскими сражениями на спортивных аренах Инсбрука. Восемьсот миллионов поклонников спорта стали свидетелями триумфа лыжников, конькобежцев, фигуристов, хоккеистов.

...Под слепящими лучами солнца на небольшом, окруженном разноцветными флажками катке у террас ресторана в Зефельде дамы в ярких костюмах, нарумяненные сверх меры, демонстрируют моды и бьющее через край жизнерадие.

Эти «спортсменки» приехали сейчас на фешенебельный горный курорт потому, что спорт — это модно. Но забываются леди, конечно, не о призах, а о том, как «смотрятся» они на фоне фрау Мюллер, прикатившей из соседнего Мюнхена, или мадам Потти, приехавшей из Парижа.

У каждого свой «чемпионат». Свои «олимпийские игры».

Дамы эти, естественно, не имели ничего общего с истинными спортсменками, что мерились в эти часы силами на лыжных олимпийских трассах Зефельда. Они молоды, они прекрасны, эти сильнейшие лыжницы земного шара. Прекрасны и без помощи косметической фирмы «Пиц Буин», заботящейся о том, чтобы чемпионы, поднимающиеся на пьедестал почета, выглядели как положено. Они прекрасны, хотя успех достается им ценой невероятных усилий — в борьбе с соперниками, со временем, с сегодняшними своими возможностями. С олимпийскими скоростями современного спорта.

Блистательные артисты, чарующие и покоряющие мир в минуты ледовой или снежной премьеры, они предстают в своем истинном виде скорее всего лишь в часы подготовки, на что эти «чернорабочие тренировок» тратят большую часть времени, остающегося после рабочего дня или университетских лекций.

Одиннадцатое февраля.

Вечером на олимпийском стадионе фигуристы выступают с произвольной программой. Вечером решится все. Вечером мир узнает имя нового олимпийского чемпиона. Сейчас, после обязательной и короткой программ, лидируют англичанин Джон Карри, Сергей Волков, Ян Хоффман из ГДР, Владимир Ковалев и канадец Толлер Крэнстон. Шансы у всех примерно равны, и потому предостоят увлекательная борьба, сюжеты которой предугадать не дано никому.

Вечером мир узнает имя нового чемпиона, а сейчас, с 11 до 12 утра, — тренировка на льду «ИНКУ Барракуда Халле».

Серо-желтый снаружи и бело-зеленый внутри громадный шатер, свободно вместивший ледовую площадку стандартного (по хоккейным требованиям) размера, стоит напротив «Айс стадиона».

От шатра до «Айс стадиона» сотня метров. От шатра до «Айс стадиона» — восемь часов. Восемь часов иссушающего душу нервного напряжения.

Пять минут отводится на исполнение произвольной композиции, но в эти минуты вместятся годы напряженных тренировок, годы строящихся самоограничений, когда на потом откладываются все увлечения — ради одного. Ради спорта. Ради возможности подняться к олимпийским вершинам.

На льду пятеро. Трое наших — Волков, Ковалев и Овчинников. И два японца — Минуру Сано и Мицунори Мацумура.

Фигуристы не в праздничных костюмах — в

рабочих блузах. Нет галстуков — украшения ждут своего часа.

Блестящие премьеры, кумиры миллионов восторженных поклонников восхитительного вида спорта работают. Кулисы и подземный переход под улицей в пару сотен шагов отделяют их от сцены, где спортсмены встретят цветами и овацией.

Прыжок, еще прыжок. Вращение. И снова прыжки, комбинации прыжков. Каскады прыжков в два с половиной, в три оборота.

Внимательны и сосредоточены тренеры Елена Чайковская и Станислав Жук. Они не делают замечаний. Все давно подготовлено, отпретировано, отработано.

В тишине (музыки пока нет, она зазвучала лишь в конце тренировки) слышно, как стрекочут камеры тренеров из других стран. Они пришли посмотреть тренировку возможных призеров Олимпиады: советская школа фигурного катания — признанный университет, программа которого изучается и за морями-океанами. Выступление Ирины Родиноной и Александра Зайцева, в частности, — лекция, на которую спешат самые маститые профессора парного катания.

Прыжок, еще прыжок. Вращение. Каскад прыжков.

— Нет, эта нагрузка меньше, значительно меньше обычной, — поясняет Елена Анатольевна Чайковская, заслуженный тренер СССР, наставник наших олимпийцев — Людмила Пахомовой и Александра Горшкова, Наталии Линичук и Геннадия Карпоносова. Через девять дней, когда герои Инсбрука уже будут в Москве, первый секретарь ЦК комсомола Евгений Михайлович Тяжельников вручит Чайковской знак ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи».

— Сейчас фигуристы в последний раз просят сложнейшие элементы и комбинации, так сказать, шлифуют то, что готовились в течение нескольких сезонов. Полностью программу не катают никто.

Обратили внимание, как возросла техника ведущих мастеров? Почти не стало прыжков в два оборота. Это уже вчерашний день. Прыгают в два с половиной, в три оборота.

Время времени, прогресс спорта в других дисциплинах находят точное отражение в более быстрых секундах. У нас изменения проявляются по-своему. Фигурное катание, сложный в техническом плане вид спорта, стало сейчас еще более сложным. Скорость катания, пожалуй, не возросла: американцы и канадцы несколько даже демонстративно не спешат, но программы, которые показывают в Инсбруке мужчины, до предела насыщены трудными комбинациями. Теперь мало двойных и тройных каскадов прыжков. Теперь этим не удивишь. Пять лет назад многое было проще, лидеры на голову превосходили соперников, а сегодня вся первая пятерка работает на одинаковом уровне, на высшей технике. Полагаю, что вечером и наши ребята, и Карри, и Крэнстон, и Хоффман с равным основанием смогут предьявить права на олимпийские медали.

И вторые. Самые сложные и замысловатые даже комбинации перестали быть в мужском катании самоцелью. От бывлой примитивности избавились. Задача программы — создание цельного художественного образа. Музыкального, эстетического образа. Как, случилось, строили программу в сравнительно недалеком прошлом? Разбег — элемент, снова разбег — и снова прыжок. Один элемент не был связан с другим, не вытекал из него, не дополнял логически. Подлинный артизм — плод совершенного освоения всех тех сложных элементов техники, на базе которых и возможно рождение убедительного художественного образа. Теперь все связи между комбинациями носят не вспомогательный, как прежде, характер, но служат созданию этого образа.

Поздно вечером, когда в Москве было за полночь, на контрольных телеэкранах, установленных в ложах комментаторов, в последний раз побегали строчки, выдаваемые «Хивел балл компьютером». Первым появился имя англичанина Джона Карри.

Вторым шел наш Володя Ковалев. Воспитанник Елены Анатольевны Чайковской и Татьяны Александровны Толмачевой.

Это был полный успех моей утренней собеседницы. Ведь накануне вечером другие ее

питомцы поднялись на высшую ступень пьедестала почета олимпийского Инсбрука.

Но, право же, не золотая медаль, завоеванная Людмилой Пахомовой и Александром Горшковым, была высшей наградой для Чайковской. Высшим призом, высшим символом признания неоспоримых ее достижений стало самое включение танцев на льду в программу XII Зимних Олимпийских игр. Именно творческие искания и счастливые находки Елены Анатольевны и талантливейших ее учеников стали тем аргументом в многолетней дискуссии, что убедили не склонных к новаторству и расширению Олимпиады «отцов» МОК дать танцорам возможность включиться в великий стан олимпийцев.

Чайковская и ее коллеги угадали дух олимпийских скоростей.

К полудню мы возвращались с «Айс штадиона», приезжали из Зеефельда, из Аксмер-Лицума, а после обеда или вечером вновь шагали по мосту, перекинутому через железнодорожные пути и связывающему пресс-центр с олимпийским стадионом. Только теперь нас манил не ледовый овал, теперь в центре всеобщего внимания была залитая светом арена Дворца спорта, где состязались фигуристы и хоккеисты. Они властвовали под сводами дворца по очереди — через день.

Я бы покривил душой, если бы стал настаивать на утверждении, будто бы хоккейный турнир запомнился невиданным накалом и драматизмом соперничества. Напротив, фавориты определились еще до того, как шайба была брошена в игру: только сборные Чехословакии и Советского Союза претендовали на медали высшей пробы.

Трудным ли был олимпийский турнир? Ответить на этот вопрос я попросил Валерия Харламова.

— Турнир был легче, чем обычно: не приехали такие сильные соперники, как шведы, да и с командой ЧССР нам пришлось сыграть только раз. Но турнир был и труднее, потому что судьба золотых медалей решалась в одном матче. А от поражений в спорте не застрахован никто. Проиграв мы только однажды — чехословацкой команде, и все... Были бы ни к чему все остальные победы нашей хоккейной команды в Инсбруке.

Матч получился трудным. Нервным, каким-то нервным. Соперник здорово ловил нас на контрастах. Одна ошибка — и сначала Милан Нови, а затем и Иван Глинка на огромной скорости умчались от своих опекунов. И в том и в другом случае соперники мгновенно находили наилучшее решение. Пожалуй, этим и привлекателен в первую очередь сегодняшний хоккей — счет идет на мгновения. Я часто вспоминаю определение, которое дал когда-то игре Анатолия Фирсова наш тренер Анатолий Владимирович Тарасов: «В игре Анатолия поражает его скорость. Прежде всего скорость мысли. Порой мне кажется, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений: в горчай, напряженной обстановке, мгновенно ориентируясь, он находит самые неожиданные решения. Затем скорость исполнения того или иного технического приема, паса, обводки. И, в-третьих, скорость бега. Три скорости, взятые вместе и перемноженные».

Сегодня этот лестный отзыв можно отнести и к другим большим мастерам. К Александру Якушеву, например. Или к Александру Мальцеву.

Быстро ориентировки на площадке, умение раньше соперника найти остроумное, неожиданное решение — первооснова тактики в современном хоккее, и именно в этом компоненте игры было заметно преимущество нашей команды в Инсбруке.

Сборная, считаю я, выступала достаточно ровно, но я бы выделил, пожалуй, звено Владимира Шадрина, где мотором, приводящим в движение всю пятерку, был играющий на высоких скоростях Виктор Шалимов...

К сказанному Валерием я хотел бы добавить лишь одно: самая яркая личность в нашей золотой команде — это сам Харламов. Спортсмен, в действиях которого три скорости, названные некогда Тарасовым, заметны более всего.

Спорт не стоит на месте. Спорт стремительно прогрессирует.

Юрий ЯРМЫШ

СКАЗКА О НЕВЕДОМОМ ГОРОДЕ

Скажите мне, если есть на свете город и в этом городе живет любимая, это уже родной город?..

Неведомый город проснулся от звуков удивительной музыки. Старикам звенела в ней угасшая любовь, молодым — необычное будущее.

А знаток драгоценностей услышал опять-таки звон бриллиантов...

Окна распахнулись все сразу. Музыка поднялась над городом и угасла... Посреди площади стоял юноша. Без сомнения, это был чародей.

— Дарю! — звонко крикнул он. И все жители Неведомого города услышали его. — Дарю солнечные лучи тому, чья комната давно не видела солнца!

— Благодарю вас! — обрадовался седой старик, выглянувший из своей одинокой комнаты.

В воздухе сверкнули веселые лучики, и комната стала настоящим дворцом...

Не скрипнули — свистнули тысячи дверей.

— Что у тебя есть еще?!

— Радуга! Девчатам в косы!

— Ой, мне! Мне! И мне!

— Подол спелых вишен из сада вашего детства!

— Для меня это самое святое...

— Все золото мира!

— Нам! И на-а-ам!

— А вот забываемая сладость первого поцелуя! Пожалуйста...

— Рио-де-Жанейро и в придачу Ницца!

— Срочный развод с постылыми! Пожалуйста!

— Дыня с дедовского баштана!

— Лунная дорожка на ночном море, по которой можно попасть в сказочную страну! Пожалуйста!

Только одно окно не отворилось. Окно самого высокого этажа.

— Ты слышишь? Что-то странное творится в нашем городе!

Ее голова лежала у него на плече.

— Радуга...

— Не надо, милый, я счастлива без нее.

— Лунная дорожка...

— Неси меня, милый, без дороги.

— Рио и Ницца...

— У нас с тобой два мира — ты...

— И ты!

И они уже ничего не слышали...

А Неведомый город стал самым счастливым. Его жители не то что птичье молоко, даже философский камень имели.

Даже вечный двигатель. Даже секрет неуваждающей юности.

Но все равно они чего-то ждали еще. Человек всегда на что-то надеется.

Встреча с любимой... Кусок сала... Недруг за углом... Люди города ждали нового счастья.

Однажды, когда ночные сумерки еще не пригнала утренняя заря, в Неведомом городе тихо скрипнули тысячи дверей. Люди понесли свое легкое счастье на площадь. Они сложили его в мешок. А мешок накрепко завязали

нейлоновым шнурком и бросили посреди площади.

И тогда вновь растворилось окно самого высокого этажа.

— Уже светает! Посмотри, Кассиопа поблекла. Она напоминает мне руки влюбленных, поднятые навстречу будущему. И ее рука в его руке.

— Нет, милый... Моей там уже нет.

...Он шел по розовому от зари городу. Дома стояли молчаливо и четко — ни единого полтона...

Застучали колеса трамваев, которые не спеша выезжали из своих ночных убежищ. Трамвай еще не успели согреться и глухо подпрыгивали на стыках...

— Эй, дружок!

Юноша обернулся.

Это был тоже юноша. Он нес мешок, завязанный нейлоновым шнурком.

— Не жалеешь ли радугу в косу своей любимой?

— Косу ее все равно расплетет другой...

— Может, хочешь пару белых лебедей?

— Пусть лебедь любит лебедку на воле...

— Тогда возьми вишен из сада своего детства...

— Чтобы кто-то налепил из них вареников?

— Но вареники любят дети... Хочешь, я подарю тебе этот город?

— Если ты так щедр — подари мне кусочек неба, который виден из окна самого высокого этажа.

...Мой сон о тебе не кончается.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Мастер был стар и всеми уважаем. Слава давно уже склонилась перед ним свою непокорную голову, а почитатели, как верная стража, охраняли признанного метра от нечестных укуров смельчаков. Его скрипки считались образцом совершенства, и играть на них стремились самые выдающиеся музыканты. Мастера сравнивали с горным орлом, одиноко и гордо парящим в небесах искусства. Он и в самом деле походил на орла — высокий, с пристальным взглядом из-под черного разлета бровей.

Многие искали с ним знакомства. Учиться у него желали тысячи молодых. Но тем, кто стремился встретиться с мастером, каждый раз все труднее было осуществить свое желание.

Росло количество скрипок, созданных великим мастером, росли и прожитые годы. И когда число прожитых лет согнуло его так, что он уже едва выдерживал их тяжесть, мастер понял: приближается его последний день.

И он попросил лучших скрипачей прийти к нему с его скрипками, стать у изголовья и утешить его волшебными мелодиями...

Один за другим звучали инструменты. Это были юношеские скрипки мастера. И комната будто засверкала солнечными лучами, пронизывающими утренний туман на лугу. И бежала по росе девчонка на свое первое свидание...

Другие скрипки звенели о солнечном полдне и жарком труде, о трудных дорогах, верных и неверных друзьях. И рождалась гордая радость покорения неприступных вершин.

Голос поздних скрипок мастера был величав и ясен. Пожалуй, едва уловимое самолюбование было в них излишним. Но каждая

В 1963 году «Смена» поместила философские сказки для взрослых комсомольского работника с Украины, молодого писателя Юрия Ярмыш. Это был его дебют во всесоюзной печати. Ныне Юрий Ярмыш — известный прозаик, автор многих книг для детей и юношества, лауреат премии Ленинского комсомола Украины имени Николая Островского, главный редактор литературного журнала «Радуга».

нота звучала так подчеркнуто красиво, гармонично, что, когда последний звук замер где-то далеко за распахнутыми в звездную полночь окнами, музыканты, почитатели и даже сам мастер еще долго молчали, не решаясь всплунуть очарования.

Но вот послышалось восторженное восклицание одного из почитателей мастера:

— О великий мастер! Этим скрипкам вистину нет равных. Как предусмотрительны вы были, отказавшись от учеников! Пройдут годы, и никто уже не услышит столь волшебных звуков. Вы, единственный, неповторимый, унесите их тайну с собой!

— Как унесу? — вдруг похолодел великий мастер. — Куда?

Хватаясь дрожащими руками за стену, он стал подниматься...

А его дети, его деревянные скрипки, снова пели. Пели о бессмертной жизни, нелегких ее дорогах и гордой печали покорения последней вершины.

ЗОЛОТОЙ КОРАБЛИК

Месяц, словно золотой кораблик, качался на сонных ночных волнах. Мальчик сложил ладошки лодочкой и зачерпнул золотой воды. Кораблик ласковыми каплями выскользнул из рук и исчез в волнах.

— Где кораблик? Куда пропал кораблик? — спросил пораженный малыш у матери.

— Он уплыл в сказку... Ты не поймал его до той поры, пока не вырастешь, не станешь сильным и умным...

Летела земля в безмолвном звездном океане. Качался кораблик на ночных волнах. Рос мальчик. И когда темные волосы его матери посебрила осень, он, высокий, сильный, снова пришел к волнам.

Пришел не один.

Они молча сидели на ночном берегу. Они замерли, не смея коснуться друг друга. А когда юноша наконец решился и робко погладил волосы девушки, она, смеясь, всплеснула руками и, подбежав к озеру, зачерпнула в ладошки пригоршню темной воды с золотым корабликом.

Но вода, смеясь и журча, проскользнула вместе с корабликом сквозь нежные пальцы девушки.

— Я хочу кораблик!...

И юноша отправился в далекое небо за золотой мечтой.

Бессонными ночами смотрела девушка в бесконечную звездную бездну. Ждала возвращения.

И день настал. Юноша вернулся на землю с частичей золотого кораблика.

Она была необычайна в своей первоизданной красе. С ней не могли сравниться никакие творения земных мастеров. И это звездное чудо наконец-то было на земле — лежало в теплых ладонях девушки.

Едва слышно шуршала о берег волна. В тишине ярко мерцали высокие звезды. Над уснувшей землей плыла вечность...

— Все исполнено!.. Но почему же сердцу и радостно и снова так грустно? — вдруг задумчиво сказала девушка.

Ее взгляд был устремлен на волны.

На темной глади волновался, смеясь и маня, золотой кораблик...

Перевел с украинского автор

Сергей Сергеевич СМИРНОВ

...Мы знали: угроза нарастает, роковая минута приближается. И знали другое: он, большой и сильный человек, борется. И мы надеялись... Эта надежда окрепла, когда стало известно, что в день открытия XXV съезда партии Сергей Сергеевич поднялся, оделся и направился в Кремль. Он шел с делегатским мандатом и партийным билетом у сердца — высокий, седой, красивый человек, коммунист, писатель...

Уже потом, из больницы, он еще передавал приветы коллективу редакции, интересовался делами «Смены»... И вот эта необратимая, тяжелейшая весть... Сергея Сергеевича Смирнова не стало.

Сергей Сергеевич! Мы расстаемся с Вами, но не прощаемся. Мы всегда будем помнить Вас, слышать Ваш голос, видеть Вашу приветливую, неповторимую улыбку, Ваш добрый, чуть усталый взгляд, мы сохраним Ваши от руки написанные материалы, сбережем Ваши наказы, Ваши советы, не предадим забвению Ваши мысли, Ваше дружелюбие, наконец, Ваше трудовое подвижничество, Ваше гражданское мужество, Ваш писательский подвиг!

Сергея Сергеевича Смирнова знали, любили и уважали миллионы читателей. Он один из тех счастливых литераторов-летописцев, кому выпало за фактом людского героизма увидеть душу и характер народа, поднявшегося на борьбу с коричневой нечистью. Он увлеченно, самоотверженно отдавал день за днем годы своей жизни, чтобы воскресить подвиг героев Бреста, найти живых, по мельчайшим крупинкам восстановить событие за событием брестской эпопеи, тратил себя во имя высочайшей и непреходящей цели: во имя того, чтобы показать, что же это такое, наш советский патриотизм. И он это сделал.

Ответной благодарностью открылись ему читательские сердца. Письма хлынули потоками, и они, эти простые свидетельства народной признательности, стали содержанием его последующих дней. Он работал вместе с тысячами соавторов над книгой народной памяти, имя которой — «Подвиг».

Он видится всем нам с телеэкрана вместе со своими героями, его голос слышен по радио, его статьи и рассказы печатаются в газетах и журналах, и имена солдат, безвестные имена скромных тружеников войны, благодаря его беззаветному душевному писательскому труду одно за одним входили в сознание новых поколений, в сознание нашей молодежи.

«Спасибо ему за это! Спасибо великое!» — говорим мы вместе с его читателями.

...Сергея Сергеевича не стало. Больно писать эти слова... Горько... Совсем еще недавно ему, лауреату Ленинской премии, был вручен орден Ленина — в дни его шестидесятилетия. Он — депутат Верховного Совета РСФСР, первый секретарь Московской писательской организации, секретарь Союза писателей СССР и РСФСР...

Он много ездил, обнимал душой советскую землю — одна из последних его поездок была в солнечный и любимый им Узбекистан. Он был счастлив встречей с добрым человеком, радовался рождению хорошей книги, думал, творил... Одна из неоконченных работ — повесть о маршале Жукове, которую он обещал «Смене».

Силы уходили, а он работал. Писал. Звонил. Присылал автора — ветерана войны («Вы уж помогите Колуше...»). Приходил на редколлегия, внимательный, деловой и душевный... Писал отзывы, стараясь в любой работе любого автора найти «зерно»...

Ушел из жизни значительный, добрый и талантливый человек. Он многому научил нас. Мы всегда высоко ценили честь работать рядом с ним, многолетним членом редколлегии журнала «Смена». Мы гордимся дружбой с ним. И никогда не забудем его, нашего незабвенного Сергея Сергеевича Смирнова.

Редколлегия и коллектив «Смены»

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ЮНЫХ ЧЕМПИОНОВ

В нынешнем году ареной шахматных баталий на личном первенстве СССР среди юношей и девушек явилась столица Грузии. На турнир в столицу Грузии съехалась большая группа талантливых и весьма перспективных юных шахматистов из всех союзных республик.

Почетные титулы чемпионов страны завоевали 15-летняя «хозяйка поля», международный мастер по шахматам среди женщин Майя Чибурданидзе — у нее отменный результат 8:1 — и 12-летний (!) кандидат в мастера из Баку Гарик Каспаров — 7:2.

О том, как замечательно играет наша шахматная смена, свидетельствуют примеры творчества победителей всесоюзного юношеского турнира в Тбилиси, которые, думается, доставят читателям «Смены» немало приятных минут.

К такому положению пришла после 17-го хода черных партия Г. Каспарова с представителем Российской Федерации М. Меркуловым. Своевременным пешечным разменом игравший белыми юный бакинец вскрывает важную вертикаль на королевском фланге и приступает к штурму оборонительных рубежей соперника.

18. g4:h5 g6:h5.
Напрашивающееся для черных взятие пешки конем оказывается невозможным, так как в случае 18... K:h5? 19. C:e7+! Kp:e7 20. Kd5+ они потеряли бы ферзя.

19. Cg5—h6! Cd7—c6 20. a4:b5 a6:b5 21. c4:b5 Cd7:b5 22. Ch6:g7+ Kpf8:g7 23. Lh1—g1+ Kpg7—f8 24. Lg1—g5!

Немалое эстетическое удовольствие доставляет наблюдать за весьма искусными и динамичными действиями юного шахматиста.

24... Lc8—c5 25. Lg5:c5 d6:c5 26. Kc3:b5 Fa5:b5 27. Fd2—h6+ Kpf8—g8 28. Fh6—g5+ Kpg8—h8 29. Fg5:c5 Fb5—d3 30. Lc1—c3 Fd3—d7 31. e4—e5! Kf6—e8 32. Fc5—c6 Fd7—a7.

Понятно, что размен ферзей не устраивал черных, ибо получивший эндшпиль был бы для них довольно безрадостным.

33. Lc3—c5! Ke8—g7 34. Cd1—c2 Kg7—e6 35. Fc6—e4! Ke6—f8 36. Fe4—e3 Fa7—a1+ 37. Kpe1—e2 Fa1—h1 38. Fe3—h6+ Kpf8—g8 39. Fh6—g5+ Kpg8—h8 40. Fg5:h5+ Kph8—g8 41. Fh5—g4+ Kpg8—h8.

В решающий момент атаки активизируется ладья белых, и это обстоятельство делает их угрозы неприятельскому королю неотразимыми.

42. e5—e6! f7—f6 43. Lc5—h5+, и перед лицом неотвратимого мата черные капитулировали.

Вы видите дебютную позицию, создавшуюся после 9-го хода белых в партии М. Чибурданидзе (чемпионка играла черными) со вторым призером соревнования — Раисой Эйдельсон из Белоруссии.

Неожиданным тактическим ударом черные завоевывают центральную пешку. Белые, в свою очередь, предпринимают попытку осложнить борьбу, но из-за четкой, изобретательной игры грузинской шахматистки встречных шансов достичь им не удается. Они даже теряют вторую пешку, а это быстро решает судьбу поединка.

9... Kf6:e4! 10. Kc3—d5 Fb6—a5+ 11. b2—b4 Kc6:b4 12. Kd5:e7+ Kpg8—h8 13. f3:e4 Kb4:c2++ 14. Kpe1—f2 Kc2:e3! 15. Kpf2:e3 Fa5—a3+ 16. Fd1—d3 Fa3:e7 17. Lh1—f1 d7—d5 18. La1—e1 a7—a6 19. Cb5—a4 f7—f5!, и белые сложили оружие.

АТАКУЕТ ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ

Шахматам все возрасты покорны — эти слова сами напрашиваются, когда наблюдаешь за эмоциональной, полной юношеского обаяния игрой экс-чемпиона мира Василия Смыслова. Хотя московскому гроссмейстеру пошел уже 56-й год, он до сих пор создает великолепные произведения шахматного искусства. Несмотря на все возрастающую конкуренцию сильнейших молодых шахматистов, ветеран нередко продолжает побеждать в крупных соревнованиях. Так, на международном турнире в венгерском городе Сольнокке В. Смыслов завоевал первый приз с результатом 9,5:4,5 и не потерпел ни одного поражения. О стиле, которым отличается ныне его игра, дает представление элегантный финал партии, в которой экс-чемпион мира одержал верх над известным шахматистом из США Эдуардом Меднисом.

На диаграмме изображено положение, возникшее после 31-го хода белых. Эффективной комбинацией, связанной с жертвой ладьи, москвич (у него были черные) ставит перед соперником практически неразрешимые задачи.

31... Lf4—f3! 32. Kpg1—h1 Fg6—f6! 33. g2:f3 g4:f3 34. Lf1—g1+ Kpg7—h7 35. Le3:f3 Ff6—h4+ 36. Kph1—g2 Fh4—g4+ 37. Kpg2—f1 Fg4:f3 38. Fe2—d2 Lf8—f4 39. Lg1—g2 Ff3:e4 40. Fd2—d1 Fe4—f5, и белые сдались.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВ

Предлагаем любителям шахмат найти решение интересной композиции выдающегося советского этюдиста Леонида Куббеля, отмеченной на международном конкурсе в Чехословакии похвальным отзывом.

Белые начинают и делают ничью.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/III 1976 г. А 00893. Подписано к печати 19/III 1976 г. Формат 70 × 108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 785. Заказ № 1963. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЛЕБЕДИНАЯ ВЕРНОСТЬ

Песня — лауреат телевизионного конкурса «Песня-75».

УМЕРЕННО.

Музыка Евгения МАРТЫНОВА.

Слова Андрея ДЕМЕНТЬЕВА.

Музыка Евгения МАРТЫНОВА.

Над землей летели лебеди
солнечным днем.
Было им светло и радостно
в небе вдвоем.
И земля казалась ласковой
им в этот миг.
Вдруг по птицам кто-то выстрелил.
И вырвался крик!

Припев:
Ты прости меня, любимая,
за чужое зло,
что мое крыло
счастье не спасло.
Ты прости меня, любимая,
что весенним днем
в небе голубом, как прежде,
нам не быть вдвоем.

Припев:
Что с тобой, моя любимая?
Отзовись скорей.
Без любви твоей
небо все грустней.
Где же ты, моя любимая?
Возвратись скорей.
Красотой своею нежной
сердце мне согрей.

И была непоправимою
эта беда,
что с любимую не встретится
он никогда.
Лебедь вновь поднялся к облаку,
песню прервал.
И, сложив бесстрашно крылья,
на землю упал.

В небесах искал подругу он.
Звал из гнезда.
Но молчанием ответила
птице беда.
Улететь в края далекие
лебедь не мог.
Потеряв подругу верную,
он стал одиночек.

Припев:
Я хочу, чтоб жили лебеди!
И от белых стай,
и от белых стай
мир добрее стал.
Пусть летят по небу лебеди
над землей моей,
над судьбой моей — летите
в светлый мир людей.

КРОССВОРД

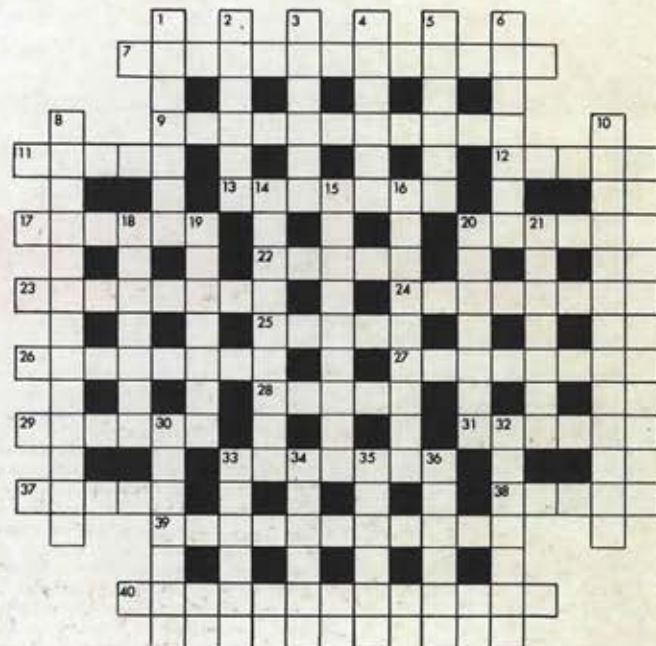
Составил А. ГРИБАЧЕВСКИЙ,
г. Красноярск

По горизонтали:

7. Наука об ископаемых организмах. 9. Наука о растительных сообществах. 11. Злаковое растение. 12. Высокий мужской голос. 13. Пустыня в Чили. 17. Комната в лечебном учреждении. 20. Раствор, употребляемый для бытовых целей. 22. Столица Афганистана. 23. Игрок спортивной команды. 24. Музыкальное произведение для хора и оркестра. 25. Регулярное денежное вознаграждение. 26. Один из героев романа А. Фадеева «Разгром». 27. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дым». 28. Город в Московской области. 29. Линейка для черчения. 31. Работник системы связи. 33. Столица Венесуэлы. 37. Советский космонавт. 38. Стихотворение А. С. Пушкина. 39. Часть науки, изучающей равновесие и движение газов. 40. Предок, основоположник.

По вертикали:

1. Корабельные брусья для постановки парусов, подъема грузов. 2. Род войск. 3. Река в Забайкалье. 4. Домашнее животное. 5. Пряность. 6. Рассказ А. И. Куприна. 8. Научная дисциплина, изучающая свойства, сортность предметов торговли. 10. Русский живописец-портретист XVIII—XIX веков. 14. Отрасль геологии. 15. Небольшая ария. 16. Театральный жанр. 18. Полярная область земли. 19. Итальянский поэт XV—XVI веков. 20. Ядерная установка. 21. Популярный английский актер, гастролировавший в Советском Союзе. 30. Композитор, дирижер, руководитель Русского народного хора имени Пятницкого. 32. Автономная советская республика. 33. Советский драматург. 34. Герой поэмы А. С. Пушкина. 35. Деталь духового инструмента. 36. Басня И. А. Крылова.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

Фантазия художника... В обычной еловой шишке она открывает сморщенную сказочную старушонку, в спелом каштане или в грецком орехе — эксцентричных и озорных братьев и сестер Чебурашки...

Этим даром фантазии щедро наделена художница Вера Роговина. Истоки ее творчества — в народном фольклоре. Там увидела она вот этих, например, добродушных леших, ликующих после очередной озорной проделки. Эти лешие вовсе не злы: они присматривают за луной, чтобы ярче светила, за волками и медведями, чтобы не обижали людей, подшучивают над запоздавшим путником, чтобы поторопливался домой...

Рядом — скандинавские гномики. У каждого — свой характер, свои привычки и даже своя манера носить шляпу, которую, по преданию, каждый гном сам выращивает из колокольчиков...

В этих причудливых поделках, которые дарит нам художница, целый мир. Мир доброй и светлой фантазии.

Яна ФЕНЬЕВА

